

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
А.І. Забейварота
У.В. Здановіч
Г.А. Зорын
У.Л. Клюня
У.У. Лосеў
Б.М. Ляпешка
А.А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2018

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.01.2018 № 16) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

Сендзер Ганна. «Весніку Брэсцкага ўніверсітэта» – 20 гадоў.....	5
Вабішчэвіч А.М. Новыя гарызонты навуковых даследаванняў.....	6

ГІСТОРЫЯ

Башкоў А.А. Даследаванні археалагічнай экспедыцыі БрДУ імя А.С. Пушкіна ў Камянецкім раёне Брэсцкай вобласці	7
Вабищевич А.Н. Рубельский православный приход на Столинщине (конец XVIII – начало XX в.).....	17
Уваров И.Ю. Система правовых отношений и становление законодательной базы в Великом княжестве Литовском в XVI в.....	28
Марозаў С.П. «Літоўскі сепаратыст» Канстанцін Каліноўскі.....	35
Хованский А.В. Организация управления подразделениями внутренней стражи на белорусских землях в 1811–1864 гг.....	43
Вавренюк И.И. Тенденции развития художественной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.).....	53
Дзмітрук А.П. Праекты партый урадавай арыентацыі па арганізацыі грамадска-гаспадарчай працы ў Віленскім і Навагрудскім ваяводствах (1928–1939 гг.).....	61
Савчук Т.П. Историческая память в работах современных российских и белорусских исследователей: методологические подходы.....	67

ЭКАНОМІКА

Бялецкая Т.Н., Князькова В.С. Экосистема электронной экономики: интеллектуальная составляющая	76
Зайцева Н.И., Кутень А.В. Амортизационные отчисления как элемент себестоимости продукции.....	85
Томилин А.А., Коломиец С.А. Система ценообразования как один из основных компонентов экономического механизма регулирования кооперативных отношений в агропромышленном производстве Украины	92
Мазарчук Д.В., Мурашко И.А. Публично-частное партнерство в сфере морской торговли: исторический опыт (на материале Венецианской республики).....	98
Ковалевич О.А. Туристский потенциал территории и его оценка	107
Шупенько М.М. Предпосылки для развития и укрепления белорусско-индийских отношений	114

ПРАВА

Василевич Г.А. Особенности антикоррупционной экспертизы и проблемы ее эффективности	122
Коротич Е.А. Принципы международного правового регулирования использования современных медицинских технологий.....	134
Василевич Д.Г. Правовые аспекты эвтаназии.....	140
Маслакова Н.Н. Вопросы правового регулирования отношений, связанных с профессиональной подготовкой работников на производстве, в Республике Беларусь.....	150
Резюк В.И. Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств: специфика юридической оценки в контексте криминологического анализа	157
Романюк Е.В. Проблема стигматизации лиц, страдающих зависимостью от потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.....	164
Чугунова Т.И. Разрешение индивидуальных трудовых споров в Республике Беларусь: проблемы правового регулирования	170

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

Anton Miranovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Stanislav Rudolf (Poland)

B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:

A.M. Vabishchevich

(managing editor)

V.F. Bajnyov

T.A. Garupa

A.A. Guzhalovski

T.I. Dovnar

A.I. Zabeivarota

V.V. Zdanovich

G.A. Zorin

V.L. Klunia

V.V. Losev

B.M. Lyapeshka

A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2018

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 16, 2018 № 16) the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

Sender Hanna. «Vesnik of Brest University» is 20 Years.....	5
Vabishchevich A.M. New Horizons of Scientific Research.....	6

HISTORY

Bashkou A.A. Research by Archaeological Expedition Brest State University in Kamenets District, Brest Region.....	7
Vabishchevich A.M. The Orthodox Parish in the Village of Rubel in the Stolin Region (Late 18th – Early 20th Century).....	17
Uvarov I.Yu. The System of Legal Relations and the Formation of the Legislative Base in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century.....	28
Marozau S.P. «Lithuanian Separatist» Kanstantsin Kalinouski.....	35
Khovanski A.V. Organization of Management of Departments of Internal Guards on Belarus Land in 1811–1864.....	43
Vavrenyuk I.I. Development Tendencies of Jews’ Artistic Culture in Western Belarus (1921–1939).....	53
Dzmitruk A.P. Projects of Governmental Parties in the Area of Socio-Economic Work in Vilnius and Novogrudok Province (1928–1939).....	61
Savchuk T.P. Historical Memory in the Works of Contemporary Russian and Belarusian Researchers: Methodological Approaches.....	67

ECONOMICS

Belyatskaya T.N., Knyazkova V.S. E-economy Ecosystem: Intellectual Factor.....	76
Zaitseva N.I., Kuten A.V. Amortization Estimates as a Component of Cost of Production.....	85
Tomilin A.A., Kolomiets S.A. Pricing System as One of the Basic Components of Economic Mechanism of Regulation of Cooperative Relations in Agroindustrial Production.....	92
Mazarchuk D.V., Murashko I.A. Public-Private Partnership in the Sphere of Marine Trade: Historical Experience (on the Material of the Venez Republic).....	98
Kovalevich O.A. Tourist Potential and its Evaluation.....	107
Shupenko M.M. Prerequisites for Development and Strengthening of the Belarusian-Indian Relations.....	114

LAW

Vasilevich G.A. Peculiarities of Anti-Corruption Expertise and its Problems of its Efficiency.....	122
Korotich E.A. Principles of International Legal Ensuring of Person’s Safety in the Area of Contemporary Medicine: Sources and Types.....	134
Vasilevich D.G. The Legal Aspects of Euthanasia.....	140
Maslakova N.N. Some Issues of Legal Regulation of Professional Training for Production Workers in the Republic of Belarus.....	150
Rezyuk V.I. The Legal Relationship Connected with Execution of the Budgetary Obligations: Specifics of Legal Assessment in the Context of the Criminological Analysis.....	157
Romanyuk E.V. The Problem of Social Stigma toward Persons with Drug and Psychotropic Substances Addiction and their Analogues.....	164
Chugunova T.I. Arrangement of Individual Labor Disputes in the Republic of Belarus: Problems of Legal Regulation.....	170

«ВЕСНІКУ БРЭСЦКАГА ЁНІВЕРСІТЭТА» – 20 ГАДОЎ

Шаноўныя калегі, паважаныя аўтары і чытачы!

Сёлета навукова-тэарэтычны часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» адзначае сваё 20-годдзе. Часопіс быў створаны ў снежні 1997 г. згодна з рашэннем Рады ўніверсітэта, а першы нумар «Весніка Брэсцкага ўніверсітэта» выйшаў з друку ў маі 1998 г. У прывітальным слове з нагоды нараджэння новага навуковага выдання Васіль Аляксеевіч Сцепановіч, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта, адзначаў, што заснаванне навуковага часопіса – «гэта яшчэ адзін крок у станаўленні нашай навучальнай установы ў якасці ўніверсітэта... сведчанне прызнання тых навукова-педагагічных школ, якія склаліся... і тых, якія знаходзяцца ў станаўленні... сведчанне сталасці навукова-педагагічных работнікаў... і новая магчымасць для маладых даследчыкаў... давесці вынікі сваіх навуковых пошукаў да патрабавальнага чытача». І сёння мы бачым, што тыя ідэі, тыя спадзяванні цалкам спраўдзіліся: наш часопіс займае годнае і пачэснае месца ў шэрагу навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь.

Развіваўся наш універсітэт – сталаў наш часопіс. У першыя чатыры гады свайго існавання (1998–2002) «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» – гэта выданне фармату В5 аб’ёмам да 100 старонак і з перыядычнасцю выхаду адзін раз на два месяцы. На старонках часопіса друкаваліся артыкулы розных навуковых накірункаў. З 2003 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» быў падзелены на дзве серыі – «Серыя гуманітарных і грамадскіх навук» і «Серыя прыродазнаўчых навук». У 2005 г. з «Серыі гуманітарных і грамадскіх навук» была вылучана і пачала асобна выдавацца «Серыя філалагічных навук». У 2009 г. было прынята рашэнне аб рэарганізацыі часопіса: змены былі абумоўлены як пашырэннем навуковай працы ва ўніверсітэце, так і патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да часопісаў, якія прэтэндуюць на ўключэнне ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў. Такім чынам, была створана рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», і з сакавіка 2010 г. часопіс выдаецца ў пяці серыях: Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія; Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права; Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія; Серыя 4. Фізіка. Матэматыка; Серыя 5. Хімія. Біялогія. Навукі аб зямлі.

За два дзесяцігоддзі на старонках «Весніка Брэсцкага ўніверсітэта» было апублікавана каля 2 850 матэрыялаў (навуковых артыкулаў, паведамленняў, рэцэнзій) (больш за 450 з іх на беларускай мове). Сярод нашых аўтараў не толькі айчынныя навукоўцы з розных навучальных і акадэмічных устаноў Беларусі, але і вучоныя з Азербайджана, Арменіі, Германіі, ЗША, Казахстана, Кітая, Літвы, Сірыі, Славакіі, Паўднёвай Карэі, Польшчы, Расіі, Украіны.

Часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных, сацыялагічных, гістарычных, эканамічных, юрыдычных, філалагічных, педагагічных, псіхалагічных, фізіка-матэматычных (фізіка), біялагічных, геаграфічных і геалага-мінералагічных навук. Таму запрашаю да супрацоўніцтва даследчыкаў як Берасцейшчыны, так і ўсёй Беларусі і нашых замежных партнёраў.

Спадзяюся, што навуковыя публікацыі нашага часопіса будуць заставацца на высокім узроўні, а тэматыка іх будзе актуальнай па ўсіх галінах даследаванняў. У развіцці часопіса ёсць новыя арыенціры і перспектывы. Упэўнена, што кожны: і даследчык-тэарэтык, і практык, і аспірант, і студэнт – знойдзе на старонках часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» неабходныя яму матэрыялы, разважанні, ідэі!

Віншую сённяшніх і будучых аўтараў і чытачоў з дваццацігоддзем нашага выдання!

Ганна Сендзер,
галоўны рэдактар,
рэктар Брэсцкага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

НОВЫЯ ГАРЫЗОНТЫ НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

На сучасным этапе развіцця Рэспублікі Беларусь у айчынных вучоных ёсць ня мала дасягненняў, якія добра вядомы ў краіне і за мяжой. У гістарычнай навуцы працягваецца пераасэнсаванне мінулага з выкарыстаннем як традыцыйных, так і наватарскіх навукова-метадалагічных падыходаў. Адбываецца пашырэнне тэматычна-праблема нага поля гістарычных даследаванняў, актыўна ўводзяцца ў навуковы ўжытак новыя крыніцы, асабліва з фондаў архіваў Беларусі і замежных краін. Актыўна распрацоўваюцца розныя аспекты гісторыі беларускай дзяржаўнасці, гісторыі гарадоў і рэгіёнаў, этнічных і канфесійных супольнасцей, гісторыі культуры і інш. Застаецца актуальным вывучэнне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, падзей Першай сусветнай вайны і г.д.

Айчынныя правазнаўцы ўносяць значны ўклад ва ўсе галіны дзеючага заканадаўства Рэспублікі Беларусь: у канстытуцыйнае, грамадзянскае, працоўнае, зямельнае, экалагічнае, крымінальнае, міжнароднае права. Яны ўважліва вывучаюць практыку заканадаўства і яго рэалізацыю ў межах Саюзнай дзяржавы Беларусі і Расіі, Еўразійскай эканамічнай супольнасці, Еўрапейскага саюза і іншых міжнародных, міждзяржаўных і рэгіянальных інтэграцыйных аб'яднанняў.

У эканамічнай навуцы ў Рэспубліцы Беларусь ажыццяўляецца распрацоўка розных напрамкаў даследаванняў, якія звязаны з канкрэтнымі праблемамі яе сацыяльна-эканамічнага жыцця: пытанні эканамічнай бяспекі, дзяржаўнага рэгулявання, функцыянавання асобных галін народнай гаспадаркі, прадпрыемстваў, развіцця рэгіянальнай эканомікі, прадпрыемальніцтва (у прыватнасці, у Брэсцкай вобласці), фінансаў і крэдыту, маркетынгу, падаткаабкладання, знешнеэканамічных адносін і інш.

Вывучэнне гісторыі, права, эканомікі патрэбна для далейшай паспяховай рэалізацыі сацыяльна-эканамічнай і грамадска-палітычнай мадэлі Рэспублікі Беларусь. Даследаванні вучоных, асабліва прадстаўнікоў гуманітарных навук, павінны дапамагчы грамадству эфектыўна і з найменшымі стратамі пераадолюваць негатыўныя наступствы выклікаў сучаснай цывілізацыі. Працы гуманітарыяў набываюць асаблівую значнасць для патрыятычнага выхавання моладзі, якая любіць сваю родную зямлю, паважліва ставіцца да нацыянальна-культурных традыцый.

На II З'ездзе вучоных 13 снежня 2017 г. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Р. Лукашэнка паставіў перад гуманітарнымі навукамі задачу «навучыцца прадбачыць актуальныя праблемы і працэсы развіцця грамадства, дапамагаць дзяржаве знаходзіць адэкватныя адказы на новыя выклікі сучаснасці», звярнуў увагу на неабходнасць «умацавання гуманітарнай бяспекі, фарміравання своеасаблівага культурнага імунітэту». «Для нас, як і для любой нацыі, свая гісторыя і добрыя традыцыі павінны служыць аб'ядноўваючай сілай. Неабходна шукаць новыя формы прапаганды беларускай навукі і культуры, навучыцца рабіць гэта цікава і займальна».

Адным з ключавых элементаў мадэлі «Беларусь Інтэлектуальная» разам з поўнафарматным укараненнем лічбавых тэхналогій, развітым неаіндустрыяльным комплексам з'яўляецца і высокаінтэлектуальнае грамадства, дзе дамінуюць сапраўды гуманістычныя каштоўнасці, развіваюцца культурныя традыцыі і памнажаецца гістарычная спадчына. Паводле стратэгіі «Навука і тэхналогіі: 2018–2040», зацверджанай на II З'ездзе вучоных Рэспублікі Беларусь, асноўнымі напрамкамі павышэння якасці чалавечага капіталу ў Беларусі ў сферы культуры вызначаны ўмацаванне культурнай і гістарычнай ідэнтычнасці беларускага народа; забеспячэнне захавання, развіцця, распаўсюджвання і папулярызавання беларускай нацыянальнай гісторыі, культуры і мовы; удасканаленне падрыхтоўкі новай навуковай, вучэбнай і метадычнай літаратуры па аспектах гуманізацыі грамадства і ўмацаванні гуманітарнай бяспекі дзяржавы.

А.М. Вабішчэвіч,

*адказны рэдактар часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»*

ГІСТОРЫЯ

УДК 902.2:378(476.7)

А.А. Башкоў

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
[e-mail: bashkow@mail.ru](mailto:bashkow@mail.ru)

ДАСЛЕДАВАННІ АРХЕАЛАГІЧНАЙ ЭКСПЕДЫЦЫІ БрДУ ІМЯ А.С. ПУШКІНА Ў КАМЯНЕЦКІМ РАЁНЕ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

У артыкуле прадстаўлены асноўныя вынікі палявых даследаванняў археалагічнай экспедыцыі БрДУ імя А.С. Пушкіна на тэрыторыі Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. Акцэнт зроблены на пачатак новага этапа археалагічнага вывучэння Камянеччыны, у прыватнасці летапіснага Камянца і старажытнага мястэчка Воўчын. Вынікі экспедыцыйнай працы прадстаўлены ў храналагічным парадку, што дазваляе сфарміраваць уяўленні пра этапы назапашвання і сістэматызацыі здабытага археалагічнага матэрыялу па кожным аб'екце. Выказаны заўвагі і меркаванні адносна тапаграфіі, архітэктуры, пахавальных комплексаў Камянца і Воўчына, а таксама матэрыяльнай культуры жыхароў гэтых населеных пунктаў у перыяд з ранняга сярэднявечча да Новага часу.

Уводзіны

Ад часу абвясчэння Рэспублікай Беларусь незалежнасці археалагічныя даследаванні на Брэстчыне, у прыватнасці ў Камянецкім раёне, з'яўляюцца неад'емнай часткай гісторыка-археалагічнага вывучэння нашай Бацькаўшчыны навуковымі, адукацыйнымі і рэстаўрацыйна-праектнымі ўстановамі. Спецыялісты-археологі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі з 90-х гг. ХХ ст. праводзяць на берасцейскай зямлі штогадовыя даследаванні. На тэрыторыі Камянецкага раёна помнікі эпохі каменнага веку і бронзы даследуюць Вадзім Леанідавіч Лакіза і Алег Юр'евіч Ткачоў; помнікі жалезнага веку вывучае Вадзім Георгіевіч Белявец. Помнікі эпохі Сярэднявечча ў свой час цікавілі Алега Вільгельмавіча Іова. Значны аб'ём працы па вывучэнні археалагічных помнікаў Камянеччыны з канца ХХ ст. зроблены намаганнямі навукоўцаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

З канца другога тысячагоддзя ўсе мерапрыемствы па ахове гісторыка-культурнай спадчыны і даследаванні археалагічных помнікаў, як неад'емная іх частка, грунтуюцца на шэрагу нарматыўна-прававых актаў, прынятых і ўдасканаленых на працягу апошніх гадоў. Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь, прыняты Палатай прадстаўнікоў 2 чэрвеня 1999 г. і ўхвалены Саветам Рэспублікі 24 чэрвеня 1999 г., утрымлівае шэраг артыкулаў (344–347), у якіх акрэслена адказнасць за руйнаванне, пашкоджанне і знявагу гісторыка-культурных помнікаў. Акрамя таго, яшчэ шэраг законаў і пастановаў рэгулююць дзейнасць, звязаную з аховай і рэстаўрацыяй гісторыка-культурных і архітэктурных помнікаў: Закон Рэспублікі Беларусь ад 5 чэрвеня 2004 г. № 300-3 «Аб архітэктурнай, горадабудаўнічай і будаўнічай дзейнасці ў Рэспубліцы Беларусь» (прыняты Палатай прадстаўнікоў 8 чэрвеня 2004 г., ухвалены Саветам Рэспублікі 16 чэрвеня 2004 г.); Закон Рэспублікі Беларусь ад 9 студзеня 2006 г. № 98-3 «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» (прыняты Палатай прадстаўнікоў 12 снежня 2005 г., ухвалены Саветам Рэспублікі 21 снежня 2005 г.); пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 22 мая 2002 г. № 651 «Аб зацвярджэнні палажэння аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ»; пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 15 чэрвеня 2006 г. № 762 «Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны». Усе работы, якія праводзіліся археалагічнымі экспедыцыямі БрДУ імя А.С. Пушкіна, абапіраліся на дадзеныя нарматыўна-прававыя

акты. Сёння база пашырылася дзякуючы шэрагу новых прававых актаў: пастанова Рэспубліканскай навукова-метадычнай рады па пытаннях гісторыка-культурнай спадчыны пры Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь № 11-01-01/217 ад 20.08.2014 г.; Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 14 снежня 2015 г. № 485 «Аб удасканаленні аховы археалагічных аб'ектаў і археалагічных артэфактаў»; Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 (прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г., ухвалены Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 г.). Але дзякуючы намаганням спецыялістаў і студэнтаў гістарычнага факультэта БрДУ імя А.С. Пушкіна яшчэ ў першае дзесяцігоддзе XXI ст. былі зроблены значныя археалагічныя адкрыцці.

У дадзенай працы прадстаўлены асноўныя вынікі дзейнасці археалагічнай экспедыцыі гістарычнага факультэта БрДУ імя А.С. Пушкіна ў перыяд 1998–2010 гг.; адзначаны яе ўклад у вывучэнне і захаванне гісторыка-культурнай спадчыны Берасцейшчыны; акрэслены перспектывы выкарыстання вынікаў працы археалагічных экспедыцый.

Даследаванні Камянца

Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 8 кастрычніка 2002 г. № 1395 «Аб сістэме мер, якія забяспечваюць правядзенне рэстаўрацыйна-ўзнаўляльных прац на найбольш важных аб'ектах гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» указвае на першачарговасць аб'ектаў у кожнай вобласці Рэспублікі Беларусь, якія патрабуюць тэрміновай рэстаўрацыі і рэканструкцыі. У Камянецкім раёне гэта шэраг вядомых помнікаў: Камянецкая вежа XIII ст., палаца-паркавы комплекс XVII–XIX стагоддзяў у г. Высокае, сядзіба XIX ст. у в. Грамяча.

Згодна з дадзенай праграмай у Камянецкай вежы і ў г. Камянцы былі праведзены археалагічныя раскопкі. Даследаванні Камянца праводзіліся ў 1998–2003 гг. і ўключалі ў сябе вывучэнне культурных напластаванняў замчышча і старажытнага горада, а таксама гарадскога могільніка XIV ст.

На жаль, прыходзіцца канстатаваць адсутнасць да нядаўняга часу ўвагі даследчыкаў да ўнікальнасці горада Камянца, вядомага нам па летапісных крыніцах з 1276 г. Толькі знакамітая Белая вежа ў розныя часы прыцягвала да сябе ўвагу гісторыкаў, этнографікаў, архітэктараў, мастакоў. Напалеон Орда ў сваіх малюнках захаваў магутныя абрысы вежы. Леў Сямёнавіч Паеўскі паспрабаваў паказаць гісторыю гэтага велічнага збудавання ў кантэксце этнаграфічна-краязнаўчага вывучэння рэгіёна. Мікалай Пятровіч Авенарыус звярнуўся да гісторыка-архітэктурных асаблівасцяў гэтага абарончага збудавання. Як састаўная частка сістэмы абарончых збудаванняў валынскіх і беларускіх зямель разглядалася вежа вядомым савецкім даследчыкам П.А. Рапапортам [16; 17] і беларускім знаўцам абарончай архітэктуры М.А. Ткачовым [19].

Першым з сучасных даследчыкаў, каго зацікавіла праблема археалагічнага вывучэння старажытнага Камянца, стаў старшы навуковы супрацоўнік аддзела сярэднявечнай археалогіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук Алег Вільгельмавіч Іоў. У межах разведак у Камянецкім раёне Брэсцкай вобласці ў 1997 г. ім быў закладзены шурф каля вежы для вывятлення наяўнасці культурнага пласта. На жаль, намаганні былі дарэмнымі. Гэта паставіла шэраг пытанняў аб праўдзівасці рэканструкцыі вежы, прапанаванай Я. Куліком і М.А. Ткачовым і змешчанай у энцыклапедычным выданні [13].

Для далейшага даследавання старажытнага горада і яго ваколліц была сфарміравана Заходнепалеская археалагічная група на чале з супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі А.В. Іовам і супрацоўнікам Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта А.А. Башковым. Даследчыкі паставілі перад сабой мэту на падставе вывучэння археалагічных крыніц рэканструяваць аблічча старога горада і прасачыць асаблівасці гістарычнага развіцця гэтага населенага пункта і яго ваколліц. Былі пастаўлены задачы даследавання:

- 1) лакалізаваць старажытны замак;
- 2) вызначыць магчымую гісторыка-тапаграфічную пераемнасць горада з паселішчамі больш ранняга часу;
- 3) прасачыць эвалюцыю планіграфіі горада з канца XIII ст.;
- 4) знайсці і вывучыць культурныя пласты;
- 5) рэканструяваць выгляд першапачатковага паселішча і яго абарончых збудаванняў;
- 6) даследаваць матэрыяльную культуру г. Камянца (з канца XIII ст.);
- 7) вывучыць ваколіцы горада на наяўнасць археалагічных помнікаў і пры знаходжанні даследаваць іх.

Грунтоўны археалагічны маніторынг горада і ваколіц распачаўся ў 1998 г. У палых працах прымалі ўдзел студэнты гістарычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гэта быў першы вопыт працы ўласна ўніверсітэцкай археалагічнай экспедыцыі па вывучэнні знакавых археалагічных помнікаў. Археалагічныя раскопкі вяліся да 2004 г. [9; 12].

Першая праблема, з якой сутыкнуліся археолагі, – гэта шчыльная забудова і камунікацыі на прылеглай да вежы тэрыторыі, а таксама парушэнне культурных пластоў рэстаўрацыйнымі працамі пачатку XX ст. па праекце У. Сулава. У сувязі з гэтым была абрана тактыка малых раскопаў. Плошча раскопаў вагалася ад 4 да 32 м². Усяго было ўскрыта 174 м². Магутнасць культурных напластаванняў дасягала чатырох метраў.

У выніку археалагічнага вывучэння старажытнага Камянца ўдалося знайсці і вывучыць культурныя пласты канца XIII – XVIII стагоддзяў. Быў лакалізаваны старажытны замак авальнай формы прыкладна 40 × 40 м, які знаходзіўся на захад ад вежы (цяпер тэрыторыя гімназіі). Намі была зроблена спроба рэканструкцыі сістэмы абарончых збудаванняў, якая ўяўляла сабой дзве адасобленыя выспы, абнесеныя валам і акружаныя рвом. На заходняй выспе размяшчаўся першапачатковы замак, на ўсходняй – вежа [1]. Гэта былі дзве адасобленыя абарончыя адзінкі, якія, хутчэй за ўсё, звязваліся драўляным мастком. Яны маглі выступаць як адзінае цэлае, але пры неабходнасці маглі трымаць абарону ізалявана. Для прыкладу можна ўзгадаць падзеі канца XIV ст., калі замак быў спалены, а вежа так і не скарылася крыжакам.

Здабыты археалагічны матэрыял даваў падставы дапускаць існаванне ўязной брамы ў замак з поўдня. Жылыя будынкі былі размешчаны насупраць брамы з паўночнага боку замкавай пляцоўкі, гаспадарчыя пабудовы – з абодвух бакоў ад уязной брамы, а пасярэдзіне пляцоўкі быў незабудаваны двор.

Зробленую археолагамі рэканструкцыю абсалютна падцвердзіў план старажытнага Камянецкага замка, датаваны канцом XVIII ст. Ён быў знойдзены супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі А.А. Мяцельскім у 2008 г. у Адзеле рукапісаў бібліятэкі РАН у Санкт-Пецярбургу (Збор рукапісных мап. Дадатковы вопіс. № 240, арк. 14). Важным з’яўляецца тое, што рэканструкцыя 2004 г. практычна дакладна супадае з пазначанымі на плане элементамі: памеры і форма абарончых збудаванняў, размяшчэнне ўязной брамы, жылых і гаспадарчых пабудоў. Адзіным дапушчэннем даследчыкаў з’яўляецца ўласна драўляная канструкцыя замка. На жаль, матэрыялы раскопак не выявілі захаваных рэшткаў драўляных канструкцый старажытнага Камянца, таму археолагі ў сваіх меркаваннях грунтваліся на аналогіях, якія вядомыя з раскопак старажытных беларускіх гарадоў, у тым ліку Бярэся. Такім чынам, была даказана недакладнасць рэканструкцыі Я. Куліка, змешчанай у спецыяльнай літаратуры, у тым ліку і энцыклапедычных выданнях.

У выніку даследаванняў было прасочана пашырэнне межаў горада ўздоўж вуліц Піўненка, Гогаля, Леніна. На вуліцы Піўненка, каля будынка былога Дома піянераў, быў лакалізаваны могільнік XVII–XVIII стагоддзяў і выяўлены падмуркі каплічкі гэтага

перыяду. На жаль, лакалізаваць месцазнаходжанне царквы Звеставання, пабудаванай Уладзімірам Васількавічам, не ўдалося.

Падчас вывучэння культурных напластаванняў былі зроблены цікавыя знаходкі: прылады працы, зброя, значная калекцыя манет XVI–XX стагоддзяў, рэчы паўсядзённага побыту і ўпрыгожванні. Унікальнай знаходкай з’яўляецца кафля XVI ст. з выявай маладога чалавека ў сярэднявечнай вопратцы, аналогіі якой вядомы ў нязначнай колькасці на тэрыторыі Беларусі. Матэрыялы перадацерыковага пласта (керамічны матэрыял) далі сведчанні пра існаванне на месцы старажытнага замка паселішча X ст.

Археалагічныя разведкі, якія праводзіліся А.А. Башковым у 1998 г. у басейне р. Лясная, недалёка ад г. Камянца, далі нечаканыя вынікі. На правым беразе ракі за межамі горада на паўночны захад ад Камянецкай вежы, на ўзвышшы, якое жыхары называюць «манастыр», былі знойдзены рэшткі грунтовых пахаванняў. Цікаўнасць выклікала мясцовае паданне пра існаванне ў старажытнасці манастыра, які падчас маскоўскай навалы пайшоў пад ваду. Верагодней за ўсё, трэба атаясамляць гэтае паданне з падзеямі другой паловы XVII ст., калі войскі ваяводы Івана Хаванскага зруйнавалі мястэчка і спалілі Увакрасенскі манастыр. Дадзеная інфармацыя паспрыяла пачатку земляных прац на вышэйазначаным месцы [8; 11].

Праца на дадзеным помніку таксама праводзілася сіламі студэнтаў гістарычнага факультэта БрДУ ў межах археалагічнай практыкі, прадугледжанай вучэбнымі планами ўніверсітэта. Штогадовыя археалагічныя даследаванні мясцовасці далі наступныя вынікі. Усяго было закладзена 5 шурфоў агульнай плошчай 72 м²: у 1998 г. – 4 м²; у 1999 г. – 12 м²; у 2000 г. – 8 м²; у 2001 г. – 24 м²; у 2002 г. – 24 м²; у 2003 – 24 м²; у 2004 – 8 м². Глыбіня культурнага пласта вагалася ад 22 да 70 см (без уліку ям).

На ўскрытай плошчы зафіксавана 5 цэлых пахаванняў (у чатырох былі знойдзены пашкоджаныя чэрапы), 11 пашкоджаных пахаванняў, якія захаваліся ў выглядзе згрупавання касцей і чэрапаў. Пяць пахаванняў ідэнтыфікаваны як дзіцячыя. Адно з дзіцячых пахаванняў пашкоджана, нягледзячы на заглыбленне ў мацярык. Акрамя таго, знойдзены дзве тленныя плямы ад дзіцячых пахаванняў. Па ўсёй плошчы раскопу на рознай глыбіні трапляліся адзінкавыя чалавечыя косці з пашкоджаных пахаванняў.

Пахаванні знаходзіліся на рознай глыбіні – ад 20 да 75 см. Толькі два дзіцячыя пахаванні заглыбляліся ў мацярык на 16 і 24 см. Арыентацыя касцякоў пераважна заходняя, у некаторых выпадках з невялікім адхіленнем на паўднёвы захад. Толькі адно пахаванне зарыентавана на паўночны захад. У сямі выпадках зафіксавана палажэнне рук: у адным правая рука на грудзях, левая ўздоўж, у астатніх правая і левая на жываце; правая на жываце, левая на поясе; правая страчана, левая на поясе; правая на грудзях, левая страчана; правая на грудзях, левая на жываце; правая на грудзях, левая на жываце.

Толькі ў двух пахаваннях знойдзены суправаджальны інвентар – адзінаццаць фрагментаў бронзавых дэкаратыўных дэталей на пас, якія знаходзіліся ў раёне жывата на касцяку дарослага, і два касцяныя гузікі ў раёне грудзей на касцяку падлетка (верагодна дзяўчынкі). Цікаўнасць выклікаюць якраз фрагменты бронзавых дэталей паса, знойдзеныя ў 2001 г. Сярод іх вылучаюцца дзве літыя спражкі і частка крука для зашпільвання. Накладкі таксама літыя, але двухсастаўныя. Дэкаратыўная частка, якая спалучалася з тыльнай пласцінай заклёпкамі, мацавалася, верагодна, на скураны пас. Аналаг дадзенай знаходкі вядомы з пластоў XIV ст. у старажытным Ноўгарадзе [18].

Другая цікавая знаходка – керамічны гаршчок, знойдзены ў 2001 г. сярод згрупавання камянёў на глыбіні 30 см. Гаршчок захавалася амаль поўнасцю. Страчаны толькі невялічкі кавалак венчыка і бакавіны. Папярэдне яго можна аднесці да ўзораў керамікі перыяду XIV–XV стагоддзяў. Практычная адсутнасць пахавальнага інвентару, арыентацыя, палажэнне і ўзроўні залягання касцякоў сведчаць пра неадначасовасць пахаванняў і іх хрысціянскі абрад.

Дарэзаная і ўскрытая плошча раскопаў у 2003 і 2004 гг. дала нам істотныя ўдакладненні ў вызначэнні асаблівасцяў размяшчэння пахаванняў. Мы можам сёння сцвярджаць аб пэўнай сістэмнасці ў пахаваннях. Калі ўсходняя частка камбінаванага раскопу мела сур'ёзныя пашкоджанні па прычыне сельскагаспадарчай апрацоўкі зямлі, то заходняя яго частка (ускрыта ў 2002, 2003, 2004 гг.) дае карціну шэраговага размяшчэння пахаванняў прыкладна на адной адлегласці. Так, на сённяшні дзень можна рэканструяваць 4 шэрагі пахаванняў. Прычым зазначым, што заглыбленне ішло ў бок павелічэння з усходу на захад. І калі пахаванні на ўсходзе прасочаны ўжо на глыбіні 20 см (моцна пашкоджаныя распашкай), то на захадзе пахаванні зафіксаваны ўжо ў мацерыковых ямах на глыбіні да 70 см ад дзённай паверхні.

Упершыню ўдалося прасачыць два пахаванні ў трунах. Гэта пахаванні двух дарослых людзей, мужчыны і жанчыны, з лёгкім адхіленнем у арыентацыі на паўднёвы захад. Рукі ў обоіх знаходзіліся ў аднолькавым палажэнні: правая на грудзях, левая на жываце. Менавіта ў галавах гэтых пахаванняў на глыбіні ад 15 см зафіксаваны развалы двух ганчарных гаршкоў, пастаўленых уверх донцам. Усё гэта дало нам магчымасць прасачыць пэўную сістэмнасць у пахаваннях, больш поўную карціну самога пахавальнага абраду з выразнымі слядамі трызны.

Чаргаванне дзіцячых і падлеткавых пахаванняў і пахаванняў дарослых у кожным з могільнікаў сведчыць аб пэўнай сваяцкай прыналежнасці альбо нават сямейнасці пахаваных. Правядзенне антрапалагічнага аналізу костных рэшткаў, што з'яўляецца прырытэтным накірункам у далейшым вывучэнні могільніка каля г. Камянец, дасць нам значна большую інфармацыю.

Такім чынам, даследаванні грунтовага могільніка ва ўрочышчы Манастыр каля Камянца даюць падставы сцвярджаць аб адкрыцці аднаго з першых гарадскіх могільнікаў першай паловы XIV ст. на правым беразе р. Лясная на паўночны захад ад старажытнага гарадзішча і вежы. Праведзеныя археалагічныя даследаванні дазволілі змяніць уяўленні пра тапаграфію і выгляд старажытнага Камянца, вывучыць яго матэрыяльную культуру і пахавальны абрад першых жыхароў, а таксама адкрыць новыя старонкі яго насычанай гісторыі.

Поўныя справаздачы аб выніках археалагічнага вывучэння Камянца і яго ваколіцы знаходзяцца ў архіве Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Увесь здабыты археалагічны матэрыял перададзены ў фонды Брэсцкага абласнога краязнаўчага музея і стаў асновай для экспазіцыі, якая адкрылася ў 2004 г. у адрэстаўраванай Камянецкай вежы.

Даследаванні Воўчына

Увага да гісторыі старажытнага Воўчына заўсёды межавала з цікаўнасцю да лёсу апошняга караля Рэчы Паспалітай Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Гэта прасочваецца ва ўсіх навуковых і навукова-папулярных выданнях пачынаючы з прац польскіх даследчыкаў 30-х гг. XX ст. [22; 23]. Усплеск цікаўнасці да Воўчына ў канцы 80–90-х гг. XX ст. звязаны з пошукам парэшткаў караля ў ходзе расчысткі завалаў занядбанага Троіцкага касцёла і перадачай знойдзеных артэфактаў у Польшчу для афіцыйнага перазахавання ў каралеўскім замку ў Варшаве [14; 21; 24]. Апошнія публікацыі, прысвечаныя гісторыі Воўчына і пошуку парэшткаў караля, а таксама рэстаўрацыі Троіцкага касцёла, з'явіліся ў Беларусі параўнальна нядаўна [20]. Такім чынам, сам час вывеў вывучэнне гісторыі старажытнага мястэчка на новы этап – археалагічны.

Згодна з рэспубліканскай праграмай па адраджэнні сяла на 2015–2010 гг., абласной праграмай па развіцці сельскай культуры, раённай праграмай па будаўніцтве аграгарадкаў, пастановай Брэсцкага аблвыканкама ад 9 лістапада 2004 г. № 21/1-29, было прынята рашэнне аб стварэнні краязнаўчага музея ў в. Воўчын Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. У сувязі з гэтым археалагічная экспедыцыя БрДУ імя А.С. Пушкіна

ў 2005–2007 і 2009 г. правяла даследаванні на тэрыторыі старадаўняга мястэчка, палаца-паркавага комплексу Чартарыйскіх XVIII ст. і вакол [2–7; 10].

Перад экспедыцыяй былі пастаўлены задачы:

- 1) даследаваць мясцовасць на наяўнасць археалагічных помнікаў і культурных пластоў;
- 2) лакалізаваць месца першапачатковага паселішча;
- 3) прасачыць тапаграфію мястэчка;
- 4) вывучыць асаблівасці архітэктуры, планіроўкі і функцыянавання сядзібнага комплексу XVIII ст.;

5) вывучыць матэрыяльную культуру насельніцтва Воўчына ў розныя перыяды.

Пачатковым этапам нашых даследаванняў было вывучэнне плана палаца-паркавага комплексу ў Воўчыне, складзенага ў 1762 г. французскім архітэктарам П'ерам дэ Тэрыгаем. З дапамогай камп'ютарнай тэхнікі былі параўнаны план XVIII ст. і сучасны план в. Воўчын. Гэта дазволіла прывязаць шурфы з улікам тапаграфічных і ландшафт-ных зменаў.

Падчас прац у 2005 г. было закладзена 9 шурфоў агульнай плошчай 116 м². Удалося дакладна высветліць месцазнаходжанне старажытнага палаца Чартарыйскіх, пабудаванага ў XVIII ст. Дадзена характарыстыка рэшткаў канструкцый і высветлены стан іх захавання. Акрамя таго, былі выяўлены і даследаваны культурныя пласты перыяду XIV–XVIII стагоддзяў. Шурфы № 8–10, разбітыя на паўднёва-ўсходняй ускраіне вёскі (т.зв. Стары Воўчын) на надпойменнай тэрасе на правым беразе р. Пульва, далі магчымасць лакалізаваць месца першапачатковага паселішча. Аналіз керамічнага матэрыялу паказаў, што сярод артэфактаў названых шурфоў ёсць некалькі фрагментаў ляпной керамікі VIII–X стагоддзяў Лукі-Райкавецкага культурнага арэала і фрагменты раннеганчарнай керамікі X ст. Асноўны керамічны матэрыял датуецца XIV–XVI стагоддзямі.

Такім чынам, мы пацвердзілі факт узнікнення старажытнага Воўчына мінімум на адно стагоддзе раней, чым ён згадваецца ў пісьмовых крыніцах (дакументы 1496 г. і 1516 г. са звесткамі аб Воўчыне) [20]. Акрамя таго, мы прасачылі заканамернасць тапаграфічнага развіцця гэтага населенага пункта. Паселішча ўзнікла на надпойменнай тэрасе правага берага р. Пульва ў XVI–XVIII стагоддзях і пашырылася на поўнач і паўночны захад уздоўж рэчкі.

Археалагічная калекцыя, сабраная падчас раскопак, дае падставы для аналізу матэрыяльнай культуры паселішча ў розныя гістарычныя перыяды. Багаты керамічны матэрыял, датаваны XVII–XIX стагоддзямі, дае ўяўленне аб рэгіянальнай своеасаблівасці ганчарнай вытворчасці гэтага перыяду. Дадамо яшчэ калекцыю манет XVII – пачатку XX ст., якая складае 16 адзінак, і 11 розных гузікаў, сярод якіх можна адзначыць чатыры пазалочаныя і адзін сярэбраны.

Пасля заканчэння работ па просьбе мясцовай адміністрацыі ўскрытыя падмуркі палаца Чартарыйскіх былі накрыты адмысловым навесам, што дазволіла прадухіліць уздзеянне ападкаў і іншых знешніх фактараў, якія маглі б пашкодзіць каменна-цаглянай канструкцыі. Зроблена гэта было таксама і ў сувязі з магчымымі далейшымі работамі па вывучэнні і рэканструкцыі старажытнасцяў Воўчына ў перспектыве.

За сезон 2006 г. было закладзена 4 шурфы агульнай плошчай 60 м². У выніку былі выяўлены і даследаваны культурныя пласты XIV–XVIII стагоддзяў. Шурф № 10, разбіты на паўднёва-ўсходняй ускраіне вёскі (Стары Воўчын) на надпойменнай тэрасе правага берага р. Пульва, даў магчымасць пашырыць вывучаемую плошчу першапачатковага паселішча Лукі-Райкавецкага культурнага арэала VIII–X стагоддзямі і пласты старажытнага Воўчына XIV–XVI стагоддзяў.

Матэрыялы шурфа № 13 далі інфармацыю пра існаванне ў XVIII ст. вялікай пабудовы недалёка ад будынка былой ратушы. Яна была, верагодна, гандлёвага прызначэння, пра што сведчыць археалагічны матэрыял (манеты, таварныя пломбы). Яна зга-

рэла ў пачатку XIX ст. Далейшае вивучэнне дадзенага збудавання дазволіць зрабіць больш дэталёвыя і шырокія высновы пра гісторыю гэтага помніка.

Вынікі археалагічных пошукаў 2006 г. пацвердзілі вызначаную раней заканамернасць тапаграфічнага развіцця населенага пункта. Здабытая археалагічная калекцыя папоўніла ўжо сабраную базу артэфактаў для аналізу матэрыяльнай культуры паселішча ў розныя гістарычныя перыяды. Адзначым калекцыю індывідуальных знаходак: манеты XVII – пачатку XX ст., гузікі, сярод якіх можна адзначыць пазалочаны, таварныя пломбы, шматлікія прадметы побыту.

Асаблівай увагі заслугоўвае бронзавая пячатка з выявай шляхецкага герба «Налэнч», знойдзеная ў шурфе № 12 (пласт 3, квадрат 2). Вышыня пячаткі 3 см. Працоўная частка мае авальную форму памерам 1,6 × 1,8 см. Рукаятка мае дэкаратыўную трохкутную форму з невялікім кальцом зверху. На пячатцы намаляваныя: у цэнтры поля завязаная на вузел хустка ў атачэнні двух страусіных пер’яў і каралеўскай каронай зверху; па баках кароны – літары «З» і «М» у люстравым адбітку. Датуецца знаходка, верагодна, часам не пазней за XVIII ст.

За перыяд работ у 2007 г. былі закладзены 2 шурфы агульнай плошчай 20 м² і адзін раскоп плошчай 84 м². У выніку былі выяўлены і даследаваны фрагменты падмуркаў будынка XVIII ст. – яшчэ аднаго з архітэктурнага комплексу сядзібы Чартарыйскіх – і культурныя пласты перыяду XIV–XVIII стагоддзяў.

Матэрыялы шурфаў далі інфармацыю аб вялікім будынку, які існаваў з XVIII ст., шырынёй 8,45 м і даўжынёй – 15,45 м. Будынак быў прамавугольнай формы, як мяркуецца, з шасцю памяшканнямі. Верагодна, ён быў разбураны ў пачатку XX ст. падчас Першай сусветнай вайны. Раскоп № 1, закладзены на захад ад будынка будучага музея, дазволіў прасачыць існаванне цагляна-каменнай агароджы, якая, верагодна, замыкала прастору надворка паміж будынкамі. Былі даследаваны добра захаваныя культурныя пласты XIV–XVII стагоддзяў, якія залягаюць на глыбіні да 120 см. Разам з мноствам масавага матэрыялу і індывідуальных знаходак былі вивучаны комплексы, датаваныя XVI–XVII стагоддзямі. Сярод іх рэшткі пабудовы, магчыма, гаспадарчага прызначэння з двума адкрытымі вогнішчамі і развал каменнай печы.

Археалагічная калекцыя, сабраная падчас раскопак, дазваляе правесці аналіз матэрыяльнай культуры паселішча ў перыяд XIV–XVII стагоддзяў. Керамічны матэрыял дае ўяўленне аб рэгіянальнай своеасаблівасці ганчарнай вытворчасці ў гэты перыяд. Значную калекцыю (больш за 200 адзінак) складаюць індывідуальныя знаходкі: манеты XVII–XX стагоддзяў (12 адзінак), прылады працы і прадметы побыту. Асобна трэба адзначыць калекцыю ювелірных вырабаў, а галоўнае, свінцовую матрыцу для вырабу дэкаратыўных накладак на адзенне ці конскую зброю. Іх наяўнасць сведчыць аб дзейнасці ў гэты перыяд ювеліра ў сядзібе, якая некалі размяшчалася на даследаванай тэрыторыі або недалёка ад яе.

Унікальнай знаходкай з’яўляецца бронзавая фібула. Адносіцца яна да прускага тыпу «вочкавых» фібул канца I – пачатку II ст. н.э. Выраб гэты характэрны для арэала пшэворскай культуры. Фібула ўяўляе сабой пласціну з выгнутай рыфлёнай «спінкай» і шчытком з шасцю «вочкамі». Ад элемента, які выконваў функцыю зашпількі, захаваны толькі спіралеподобны фрагмент. На ўнутраным боку шчытка ёсць «язычок» для фіксацыі зашпількі. Даўжыня фібулы 7 см, шырыня шчытка – 1,7 см. З’яўленне дадзенага артэфакта ў раскопе трэба звязваць з верагодным знаходжаннем паблізу пшэворскіх комплексаў. Магчыма дапусціць іх знішчэнне або пашкоджанне ў ходзе гаспадарчай дзейнасці ўжо ў перыяд позняга сярэднявечча.

У 2009 г. працягваліся даследаванні каля Троіцкага касцёла. З усходняга боку да раскопу 2007 г. быў прырэзаны раскоп № 2 плошчай 60 м². Матэрыялы раскопу дазволілі пашырыць даследуемую плошчу сядзібы, сляды якой былі знойдзены раней.

Падчас прац на глыбіні 60 см былі знойдзены фрагменты збудавання, датуемага другой паловай XVII – першай паловай XVIII ст. Захаваліся фрагменты каменнага падмурка, падпадлогавага памяшкання з індывідуальнымі знаходкамі і рэшткамі печкі. Па-за межамі збудавання знойдзены аб'ект з канцэнтрацыяй перапаленых камянёў і фрагментамі керамічнага посуду. Сярод шматлікіх індывідуальных знаходак можна выдзеліць сярэбраныя манеты другой паловы XVIII – пачатку XIX ст., бронзавы шчытковы пярсцёнак з манаграмай і пярсцёнак з рэшткамі каштоўнага каменю.

Пры зачыстцы мацерыка былі знойдзены фрагменты ляпной арнаментаванай керамікі і рэтушаваная крэмневая пласціна, якія адносяцца да эпохі бронзы. Гэта сведчыць пра наяўнасць у гэтым мікрарэгіёне больш ранніх помнікаў.

У 2007 г. распачаліся актыўныя рэстаўрацыйныя працы ў Троіцкім касцёле. Працы праводзіліся прыватнай рэстаўрацыйнай фірмай з Польшчы пад кіраўніцтвам Віктара Вілька. Усе рэстаўрацыйныя мерапрыемствы праводзіліся з непасрэдным удзелам і пры падтрымцы вядомага дзеяча каталіцкай царквы кардынала Казіміра Свёнтка.

Пачатковы этап рэстаўрацыі прадугледжваў узмацненне і гідраізаляцыю падмуркаў касцёла. Падчас гэтых прац былі праведзены археалагічныя даследаванні па знешнім перыметры будынка. У выніку ўздоўж паўночна-ўсходняй і паўночна-заходняй сценаў касцёла былі знойдзены пашкоджаныя пахаванні. Вялікая колькасць чалавечых костак была знойдзена ў перакопе пасярод паўночна-заходняй сценаў касцёла. Характар перакопу і награвання костак сведчаць пра мэтанакіраванае іх перазахаванне ў адносна нядаўні час, магчыма ў канцы 80-х – пачатку 90-х гг. XX ст., калі распачаліся сціплыя спробы археалагічных і рэстаўрацыйных прац. Акрамя таго, каля паўночна-заходняй сценаў на глыбіні каля аднаго метра былі адкрыты чатыры «чытаемыя» пахаванні і два пашкоджаныя. Пахаванні арыентаваны з адхіленнем на паўночны захад у выцягнутым стане, рукі на жываце. Знаходжанне паблізу невялікіх жалезных кованых цвікоў дазваляе выказаць меркаванне аб выкарыстанні трун, аднак сляды драўляных дошак прасочаны толькі ў адным пахаванні. Усе чатыры пахаванні «рассечаны» падмуркам касцёла. Ніжнія пашкоджаныя канечнасці ўпіраюцца ў касцельны падмурак, а верхнія часткі двух заходніх пахаванняў выходзяць за межы закладзенай гідраізаляцыйнай траншэі. Усё гэта дае падставы сцвярджаць, што час пахаванняў большы, чым будаўніцтва касцёла ў 30-я гг. XVIII ст., калі і былі пашкоджаны вышэйапісаныя касцякі. У прылеглых да касцёла з паўночнага і ўсходняга бакоў пластах, якія перакрываюць пахаванні, знойдзены манеты сярэдзіны XVII ст. і керамічны матэрыял гэтага перыяду, што дае падставы датаваць знойдзеныя каля сценаў касцёла пахаванні не пазней за сярэдзіну XVII ст. Таму можна выказаць меркаванне пра існаванне на ўзвышшы, дзе сёння месціцца Троіцкі касцёл, вялікага пахавальнага комплексу, а магчыма, і храмавага збудавання на пачатковым этапе развіцця мястэчка, г.зн. у XIV–XVII стагоддзях.

Усе людскія парэшткі былі перададзены для антрапалагічнай экспертызы кандыдату біялагічных навук, дацэнту кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта Вользе Антонаўне Емяльянчык. Яна прыйшла да высновы, што шкільны матэрыял з пахаванняў вакол касцёла прадстаўлены парэшткамі не менш чым шасці дарослых (двух мужчын, дзвюх жанчын, пол яшчэ двух вызначыць не ўдалося з-за фрагментарнасці коснага матэрыялу). Косткі з перакопу каля паўночна-заходняй сценаў належалі не менш чым чатыром дарослым і чацвярым дзецям ва ўзросце каля паўтара, 2–3, 6 і 12–15 гадоў.

Такім чынам, Воўчын стаў першым мястэчкам у заходняй Беларусі, дзе на працягу некалькіх гадоў вяліся шырокамаштабныя археалагічныя даследаванні. У цэлым археалагічнае вывучэнне Воўчына дало багаты матэрыял па гісторыі ўзнікнення і развіцця старажытнага заходнебеларускага мястэчка. Былі акрэслены заканамернасці тапаграфічнага развіцця населенага пункта. Паўстаўшы на надпойменнай тэрасе р. Пульва ў XVI–XVIII стагоддзях, паселішча пашырылася на поўнач і паўночны захад уздоўж ра-

кі, дзе ўзнік адміністрацыйны і гандлёвы цэнтр (рыначная плошча, гандлёвыя рады, ратуша). Разам з тым ужо з XIV ст. на тэрыторыі, якая знаходзіцца паміж касцёлам і будынкам будучага музея (колішняя плебанія), знаходзіліся сядзібы і канцэнтравалася гаспадарчая дзейнасць. Побач знаходзіўся пахавальны комплекс і, магчыма, храмавая пабудова. Пазней, у XVIII ст., тут і на поўнач ад Троіцкага касцёла быў пабудаваны цудоўны палаца-паркавы комплекс, састаўной часткай якога і стаў сам касцёл.

Усе вышэйпрадстаўленыя факты дазваляюць таксама як мінімум на стагоддзе «адсунуць» час узнікнення мястэчка Воўчын і аднесці яго да XIV ст. Апроч таго, адзначым, што падчас раскопак быў сабраны вялікі археалагічны матэрыял, які дазваляе нам вывучыць і рэканструяваць розначасовую матэрыяльную культуру жыхароў гэтага населенага пункта. Знойдзены ранні матэрыял эпохі бронзы і жалеза (кераміка, крэмневыя артэфакты і бронзавая фібула) сведчыць пра мнагаслойнасць дадзенага помніка і робіць яго перспектыўным для вывучэння больш старажытных этапаў нашай гісторыі.

Заклучэнне

Працы на тэрыторыі Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці археалагічнай экспедыцыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна сталі пачатковым, але вельмі значным этапам у станаўленні прафесіяналізму навукоўцаў і набыцці вопыту палявых даследаванняў студэнтамі гістарычнага факультэта БрДУ. За 10 гадоў археалагічных прац на Камянецчыне ў экспедыцыях узялі ўдзел каля 150 студэнтаў-гісторыкаў. Быў зроблены шэраг значных адкрыццяў, звязаных з гісторыяй станаўлення і этапамі развіцця старажытных населеных пунктаў – Камянца і Воўчына. Маштабы вывучэння гэтых помнікаў можна суаднесці з даследаваннямі такіх старажытных беларускіх гарадоў, як Слуцк, Копыль, Клецк і інш. Наогул, комплекснае даследаванне Воўчына паклала пачатак такому накірунку ў археалогіі, як вывучэнне старажытнабеларускіх мястэчак. Вынікі даследаванняў не толькі атрымалі лагічны працяг у публікацыях, але і сталі асноўнай базай для стварэння археалагічнай музейнай экспазіцыі ў Камянецкай вежы, што, спадзяёмся, стане асновай для будучага краязнаўчага музея ў Воўчыне.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2009–2011. – Т. 1. – 2009. – С. 412–413.
2. Башков, А. А. Отчет за 2005 год об археологических исследованиях в д. Волчин Каменецкого района Брестской области / А. А. Башков // Цэнтральны навуковы архіў (ЦНА) НАН Беларусі. – Фонд архіву навуковай дакументацыі (ФАНД). Воп. 1. Арх. № 2319. – 23 с.
3. Башков, А. А. Отчет за 2006 год об археологических исследованиях в д. Волчин Каменецкого района Брестской области / А. А. Башков // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2336. – 20 с.
4. Башков, А. А. Отчет за 2007 год об археологических исследованиях в д. Волчин Каменецкого района Брестской области / А. А. Башков // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2529. – 36 с.
5. Башков, А. А. Отчет за 2009 год об археологических исследованиях в д. Волчин Каменецкого района Брестской области / А. А. Башков // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2707. – 24 с.
6. Башков, А. А. Археологические исследования Волчина / А. А. Башков // Гіст.-археал. зб. – Мінск, 2007. – Вып. 23. – С. 250–252.

7. Башков, А. А. Археологические исследования древнего Волчина в 2005–2006 гг. / А. А. Башков // Матэрыялы і дасліджэння з археалогіі Прикарпаття і Волині. – Львів : Ін-т українознаўства ім. І. Крип’якевича НАН Украіны, 2008. – Вып. 12. – С. 316–323.
8. Башкоў, А. А. Даследаванне грунтовага могільніка XIV ст. каля г. Камянца / А. А. Башкоў // Гіст.-археал. зб. – Мінск, 2005. – Вып. 20. – С. 250–251.
9. Башкоў, А. А. Археалагічныя даследаванні Камянца і ваколіц у 1997–2004 гг. / А. А. Башкоў, А. В. Іоў // Камянецкія чытанні : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Камянец, 4 верас. 2005 г. – Мінск : Права і эканоміка, 2006. – С. 14–19.
10. Башкоў, А. А. Даследаванні старажытнага Воўчына / А. А. Башкоў // Гіст.-археал. зб. – 2006. – Вып. 21. – С. 221–222.
11. Башкоў, А. А. Даследаванні грунтовага могільніка ў ваколіцах Камянца ў 1998–2002 гг. / А. А. Башкоў // Гіст.-археал. зб. – 2003. – Вып. 18. – С. 278–279.
12. Башкоў, А. А. Да пытання аб тапаграфіі і рэканструкцыі старажытнага Камянца / А. А. Башкоў, А. В. Іоў // Археалогія і даўня гісторыя Украіны. – 2017. – Вып. 1 (22) : Археалогія : дасліджэння, эксперыменты, рэканструкцыі. – С. 357–361.
13. Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1993. – 702 с.
14. Мілінкевіч, А. Воўчынская гісторыя / А. Мілінкевіч. – Гродна, 2004. – 77 с.
15. Пашкоў, Г. П. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя / Г. П. Пашкоў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2007. – Т. 4, кн. 2 : Брэсцкая вобласць. – С. 26–28.
16. Раппопорт, П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / П. А. Раппопорт. – Л. : Наука, 1967. – 242 с.
17. Раппопорт, П. А. Волыньские башни / П. А. Раппопорт // Матэрыялы Ін-та археалогіі. – М. : АН СССР, 1952. – Вып. 31. – С. 202–223.
18. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981. – 196 с.
19. Ткачоў, М. А. Замкі Беларусі XIII–XVII стагоддзяў / М. А. Ткачоў. – Мінск : Польша, 1977. – 82 с.
20. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2004. – С. 222–235.
21. Galwiewska-Świechowska, E. Wołczyn Stanisława Augusta / E. Galwiewska-Świechowska. – Warszawa, 1993. – 53 s.
22. Marczak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć nad Bugiem, 1935. – S. 53–67.
23. Wawryńczyk, A. Rozwój wielkiej własności na Podlasiu w XV i XVI wieku / A. Wawryńczyk. – Wrocław, 1951. – S. 86–87.
24. Zgorzelska, A. Dzieje królewskiego Wołczyna / A. Zgorzelska. – Warszawa, 1995. – 39 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.12.2017

Bashkou A.A. Research by Archaeological Expedition Brest State University in Kamenets District, Brest Region

The article presents the main results of field studies of archaeological expedition of Brest State University on the territory of Kamenets district, Brest region. Several comments and views on the topography, architecture, burial complexes of Kamenets and Volchin, are made and the material culture of the population of these settlements in the period from the early Middle Ages to modern times is considered.

УДК 271.2(091)+94(476)

А.Н. Вабищевич

*д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: vabischev@rambler.ru*

**РУБЕЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД НА СТОЛИНЩИНЕ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)**

Статья посвящена истории Свято-Михайловского Рубельского православного прихода в конце XVIII – начале XX в., куда входили деревни Рубель и Хотомель Мозырского уезда Минской губернии (теперь Столинский район Брестской области). Автором впервые введены в научный оборот выявленные им источники (клировые ведомости, церковные метрики, исповедальные ведомости и др.) по истории Рубельской церкви 1796 г. и самого прихода из фондов Национального исторического архива Беларуси и Национальной библиотеки (г. Минск), научного архива Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Проанализировано материальное положение священников и церковнослужителей, доходы и расходы церкви, обеспечение причта со стороны царских властей и местного населения. С учетом фрагментарности уцелевших источников проведен выборочный анализ социально-демографической ситуации в приходе (рождаемость, брачность, сословная принадлежность, смертность). Выявлен высокий уровень младенческой и ранней детской смертности в приходе, обусловленный бедностью крестьянства и фактическим отсутствием системы здравоохранения.

Введение

На современном этапе деятельность Православной Церкви на территории Беларуси является объектом отечественных исторических исследований. Наряду с тематикой общенационального масштаба теперь весьма востребована и история ее отдельных структурных единиц: епархий, благочиний и приходов. Именно в приходах (особенно сельских) сохранялись и преумножались православные традиции; они выполняли консолидирующую общественную функцию даже в самых непростых условиях их деятельности.

В качестве предмета данного исследования избрана история Свято-Михайловского Рубельского прихода Пинской и Лунинецкой епархии. Данный сельский приход в Столинском районе является одним из самых крупных не только в Брестской области, но и в Беларуси. В имеющейся литературе по историко-церковной проблематике, истории Столинщины обычно приводится лишь скупая информация о приходской церкви [5, с. 175; 49]. Данный приход отличается тем, что кроме Свято-Михайловской церкви 1796 г. в д. Рубель действует новая церковь – Нерукотворенного образа Христа Спасителя. Многочисленные выходцы из Рубельского прихода в настоящее время являются православными священно- и церковнослужителями не только в Беларуси, но и за ее пределами.

Поэтому целью данной статьи является установление основных тенденций и особенностей в деятельности Рубельского прихода со времени его включения в Российскую империю до Первой мировой войны. В состав прихода входили деревни Рубель и Хотомель Мозырского уезда Минской губернии, где местное население занималось преимущественно земледелием.

Для достижения поставленной цели определены задачи:

- 1) ввести в научный оборот выявленные документальные материалы по истории храма и прихода из фондов архивов и библиотек Беларуси и России;
- 2) дать характеристику материальному положению причта и прихожан, социально-культурной деятельности в приходе;
- 3) раскрыть социально-демографическую ситуацию в приходе (общее количество населения, половозрастное и сословное разделение, рождаемость, брачность, смертность и др.).

Материальное положение причта и прихожан. Социально-культурная деятельность прихода

Общеизвестным фактом является то, что в 1796 г. в д. Рубель была построена Свято-Михайловская церковь, которая теперь является уцелевшим шедевром ярусно-осевых храмов, где органично сочетаются традиции полеской школы деревянного зодчества и архитектуры барокко [5, с. 175]. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что раньше там уже была церковь, но время ее возведения неизвестно. Согласно ведомостям Давид-Городокской и Пинской протопопии о наличии церкви и священнослужителей 1792–1793 гг. в д. Рубель была церковь Св. архистратига Михаила, старая, деревянная. Там же содержатся сведения о священнике, его семье и проживавших при церкви: протоиерей Григорий Рославский (45 лет), его жена Мария (29 лет), их дочь Елена (6 лет), его теща Мария (56 лет), Васса (31 год) – вдова предыдущего священника Карпа Еремича, ее дети: Григорий (13 лет), обучался в Киеве, Анилина (8 лет). Обязанности дьяка и пономаря выполняли прихожане на добровольной основе. «Приходских дворов, кои еще не совсем на унию и на римскую религию пристали, таковы оставшихся число 55» [4, с. 37; 8, л. 4об.].

На тяжелое материальное положение духовенства указывал протоиерей Г. Рославский в прошении от 12 января 1794 г. на имя архиепископа Минского, Изяславского и Брацлавского Виктора об освобождении от налогов. Жаловался на то, что учрежденная комиссия в Пинске рассылала приказы «простолюдинам и греко-униатским благочестивым священникам из дыму брать провиант (брусья, дрова, сено, хворост и пр.), да же гонят с людьми и на самую черную работу», и просил над «такowym бедственно-горьким священству житьем сжалиться» [9, л. 1].

Согласно клировой ведомости 1799 г. Г. Рославский учился в Киевской духовной академии, 6 июня 1786 г. был рукоположен и назначен священником в Рубельскую церковь, в ноябре того же года назначен протопопом (благочинным) Давид-Городокским и Пинским. Относительно новой церкви в д. Рубель указано следующее: «Церковь деревянная Михайловская состоит в новости, аппараты и сосуды серебрянные в священнослужении потребные, также и книги церковного круга имеются» [15, л. 170–171об.]. Церковной пахотной земли была 1 волока (по другим сведениям – 2 волоки), сенокосов – на 500 пудов сена (или на 50 возов). Всего приходских дворов было 115, где проживали 649 человек: 333 лица мужского и 316 женского пола. В ведомостях Мозырского духовного правления за 1799 и 1800 гг. при том же количестве дворов (115) количество прихожан мужского пола высчитывалось «по 4 души во дворе» однодворцев, шляхты и крестьян князя Иосифа Радзивилла – 460 человек. Число лиц женского пола в приходе в эти годы было соответственно 480 и 458.

В д. Хотомель насчитывалось 20 дворов. Если в 1799 г. священник сам должен был обрабатывать церковную землю («хотя и согласились прихожане, обрабатывать не хотят, почему принужден... по-прежнему своим старательством обрабатывать») [16, л. 163–164], то в 1800 г. уже этим занимались прихожане («по нынешнему положению ссыпки хлеба да не согласились, а согласились... обрабатывать») [17, л. 143].

О состоянии церкви и Рубельского прихода в 1840 г. свидетельствует клировая ведомость. «Зданием деревянная, с таковою же колокольнею, в настоящем году покрыта и в двух верхних стенах ошалевана, нового иконостаса и ошалевки в нижней стене требует. ...Земли при сей церкви усадебной и пахотной две уволоки сенокосной возов на 50; на сию землю плана и межевой книги нет, а имеется презент, наданный князем Иосифом Радзивиллом в 1792 г.; сверх оной дачи надано в 1820 г. на сию церковь ольшанским покойным шляхтичем Алексием Лешкевичем полтора морга пахотной земли, лежащей между рубельскими шляхетскими полями, на которую землю фундуш от вышеупомянутого шляхтича имеется и вместе с презентом в церковной ризнице хранится,

дела о сей земле не производится, владеют оною сами священно- и церковнослужители. Дом у священника собственный деревянный стоит на церковно[й] земле, у дьячка нет дома, а у пономаря собственный деревянный стоит на помещичьей земле. На содержание священно- и церковнослужителей получается жалованья в год 300 рублей ассигнациями» [18, л. 180–181об.].

Важным источником по истории Рубельской Свято-Михайловской церкви является ее главная опись имущества, составленная по указу Минской духовной консистории 17 декабря 1856 г. [39]. А метрика церкви, составленная Петербургской императорской академией искусств в апреле 1887 г. на основе ответов ее настоятеля Петра Тиминского, включает 72 вопроса, но ответы на них содержат весьма скромную информацию о храме. «Крыша из гонты, не окрашена... Три главы на церкви, все конусообразные... Все окошка квадратные... Престол деревянный без возвышения, длиною в два аршина, шириною и вышиною в аршин без четверти... Иконостас старого устройства, из дерева, в один ярус... Солея деревянная, ровная с полом храма... хоры есть, вышиною от пола на аршинов пять» [7, л. 1–8об.].

Более развернутыми и содержательными были ответы в метрике Рубельской Свято-Михайловской церкви, составленной Московским археологическим обществом 17 августа 1892 г. согласно ответам того же настоятеля Петра Тиминского. «На Рубельской церкви главы пирамидальные, глав три, покрыты жостью без покраски... завиточные кресты на всех трех главах, железные, четырехконечные, на подножии полулуния... Три купола устроены из бревен, стены ломаные, церковь округлая, купола из 8-ми стенок, круглые, весь бревенчатый верх церкви с куполами покрыт гонтою... Иконостас в Рубельской церкви старого устройства. Иконостас трехярусный, деревянный, резной. Царские врата резные, позолоченные, вверху с позолоченным сиянием. Врата состоят из двух отворов... От клироса до клироса имеется штакетная решетка с проходом до царских врат... Клиросы... досчатые, простой столярской работы, покрашены... Хоры... устроены над притвором, без никаких украшений и помещений. Особая колокольня... устроена в 1885 г. тщанием прихожан, квадратная, пирамидальная, с тремя перехватами кверху» [6, л. 1–14]. Также приводится описание имеющихся икон, церковной утвари: «В алтаре две иконы старого письма Спасителя и Богоматери с коронами, в самой церкви по стенам есть иконы очень старые, старого письма: Успения Божьей Матери, Св. Николая, Богоявления, архистратига Михаила и Гавриила и еще старая икона Спасителя. Ни времени написания их, ни имен иконописцев не обозначено... На жертвеннике стоят три креста, небольшого вида с распятиями, все вылиты из олова с постаментами. Ни времени их выделки, ни имен мастеров нет» [6, л. 1–14].

Несмотря на помощь прихожан материальное положение священно- и церковнослужителей оставалось сложным. Низкий уровень доходов от церковных земель, скромные платы за требы, небольшие пожертвования в условиях бедности крестьянства не обеспечивали им достатка. После 1839 г. православный клир получал денежное довольствие от царского правительства. Так, в 1842 г. для Рубельской церкви на каждые полгода был выделен дополнительный оклад в размере 42 руб. 85 коп. серебром, из них священник Федор Смородский получил 28 руб. 56 коп., дьяк и пономарь – соответственно 7 руб. 15 коп. и 7 руб. 14 коп. [10, л. 1–2].

Согласно указу Священного Синода от 31 мая 1844 г. было предписано всем сельским священно- и церковнослужителям, получающим жалование, отправлять безвозмездно требы, связанные с важнейшими православными таинствами: крещением, покаянием (исповедью), причащением, браком, миропомазанием, елеосвящением (соборованием), погребением. При этом разрешалось духовенству пользоваться от прихожан вознаграждением за отправление других богослужебных действий [14, л. 2–2об.].

В отличие от д. Рубель многие православные церкви на Столинщине в то время нуждались в срочном ремонте, некоторые находились в аварийном состоянии. Об этом свидетельствует рапорт велемичского благочинного С. Корженевского архиепископу Минскому и Бобруйскому Антонию от 26 февраля 1844 г.: «Малешевская Иоанно-Богословская церковь требует новой крыши, нового основания и обшития стен, Велемичская Ильинская – новой крыши, Белоушская Троицкая – нового верха, поскольку старый грозит падением, также нового основания, Ольманская Воскресенская очень ветха, а равно и колокольня, и требует вновь постройки... касательно постройки в селе Лядце новой на место сгоревшей церкви нет со стороны начальства никакого распоряжения» [11, л. 1–1об.].

Со сложностями осуществлялось на местах содержание духовенства. Об этом свидетельствует рапорт того же велемичского благочинного С. Корженевского архиепископу Минскому и Бобруйскому Антонию от 15 мая 1845 г.: «Хотя проектами, утвержденными комитетом, положено обрабатывать прихожанам священнический участок земли, строить дома по планам причтам и давать дрова, начав такое пособие духовенства с 1 января 1844 г., но и по сие время в ведение моего благочиния, а в имении князя Радзивилла, нет по сему исполнения со стороны прихожан – шляхты и крестьян» [12, л. 1]. На протяжении 1845–1855 гг. С. Корженевский постоянно сообщал об этом в Минскую духовную консисторию и архиепископу Антонию, но ситуация с ремонтом церквей, несмотря на распоряжения церковных и гражданских властей, не продвигалась. В 1856 г. церкви в Лядце, Ольманах и других деревнях не строились, не были отремонтированы церкви в Малешево, Бухличах, а строительные материалы гнили [1].

Трудности с ремонтом старых церквей и постройкой новых возникали также из-за разорительных последствий неурожая. 30 марта 1855 г. минский губернский предводитель дворянства ходатайствовал об отсрочке помещикам Минской губернии в деле постройки и ремонта церквей по причине их бедности от неурожая: «В непродолжительном сроке без совершенного разорения жителей это исполнено быть не может, ибо по сделанным сметам упадет на одну ревизскую душу от 5 до 15 руб. серебром, тогда как по многим имениям они не в состоянии уплатить государственных податей; а затем ходатайствует об отсрочке устройства церквей впредь до наступающих урожаев» [13, л. 2–2об.].

Не всегда крестьяне соглашались обеспечивать священно- и церковнослужителей содержанием, которое им было положено закрепленным царскими властями «проектом». Так, 3 февраля 1860 г. велемичский благочинный С. Корженевский докладывал в рапорте архиепископу Минскому и Бобруйскому Михаилу о том, что «дворяне и одноквартцы, прихожане церквей Велемичской, Рубельской и Белоушской решительно отказались от исполнения обязанностей, возложенных на них проектом, объявив, что они будут платить за требоисправления». При этом сообщал, что все его усилия и священников Рубельской и Белоушской церквей по убеждению прихожан «повиноваться воле начальства не подействовали на них... единогласно отозвались, чтобы мы брали доходы за требы, ибо они проектов исполнять не будут» [14, л. 1].

В пореформенный период (после 1861 г.) материальное положение крестьянства улучшилось, что благоприятно сказывалось и на состоянии местного причта. Определенную информацию о состоянии Рубельского прихода можно почерпнуть из его описания 1878–1879 гг. В нем изложены также сведения о Свято-Михайловской церкви 1796 г., колокольне, которая «устроена отдельно от церкви, в ней колоколов четыре; один в 10, другой в 5 пудов, остальные два малые». Дана также общая характеристика Рубельского прихода и его верующих. «Прихожан числится мужского пола 861 и женского 834 душ. Все они крестьянского сословия и занимаются единственно хлебопашеством. К церкви прихожане усердны; все праздничные и воскресные дни проводят до-

вольно благочестиво. Между днями особенно у них чествуемыми есть храмовый праздник день Св. Арх[истратига] Михаила». Также содержится информация о материальном положении священника, его деятельности. «Причт при сей церкви по штату 1876 г. положен одноклирный, состоящий из настоятеля и псаломщика. ... Дохода церковного бывает в год до 50 руб. Причт же, кроме штатного жалованья, пользуется землей, какой всего считается 15 десятин, а также кое-какими доходами. ... Из строений, хотя и есть как для священника, так и для причетника дома и прочие постройки, но все это крайне ветхо... При церкви существует приходская школа; грамотность, однако, очень мало развита между прихожанами. Есть также церковно-приходское попечительство» [44, с. 147–149].

Приходская школа (школа грамоты) в Рубельском приходе располагалась в трех арендуемых у крестьян избах в разных концах деревни. Она содержалась прихожанами. Такие «школы грамоты» создавались под руководством православных священников и были нацелены на распространение «элементарной грамотности» среди населения. На протяжении двух лет изучались такие предметы, как Закон Божий, церковнославянское и русское чтение и письмо, 4 правила арифметики, церковное пение. В качестве учителей могли быть выпускники двухклассных школ, имеющие звание учителя начальной школы, и другие нанимаемые лица. Основным источником содержания школ была плата за учебу (в 1891 г. в Российской империи ежемесячная плата колебалась от 30 до 75 коп.) [3]. В 1908 г. учителем Рубельской приходской школы был Александр Михайлович Перегуд. В 1912 г. церковно-приходская школа располагалась в собственном здании. Тогда обучались 112 мальчиков и 4 девочки. Из средств учеников на содержание школы отпускалось 100 руб. [20, л. 363об.].

В начале XX в. материальное состояние причта Рубельского прихода стабилизировалось. В 1908 г. общая сумма годового дохода церкви составила 306 руб. 41 коп., из них от продажи свечей и восковых огарков поступило 107 руб. 84 коп., от кружечного и кошелькового сбора – 93 руб. 70 коп., пожертвования составили 61 руб. 40 коп. В том же году было израсходовано 303 руб. 49 коп., в т.ч. 49 руб. 50 коп. на покупку свечей, воска, на приобретение и ремонт дома для причта – 31 руб. 10 коп., на ремонт ризницы и церковной утвари – 60 руб., на покупку красного вина, деревянного масла, ладана, муки для выпечки просфоры – 30 руб., на заготовку метрических и других книг – 14 руб. 35 коп. Согласно же клировой ведомости Рубельской церкви за 1912 г. для содержания священника и псаломщика требовалось 509,16 руб. жалования. Было получено 275 руб. ложечных доходов. От церковной земли (34 десятины 6½ кв. сажней хорошей земли и неудобницы, в том числе пахотной земли – 16 десятин, сенокосов – 15 десятин) средний годовой доход составлял 300 руб. На церковной усадебной земле (2 десятины) были построены в 1905 г. за казенный счет дома для священника и церковнослужителей. В церкви сохранялись копии метрических книг с 1856 г. (в порванном виде), целыми являлись исповедальные ведомости с 1844 г. [20, л. 362–363].

Социально-демографическая ситуация в приходе

Полноценный анализ социально-демографической ситуации в Рубельском приходе на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода осуществить невозможно по причине фрагментарности источников (церковных метрических книг). Попытаемся определить тенденции, установить некоторые выборочные количественные и качественные параметры состояния данного прихода, используя уцелевшие и доступные приходские церковные метрики [23–38; 40–42], хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси.

Согласно метрической тетради Рубельской Свято-Михайловской церкви за 1796 г. в приходе родились 18 человек (7 лиц мужского пола, 11 женского), а умерли 10 чело-

век: 5 лиц мужского пола (1 в возрасте 40 лет), остальные дети 8–10 лет [23, л. 285]. Как свидетельствуют данные таблицы 1, увеличение рождаемости и ее превышение над смертностью наблюдалось в приходе в 1820–30-е гг. (кроме 1830–1831 гг.).

Таблица 1. – Сведения о родившихся, умерших и бракосочетавшихся в Рубельском приходе в 1812–1839 гг.

Год	Количество родившихся			Количество бракосочетаний	Число умерших		
	мальчики	девочки	всего		мужчин	женщин	всего
1812	17	10	27	4	23	25	48
1813	17	13	30	13	12	11	23
1814	12	13	25	10	11	15	26
1818	9	18	27	18	9	11	20
1820	18	23	41	10	11	12	23
1823	20	16	36	10	12	17	29
1824	32	20	52	19	10	5	15
1825	22	29	51	14	13	17	30
1826	27	16	43	19	16	19	35
1828	19	30	49	11	28	28	56
1830	22	22	44	13	29	24	53
1831	8	11	19	3	64	65	129
1832	13	17	30	8	13	26	39
1833	30	23	53	9	23	24	47
1837	21	19	40	18	14	21	35
1839	23	26	49	7	13	24	37

Примечание – Составлено по: [24, л. 471; 25, л. 533об.; 26, л. 442об.; 27, л. 537; 28, л. 494; 29, л. 525; 30, л. 536; 31, л. 566; 32, л. 597; 33, л. 608; 40, л. 18; 34, л. 591об.; 35, л. 570; 36, л. 545; 37, л. 857; 41, л. 5об.; 38, л. 1136].

Основной причиной смертности жителей прихода были различные болезни, в том числе оспы. Из 29 умерших в 1823 г. от оспы скончались 14 человек (все дети в возрасте 1–3 лет), а в 1828 г. из 56 умерших оспа унесла жизни 34 детей в возрасте 1–5 лет. В 1845 г. от оспы умерли в марте 2 человека, в июне – 5 человек, в мае – 29 (13 мужского и 16 женского пола – исключительно дети от 1 до 13 лет) (таблица 1).

В 1830 г. в Рубельском приходе было заключено 13 браков, родилось 44 ребенка (поровну мальчиков и девочек). Среди 53 умерших было 24 женщины и 29 мужчин (из них 16 детей до 10 лет; самому старому покойнику было 66 лет) [40, л. 18].

В 1837 г. было заключено 18 браков, всего родилось 40 человек (21 мальчик, 19 девочек), а умерло – 35 (14 мужского, 21 женского пола), из них 4 младенца в возрасте 1 года. Самым старым из умерших в том году был 72-летний мужчина [41]. Опасной болезнью, особенно для детей, была корь. Например, в феврале 1847 г. от кори скончалось несколько детей. Умирали также от туберкулеза, иногда среди причин смерти в церковной метрике значился «кашель» [42, л. 35, 36, 42].

В 1830–1831 гг. в Российской империи свирепствовала эпидемия холеры. Затронула она и Рубельский приход. В июле 1831 г. в приходе от холеры умерли 30 человек (мужчин и женщин поровну), в августе – 33 человека (21 мужского и 12 женского пола); с осени эпидемия пошла на спад: в сентябре умерли 6 человек (все женского пола), в октябре также 6 (мужчин и женщин поровну), в ноябре – 4 (мужчин и женщин также поровну), в декабре – 1 женщина [34, л. 575–592]. Среди умерших от холеры был 53-летний дьяк Рубельской церкви Иосиф Каленикович Немшевич [38, л. 1136]. Можно только догадываться, насколько гнетущей при такой высокой смертности была морально-психологическая атмосфера в приходе (в 1831 г. было зарегистрировано лишь 3 брака).

Анализ церковных метрик за 1812–1839 гг. показал, что средний возраст умерших в приходе составлял 25 лет, при этом доля лиц мужского пола составляла 46,7 %, женского – 53,3 %. Такой возрастной показатель связан с высоким уровнем детской смертности: из умершего лиц мужского пола (301 человек) было 128 детей до 5 лет включительно, т.е. 42,5 %, а до 18 лет включительно – 160, т.е. 53,2 %. Хотя нет данных по возрасту умерших девочек, но с учетом большей смертности лиц женского пола можно допустить, что аналогичный показатель был также выше.

Высокий уровень детской смертности в Рубельском приходе не был исключением. Согласно статистике по умершим в Минской губернии в 1863 г. наибольшая смертность была у детей от 1 до 5 лет (1/3 всех умерших) [46, с. 23]. Названные выше болезни также были распространены в других местностях Беларуси. Согласно отчету о санитарном состоянии Минской губернии в 1881 г. особенно свирепствовала эпидемия натуральной оспы. Эпидемиологическую ситуацию усложняли также кровавый понос, скарлатина, корь, тиф, коклюш, дифтерит (дифтерия) и круп [47, с. 272].

«Уезды Пинский, Мозырский и Речицкий, прилегающие к берегам реки Припяти, особенно подвержены влиянию малярии... Каждый год почти является весной в Минской губернии тиф... Весной с развитием природы являются тифозные горячки то в форме брюшного тифа, то в форме пятнистого тифа, реже в форме возвратной горячки... Заразные болезни детского возраста, как корь, скарлатина, коклюш, ежегодно посещают Минскую губернию то в большем, то в меньшем размере, но редко случается, что они принимают особенно большие размеры» [45, с. 95–96].

Бедность, низкий материальный достаток крестьянства, недоступность услуг больницы, которая была лишь в уездном городе Мозыре, ограниченное транспортное сообщение с внешним миром (особенно в условиях наводнений, весенней и осенней распутицы) исключали получение какой-либо реальной помощи при заболеваниях.

Существенных сдвигов в здравоохранении не произошло и в начале XX в. В 1902 г. в Рубельском приходе родилось 136 человек (69 мужского и 67 женского пола), был заключен 31 брак. В том же году умерли 79 человек (52 мужчины и 27 женщин). Среди умерших были 14 младенцев до 1 года, 34 – дети от 1 до 5 лет [2]. В 1917 г. умерших было 101 человек (51 мужчина и 50 женщин); половина умерших – дети: 14 младенцев до 1 года, 25 детей от 1 года до 5 лет, 11 – от 5 до 10 лет. Среди причин смерти отмечены болезни: оспа (1 человек), тиф (5), чахотка (11), дизентерия (17; преимущественно дети), воспаление легких (5), скарлатина (3), корь (2). Но несмотря на высокий уровень смертности (особенно детей), слабый достаток в крестьянских семьях, неблагоприятные природно-климатические условия, число прихожан в Рубельском приходе росло, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2. – Сведения о Рубельском приходе в 1840–1877 гг.

Год	Село (деревня)	Категория прихожан	Количество дворов	Число жителей	
				мужчин	женщин
1840	Рубель	шляхта	72	288	285
		крестьяне	51½	206	223
	Хотомель	крестьяне	17¼	69	71
	Всего		140¾	563	579
1857	Рубель	шляхта	60	240	235
		однодворцы	20	80	84
		крестьяне (князя Льва Радзивилла)	56¼	225	231
		военные	2¼	9	24
	Хотомель	крестьяне (князя Льва Радзивилла)	11¾	47	46
Всего		150¼	601	620	

Продолжение таблицы 2

1861	Рубель	шляхта	73	292	320
		однодворцы	21	84	83
		крестьяне (освобожденные от крепостной зависимости)	53	212	207
		военные	2	8	36
	Хотомель	крестьяне (освобожденные от крепостной зависимости)	17	69	78
	Всего		166¼	665	724
1877	Рубель	шляхта, однодворцы	114	456	457
		крестьяне	62	248	264
	Хотомель	крестьяне	22	88	89
		военные	9	36	38
		Всего		207	829

Примечание – Составлено по: [18, л. 181об.; 21, л. 38об.; 22, л. 35об.; 19, л. 195об.].

Определенные сведения (о половозрастном разделении, сословной принадлежности и др.) можно почерпнуть из исповедальных ведомостей, которые также сохранились слабо. Согласно одной из таких исповедальных ведомостей Рубельской церкви (за 1807 г.) из 503 лиц мужского пола и 518 лиц женского пола исповедовались соответственно 430 и 433. Не исповедались дети до 7 лет: 73 мальчика и 85 девочек. Из общего количества жителей прихода (деревни Рубель и Хотомель) к шляхте отнесены 191 лицо мужского пола и 196 лиц женского пола (из них к исповеди ходили 60 мужчин и 50 женщин, их дети: 94 мальчика и 110 девочек; не исповедались их дети до 7 лет: 36 мальчиков и 34 девочки). Крестьянами и бобылям записаны 310 лиц мужского и 317 лиц женского пола. Среди них исповедались 70 мужчин и 66 женщин, их дети: 201 мальчик и 203 девочки. Не исповедовались 39 мальчиков и 48 девочек – дети до 7 лет шляхетского (дворянского) происхождения. Сословие духовенства было представлено семьей настоятеля церкви Г. Рославского, дьячком Иваном Смородским – 7 человек (двое мужчин и пять женщин) [43, л. 540].

Согласно исповедальной ведомости 1897 г. в деревнях Рубель и Хотомель насчитывалось всего 2 415 человек, из них к сословию духовенства принадлежали 12 человек, к военным – 443, к дворянам – 132 (из них 59 мужчин и 73 женщины); купцов, мещан и других городских обывателей – 302, остальные (1 526 человек) были крестьянами. Из общего числа указанных в исповедальной ведомости жителей половое разделение было следующим: 1 231 лицо мужского пола, 1 184 – женского. В двух деревнях прихода насчитывалось 307 $\frac{3}{4}$ дворов.

Также сословную принадлежность прихожан можно определить по клировым ведомостям. Например, в 1877 г. в Рубельском приходе было 207 дворов, где проживали 828 лиц мужского пола и 848 женского. Из 207 дворов в д. Рубель было 114 дворов шляхты и однодворцев (456 мужчин и 457 женщин) и 62 крестьянские двора (248 человек мужского и 264 женского пола); в д. Хотомель было 22 крестьянских хозяйства (88 мужчин и 89 женщин). Также в Рубельском приходе было 9 дворов военных (36 мужчин и 38 женщин) [19, л. 195об.].

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в д. Рубель проживали 2 617 человек (1 309 мужского пола и 1 308 женского). Православные составляли большинство – 2 106 человек; из других исповеданий выделялся иудаизм, который исповедовали 499 человек (местные евреи), а также было несколько человек других вероисповеданий [46, с. 93].

Заклучение

В целом на протяжении всего исследуемого периода наблюдалось постепенное развитие Свято-Михайловского Рубельского прихода Мозырского уезда Минской губернии. После возведения приходского храма были построены колокольня, помещения для причта, с 1860-х гг. начала действовать церковная школа (школа грамоты), осуществлялась благотворительная деятельность. Большую роль в этом сыграли священно- и церковнослужители, которые занимались как богослужебной практикой, так и социально-культурной деятельностью среди местного населения. В ходе исследования удалось установить имена всех настоятелей и священнослужителей с конца XVIII до начала XX в.: Карп Яремич (до 1786 г.), Григорий Григорьевич Рославский (1786–1817 гг.), Игнатий Семенович Сулковский (1818–1838 гг.), Федор Смородский (1839–1876 гг.), Стефан Григорьевич Сулковский (1877–1878 гг.), Никодим Сулковский (1878 г.), Петр Яковлевич Тиминский (1879–1908 гг.), Илларион Леонтьевич Брозовский (1908–1910 гг.), Александр Шумаковский (1909 г.), Дмитрий Иванович Плышевский (1910 г.), Алексей Николаевич Ферапонтов (1911–1918 гг.). Материальное положение причта, как и приходжан, было сложным. Однако постепенно, особенно к концу XIX – началу XX в., ситуация улучшилась. Наряду с государственной финансовой поддержкой материальное обеспечение прихода шло за счет пожертвований, платы за требы, доходов от церковной земли и др.

Существенные социально-демографические потери происходили из-за низкого общего материального уровня жизни местных крестьян, отсутствия элементарной врачебной помощи, надлежащей транспортной инфраструктуры и других факторов. Основной причиной смертности были болезни (оспа, холера, тиф, дифтерия, корь и др.). Высоким был также уровень детской смертности, особенно ранней детской и младенческой. Несмотря на это натуральный прирост населения в Рубельском приходе оставался устойчивым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вабищевич, А. Н. Состояние православных приходов на Полесье в середине XIX в. (на примере Рубельского прихода Мозырского уезда) / А. Н. Вабищевич // VI Науч.-краязн. канф. «Пружанскі дыярыуш». – Брэст : Выд-ва БрДГУ, 2017. – С. 15–21.
2. Ведомость сочатавшихся и умерших по Рубельской Свято-Михайловской церкви, 1902 г. : рукопись.
3. Житенев, Т. Е. Школы грамоты в Российской империи конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] / Т. Е. Житенев // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2014. – № 4 (17). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkoly-gra-moty-v-rossiyskoy-imperii-kontsa-xix-nachala-hh-veka>. – Дата доступа: 11.02.2018.
4. Ильин, А. Л. Очерки истории культуры Пинщины (IX – нач. XX вв.) / А. Л. Ильин, Е. А. Игнатюк. – Пинск : ПолесГУ, 2013. – 220 с.
5. Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы на Беларусі : энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – 328 с.
6. Метрика церкви во имя архистратига Михаила в д. Рубель Мозырского уезда // Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук в г. Санкт-Петербурге (НА ИИМК РАН). – Ф. 4. Д. 510.
7. Метрика церкви во имя архистратига Михаила в д. Рубель Мозырского уезда // НА ИИМК РАН. – Ф. 4. Д. 511.
8. Ведомость о состоянии церквей, священнослужителях и составе их семей по Давид-Городокской протопопии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 274.

9. Прощение протоиерея Давид-Городского и Пинского Григория Рославского от 12 января 1794 г. об освобождении православного духовенства от налогов в связи с бедственным положением // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 348.

10. Отчет о приходе и расходе вспомогательного оклада Рубельской Михайловской церкви за 1842 г // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 17258.

11. Дело по рапорту велемичского благочинного Мозырского уезда священника С. Корженевского о необходимости ремонта церквей его благочиния, 1844–1858 гг. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 18335.

12. Дело по рапорту велемичского благочинного священника Мозырского уезда С. Корженевского о необходимости обязать прихожан выполнять хозяйственные работы в целях благочиния, 1845–1856 гг. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 19453.

13. Дело по отношению начальника Минской губернии об отсрочке строительства и ремонта церквей в губернии в связи с неурожаями (1855 г.) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 26270.

14. Дело по рапорту велемичского благочинного Мозырского уезда С. Корженевского об отказе прихожан некоторых церквей благочиния удовлетворять священно- и церковнослужителей положенным по проекту содержанием и нежеланием их платить за исполнение треб (1860 г.) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 29019.

15. Клировые ведомости церквей Мозырского повета, 1799 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40402.

16. Ведомости Мозырского духовного правления о священно- и церковнослужителях за 1799 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40408.

17. Ведомости Мозырского духовного правления о священно- и церковнослужителях за 1800 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40414.

18. Клировые ведомости церквей Мозырского уезда за 1840 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40671.

19. Клировые ведомости церквей Мозырского уезда за 1877 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40952.

20. Клировые ведомости церквей Мозырского уезда за 1912 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 41150.

21. Клировые ведомости церквей Велемичского благочиния Мозырского уезда за 1857 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 41203.

22. Клировые ведомости церквей Велемичского благочиния Мозырского уезда за 1861 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 41205.

23. Метрическая книга родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Давид-Городокской протопопии за 1796 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 307.

24. Метрическая книга родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского уезда, 1812 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 359.

25. Метрические книги родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского и Мозырского уездов, 1813 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 361.

26. Метрическая книга родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского и Мозырского уездов, 1814 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 360.

27. Метрическая книга родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского и Мозырского уездов, 1818 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 363.

28. Метрическая книга родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского и Мозырского уездов, 1820 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 365.

29. Метрические книги родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского уезда, 1823 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 366.

30. Метрические книги родившихся, умерших и бракосочетавшихся церквей Пинского уезда, 1824 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 367.

31. Метрические книги родившихся, умерших и бракосочетавшихся церковей Пинского уезда, 1825 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 368.
32. Метрические книги Пинского уезда, 1826 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 369.
33. Метрические книги Пинского уезда, 1828 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 370.
34. Метрические книги Пинского уезда, 1831 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 373.
35. Метрические книги Пинского уезда, 1832 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 374.
36. Метрические книги Пинского уезда, 1833 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 375.
37. Метрические книги Пинского уезда, 1837 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 378.
38. Метрические книги Пинского уезда, 1839 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 379.
39. Описание имущества за 1856 г. // НИАБ. – Ф. 806. Оп. 1. Д. 1.
40. Метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1830–1836 гг. // НИАБ. – Ф. 806. Оп. 1. Д. 2.
41. Метрическая книга о родившихся за 1837–1858 гг. // НИАБ. – Ф. 806. Оп. 1. Д. 3.
42. Метрические книги об умерших за 1837–1853 гг. // НИАБ. – Ф. 806. Оп. 1. Д. 4.
43. Исповедные ведомости церковей Мозырского уезда за 1807 г. // НИАБ. – Ф. 834. Оп. 1. Д. 70.
44. Описание церковей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям (Приложение к «Минским епархиальным ведомостям» за 1879 г.). – Минск : Тип. Б. И. Соломонова, 1879. – V. Мозыр. уезд. – 194 с.
45. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 год. – Минск : Мин. губерн. тип., 1887. – 345, V, [2] с.
46. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1906 год царствования императора Николая II, год двенадцатый. – Минск : Изд. Мин. губерн. стат. ком., губерн. тип., 1905. – 211, 196, [4] с.
47. Памятная книжка Минской губернии на 1865 год. – Минск : Тип. губерн. правления, 1864. – [3], 8, [5], 232, 55, [2] с.
48. Памятная книжка Минской губернии на 1882 год. – Минск : Тип. Р. Дворжец, 1881. – VI, 328, XXVIII с.
49. Памяць. Столінскі раён : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 635 с.

Рукапіс паступіў ў рэдакцыю 01.03.2018

Vabishchevich A.M. The Orthodox Parish in the Village of Rubel in the Stolin Region (Late 18th – Early 20th Century)

The article is devoted to the history of the Orthodox parish in the village of Rubel in the Stolin district at the end of the XVIII – beginning of the XX century. The author first introduces into the scientific circulation the church metrics and other documents from the archives of Minsk (National Historical Archives of Belarus) and St. Petersburg (Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). The material situation of priests and parish clergymen is revealed. Socio-demographic indicators (fertility, mortality etc.) were selectively analyzed. The main cause of death was disease. A high mortality rate in children was revealed.

УДК 340.0(09)+947

И.Ю. Уваров

канд. ист. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета имени О.П. Сухого
e-mail: artem.uvarov89@mail.ru

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI В.

В статье предпринята попытка, опираясь на факты, объяснить, в каких условиях в XVI в. происходило становление правовых отношений в Великом княжестве Литовском и какие факторы повлияли на развитие всей законодательной базы этого феодального государства.

Введение

Акт о признании великого князя Александра монархом Великого княжества Литовского и Польши был принят 3 октября 1501 г. на заседании сейма в Петракове, а 23 октября этот документ был привезен польскими радными панам Александру Ягеллончику для утверждения [1, с. 26]. После этого в Кракове 12 декабря состоялась его коронация королем Польши [2, с. 101]. Его жену, которая все еще оставалась верной православию, поляки не короновали [3, с. 505]. Издание Мельницкого привилея, как он стал называться, свидетельствует о провозглашении союзных отношений между ВКЛ и Польшей. По сути дела, это было возобновление персональной унии между двумя государствами [4, с. 34]. Однако в связи с тем, что на основании этого акта княжество автоматически теряло свою самостоятельность, сейм – сословный орган власти ВКЛ – выполнил волю шляхетских представителей и не утвердил положение Мельницкого привилея [5, с. 458–459]. Новый привилей Александра способствовал бы перемещению властных полномочий от господаря в руки панов-рада, что неминуемо привело бы к ослаблению роли великого князя в управлении страной [5, с. 459]. Этим привилеем расширялись полномочия шляхты в области политического управления страной. Польская магнатерия стремилась преградить все возможности правящей элите ВКЛ по осуществлению процедуры избрания господаря, что противоречило польским интересам [6, с. 173]. Поляки хотели организовать у себя в стране исключительно самоуправляемую модель политического устройства по принципу исключительно панско-аристократического правления, без института монархии [5, с. 460]. Именно такую ситуацию они стремились создать в аппарате управления польского государства во времена Казимира. Еще одним положением этого привилея было то, что православная шляхта ВКЛ уравнивалась в правах с католической польской шляхтой. Одновременно с этим планировалось осуществить сохранение права бояр-шляхты и расширение ее вольностей и привилегий, неприкосновенность феодального землевладения и прочего имущества [2, с. 103]. Таким образом, Мельницкий привилей 1501 г. представляет интерес только как показатель того, что могло произойти в случае политической уступки панского олигархата ВКЛ устремлениям польских дипломатов.

В начале XVI в. шляхта ВКЛ продолжает борьбу за расширение своих сословных вольностей, ориентируясь на привилегии коронной шляхты. Великокняжеские шляхтичи желали возвыситься до правового и имущественного положения радных панов. Но использовать для этого основные положения законодательной системы, которая на тот период существовала в Княжестве для лоббирования своих интересов, шляхта не сможет до конца без унии с Польшей. Достаточно серьезными противниками расширения прав великокняжеской шляхты была магнатско-олигархическая верхушка

княжества, которая препятствовала получению неограниченных вольностей для своих вассалов, интересы которой представляли широкие слои поветовой шляхты.

После вступления на престол ВКЛ Сигизмунда I 7 декабря 1506 г. в Гродно был издан привилей, которым новый монарх желал сохранить сложившийся традиционализм и консерватизм в аппарате господарской администрации, поддерживаемый во времена правления Казимира и Александра, не допустить разрастания недовольства у православных магнатов и шляхты по вопросам унии ВКЛ с Польшей, сохранить целостность страны и мобилизовать силы на отпор татарским нашествиям [7, с. 286]. Этот привилей был направлен на сохранение в обществе прав и свобод представителей светской власти, князей, бояр и мещан [8, с. 257–258]. Таким образом, проходило закрепление норм государственного права по формированию конституционной базы ВКЛ и создание предпосылок для подготовки и издания первого Статута 1529 г. Кроме общеземских привилеев ВКЛ, господарь осуществлял выдачу специальных привилеев частным лицам, которые представляли разные категории граждан феодального общества [9, с. 5–10; 10, с. 72–75].

В 1516 г. Сигизмунд I дал привилей маршалку Костевичу на владение в Кобринской волости. После смерти Костевича вся Кобринская волость переходит во владение королевы Боны, жены Сигизмунда I. Господарь по этому поводу выдал супруге специальный привилей. Вступив во владения данного поместья, Бона сама начала выдавать различные имущественные пожалования местным жителям не только Кобринской волости, но и пинским евреям, которые проживали на территории имений великокняжеской семьи. Так, 20 ноября 1548 г. Бона подписала документ, разрешающий пинчанам Иахиму Посаховичу и Юшку Лиошеевичу арендовать мытню и корчму. Такая благосклонность к иудеям объясняется тем, что они ответственно относились к арендуемому помещению, внося регулярно все необходимые налоги [11, с. 132].

К основной группе данных документов относятся земские привилеи и привилеи на Магдебургское право. На протяжении XIV–XV вв. в ВКЛ отсутствовала совершенная система законодательной власти, а правительство выдачей привилеев стремилось исключить общий закон. Постепенно с формированием сословно-представительной системы власти появилась еще одна группа документов, получивших название «устав» и «ухвал». На протяжении длительного периода эти документы регламентировали различные стороны юридической жизни гражданского, уголовного и процессуального права. Выдача «устав» находилась в компетенции великого князя [9, с. 6–8]. К общим постановлениям этой эпохи относится «устава» 1508 г. о приеме в ВКЛ польской монеты, о ценах на припасы, доставляемые в войска. В 1528 г. была выдана «устава» о военной службе (земской обороне), в которой указано для землевладельцев, сколько кому выставлять на войну ратников и как они должны быть вооружены. «Ухвалы» принимались в период прохождения сеймовых сессий [12, с. 71–72]. После введения Статута 1529 г. дальнейшее развитие права шло в форме издания сеймовых постановлений («ухвал»).

В сентябре–октябре 1529 г. великокняжеской властью были изданы четыре законодательных акта, которые вошли в историю под несколькими самостоятельными названиями. Это Киевский земский привилей от 1 сентября 1529 г., краткий общеземский привилей от 28 октября, пространный общеземский привилей от 18 октября и подтверждение Городельского привилея от 27 октября 1529 г. [8, с. 262–263]. Привилей 1529 г. явился обобщением всех прежних общеземских привилеев с некоторой переработкой текста по расположению материала, что придавало тексту более ясную и правильную форму. В подтверждающем привилее от 27 октября содержались переработанные тексты грамот 1413, 1434, 1447, 1492, 1506 гг. Эти тексты были изданы заново, но в своей новой форме [8, с. 268]. Таким образом, в содержание четырех привилеев 1529 г. вошли ранее изданные привилеи Ягайло, Витовта, Сигизмунда, Казимира, Алек-

сандра и Сигизмунда I. Как считал в свое время И.Б. Якубовский, «в проектированном переписчиком подтверждении 1529 г. по ранее изданным привилегиям есть некоторые пропуски статей, что свидетельствует о недоработке этих документов». Современному исследователю необходимо внимательно изучить и хорошо знать содержание всех привилеев, изданных до 1529 г.

На сейме 1544 г. шляхта требовала, чтобы в каждом повете были избраны судья и писарь из шляхетского сословия. Воеводы, старосты и державцы должны судебные заседания проводить в поветах, а не в своих имениях. Господарь был вынужден выполнить эти требования. Кроме всего этого шляхта просила, чтобы воеводы и державцы не увозили из поветов судебные книги, на что великий князь также согласился. В продолжение своих требований на данном сейме шляхтичи просили правительство издать уставу относительно платы за выдачу листов из канцелярии. На что также было дано согласие господаря. Одна из жалоб шляхты заключалась в том, что воеводы вселяют в их дома военных людей на постой против их воли. Было решено в дальнейшем этого не допускать. Все эти просьбы шляхты содержали в себе желание привилегированного сословия получить защиту господаря от притеснений великокняжеской администрации [13, с. 298–299].

В середине XVI в. правительство Сигизмунда-Августа проявляет отзывчивость к требованиям шляхты и издает на вальном сейме в январе 1547 г. большой общеземский привилей. Этот привилей по своему содержанию представлял собой повторение аналогичного привилея 1529 г. с некоторым изменением текста во вступительной и заключительной части [8, с. 271]. Сигизмунд-Август, таким образом, согласился с требованиями сенаторов сейма признать и подтвердить все привилегии и вольности шляхты, изложенные ранее в специальных грамотах. В своих выступлениях перед присутствующими господарь сослался на память и уважение своих предков, которые жаловали в свое время привилегии первенствующему сословию, и обещал, таким образом, подтверждение старых привилегий. Новый привилей 1547 г. подтверждал вольности радных панов, представлявших интересы светской и духовной знати независимо от того, католики они или православные, а также интересы князей, панов и рыцарей [15, с. 419]. Этот привилей окончательно уравнивал в правах православную и католическую шляхту, что создавало возможность всесторонней реализации всей шляхтой своих прав. Однако этот привилей не отменил до конца всех положений Городельской унии 1413 г. Это касалось прав католической знати занимать привилегированные должности в государственном аппарате. Провозглашаемое сближение католической и православной шляхты скорее имело декларативный характер. Но несколько ослабили антиуниатские настроения шляхты от великокняжеских земель на заседаниях вальных сеймов.

На этом практика издания верховной властью в ВКЛ очередных привилеев не прекратилась, а 3 ноября 1551 г. в Вильно был издан большой подтверждающий привилей. Этим документом, который состоял из двенадцати ранее изданных грамот, Сигизмунд-Август хотел подтвердить законность предыдущих постановлений в отношении расширения прав и свобод шляхты. Однако представители от военнотрудового сословия продолжали требовать для себя специального правового положения в обществе, которое бы подтверждалось письменным постановлением господаря.

7 июня 1563 г. в Вильно был издан господарский привилей, на основании которого было заявлено, что все жители ВКЛ как католической, так и православной веры имеют одинаковые права: «ане теж и вси иные стану рыцарского и шляхетского, яко Литовского так и Русского народу, одно бы были веры хрестиянской». С источниковедческой точки зрения этот документ имеет огромную ценность, поскольку первоначальное его содержание не подвергалось существенной переработке, а значит, его можно считать вполне достоверной [8, с. 275]. Публикация его была осуществлена членами ар-

хеографической комиссии в 1848 г. В качестве образца был использован вариант привилея, который был записан в книге копий Литовской метрики [18, с. 118–121]. Привилей 1563 г. имел пропагандистское значение для декларации равенства прав всех подданных ВКЛ как католического, так и православного вероисповедания, подготовить великокняжескую шляхту к более тесному союзу с Польшей [7, с. 361]. Положения этого привилея отменяли статьи Городельского привилея 1413 г. о предоставлении крупных должностей и членство в господарской раде только католикам [19, с. 141–142]. Существенной значимостью Виленского привилея 1563 г. было то, что шляхтичем теперь считался христианин без учета его принадлежности к католицизму или православию [18, с. 305, 543]. Интересен тот факт, что первоначально языком всех привилеев 60-х гг. XVI в. был исключительно старобелорусский язык. В 1900 г. все эти привилеи были опубликованы на латинском и польском языках. Однако проведенный анализ этих документов показал явные следы искажения текста при переводе со старобелорусско-язычного первоисточника.

На Бельском сейме 1 июля 1564 г. Сигизмунд-Август подписал очередной привилей, текст которого был подготовлен канцлером ВКЛ и виленским воеводой Н.Я. Радзивиллом. Современным исследователям этот привилей известен по официальной копии Литовской метрики. Публикация выверенного текста была осуществлена М. Любавским в приложении № 48 к его труду «Литовско-русский сейм». На Бельском сейме господарь начал обсуждения с сенаторами некоторых вопросов, касающихся унии с Польшей [7, с. 377]. Но великокняжеская знать отказалась от этих предложений. На этом сейме стало известно, что подготовлен вариант нового статута ВКЛ, в котором судебный раздел имел существенные изменения в соответствии с требованиями шляхты [8, с. 278].

Новым документом в законотворческой деятельности правительства ВКЛ стал очередной привилей 1564 г., который получил название Бельский. Привилей (в переводе с латинского «особый закон») – это законодательный акт, которым законотворцы феодального государства подтверждали те или иные права различных категорий населения [16, с. 34; 20, с. 47; 21, с. 44]. Этот привилей явился законодательным актом, который был издан как второстепенный документ перед публикацией нового Статута 1566 г. Согласно этому акту судебные органы отделялись от администрации в поветах и объявлялось равенство всех перед судом и законом для шляхетского сословия. Бельский привилей провозгласил решение господаря о создании в поветах земских судов и выборных должностей для судей: «3 саженьем новым обычаем суду и порядку судебного постановили и написали». Право избирать и быть избранным в этот орган власти предоставлялось шляхте [17, с. XXXIII; 22, с. 94–99]. Из имеющихся документов видно, что первое заседание в Слонимском повете земские судьи начали 22 января 1566 г. Заседания земского суда должны были проходить в замке или в другом господарском дворе. Для хранения судебных документов представителям местной администрации предписывалось построить специальное помещение, очевидно, каменный склеп [16, с. 38].

Заседания судебных сессий проходили три раза в год: первые – на следующий день после католического праздника св. Троицы; вторые – после праздника св. Михаила (29 сентября); третьи – после Богоявления. Основными причинами для отмены судебных заседаний могли быть созыв вального сейма (за 4 недели), война (за 6 недель) и эпидемии [17, с. XXXIII, XXXV–XXXVI]. Городские и земские суды были в каждом повете. Рассматривали они криминальные и гражданские дела. В основном это были различные иски, жалобы по имущественным делам (продажа деревень, меновые сделки, духовные завещания и т.д.). В обязанности городских судов входило рассмотрение уголовных дел, а гражданско-правовые вопросы относились к компетенции земских

судов. Все делопроизводство велось до конца XVII в. на старобелорусском языке, а потом на польском.

С развитием системы законодательной и исполнительной власти с 1566 г. в стране стали действовать подкоморные суды, где разбирали споры между землевладельцами [16, с. 39]. Таким образом, судебным органом для шляхты стал земский поветовый суд [20, с. 118; 23, с. 7–8]. Бельский привилей в дальнейшем нашел подтверждение в постановлении Городенского сейма от 10 июля 1568 г. Сенаторы просили господаря, чтобы старосты и державцы не судили шляхту в местечках, где не было решения судов. Государь дал ответ, что старосты имеют право судить только спадковых бояр «как раньше было» [24, с. 470–471]. Привилеи в указанный период выдавали как всему княжеству, так и отдельным регионам и городам.

Бельский привилей 1564 г. свидетельствовал об отказе магнатов ВКЛ во главе с Николаем Радзивиллом Черным от своего участия в управлении административно-судебными учреждениями. Начались выборы в среде шляхетской знати на посты административных и судебных чиновников [3, с. 638]. Назначались места для проведения заседания новых судов и порядок избрания должностных лиц земского судьи, подсудника и земского писаря, который исполнял обязанности нотариуса [7, с. 360–361; 10, с. 45]. Кандидатов на эти должности должны были избирать на поветовых сеймиках, которые были учреждены Виленским привилеем 1565 г. по требованию шляхты. Увеличилось количество воеводств и сократилось количество поветов. Устанавливались границы в пределах воеводств, поветов и волостей. На заседании сеймиков должны были собираться паны радные, князья, урядники земские и дворные и все представители «народу шляхетского и стану рыцарского, где в котором повете оселость мает» [8, с. 378].

Эти постановления находили свое юридическое закрепление в Статуте 1566 г. Бельский привилей 1563 г. подчинял феодальную власть ВКЛ ответственным лицам из господарской администрации. Таким образом, мы видим, что организационные преобразования в аппарате управления ВКЛ начались в период прохождения Виленского 1564 г. и Бельского 1564 г. сеймов. Издание привилеев 1563 и 1564 гг. – это результат требований шляхты новых социально-экономических и правовых сводов, которые были поддержаны представителями магнатской аристократии в лице сенаторов сеймовых сессий [25, с. 80–81].

Реформы, начатые с издания привилеев в 60-е гг. XVI в., всецело отвечали интересам шляхты, предоставляя ей новые сословные привилегии и выборные суды. В ВКЛ была проведена судебная реформа, основным содержанием которой было наведение порядка при рассмотрении судебных дел, в поветовых центрах великокняжеской администрации вновь учрежденном городском (замковом) суде. Заседание этих судов проходило на территории городских замков под руководством воеводы. Также по требованию шляхты были созданы земские суды, которые заседали для разбора текущих дел по жалобам служилых феодалов. В состав судебной инстанции входил судья, подсудник и писарь. Эти должностные лица избирались на поветовом сеймике пожизненно. Так, например, среди должностных лиц был судья Городенского земского суда хорунжий этого повета Петр Мицут [26, л. 14–17об.]. Замковым судом руководил сам воевода, а заседание этой инстанции проходило ежемесячно. Кроме вышеназванных судов был учрежден подкоморный, или, как его еще называли, межевой суд, где рассматривались земельные споры между представителями феодальных сословий. Как правило, это были споры между землевладельцами из-за нарушения границ и вторжения в пределы имений соседних феодалов.

Реформы 60-х гг. XVI в. имели общие задачи по совершенствованию судебной системы и осуществлению правосудия [13, с. 718; 27, разд. III, арт. 4]. Это способствовало укреплению позиций такого органа власти, как господарская рада, и расширению

компетенции вального сейма. Шляхта получила возможность управлять политической системой ВКЛ и оказывать влияние на верховную власть в лице господаря.

Заклучение

1 июля 1568 г. был издан последний (общеземский) привилей ВКЛ перед заключением Люблинской унии 1569 г. [8, с. 276]. Этот документ регулировал отношения привилегированных феодалов с представителями мещанского сословия [3, с. 641]. Следует признать, что развитие законодательной базы ВКЛ в XVI в. способствовало совершенствованию системы правосудия, расширяло компетенцию вального сейма и укрепляло позиции шляхты, которая стремилась осуществлять свою жизнедеятельность в правовом поле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грыцкевич, А. П. Палітычнае становішча Беларусі ў эпоху Скарыны / А. П. Грыцкевич // Спадчына Скарыны : зб. матэрыялаў першых Скарынінскіх чытаняў, 1986 / укл. А. І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 318 с.
2. Volumina constitutionum volumen 1. 1493–1526 / do druku przygot.: S. Grodziski, I. Dwornicka, W. Uruszczak. – Warszawa : Wydaw. sejmowe, 1996. – S. 498.
3. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – М. : Фонд им. И. Д. Сытина, 2005. – 679 с.
4. Голенченко, Г. Я. Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете XV–XVI вв. / Г. Я. Голенченко // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / под ред. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1976. – С. 228–240.
5. Grodecki, R. Dzieje Polski średniowiecznej : w II t. / R. Grodecki, S. Zachorowski, J. Dąbrowski. – Kraków, 1926. – Т. II : Od roku 1333 – 1506. – 475 s.
6. Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовское государство / А. Е. Пресняков. – М., 1939. – Т. II, вып. I. – 284 с.
7. Любавский, М. К. Очерк по истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М. : Изд. О-ва истории и древностей рос., 1910. – 376 с.
8. Якубовский, И. Б. Земские привилеи Великого княжества Литовского / И. Б. Якубовский // Журн. М-ва народного просвещения. – 1903. – № 4, 5. – С. 277–284.
9. Ясинский, М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-русского государства / М. Н. Ясинский. – Киев : Унив. тип., 1889. – 210 с.
10. Kutrzeba, S. Historja ustroju Polski w zarysie : w IV t. / S. Kutrzeba. – Lwów : Warszawa. – Т. II : Litwa. – 1921. – 170 s.
11. Леонтович, Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. – СПб. : Тип. В.С. Балашева и К^о, 1894. – 399 с.
12. Бестужев-Рюмин, К. Н. Русская история / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб., 1825. – Т. II, вып. I. – 212 с.
13. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. – М., 1900. – 850 с.
14. Любавский, М. К. Очерк по истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М., 1915. – 401 с.

15. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 / wyd. i przedm. A. T. Daniłowicz ; tł. L. Rogalski. – Poznań : Druk. na Garbarach, 1841. – [4], 542, IV s., [13] k. tabl.

16. Письмовыя крыніцы па гісторыі Беларусі IX–XVIII ст. : метаад. парады па курсе «Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі» для студэнтаў спецыяльнасці 02.07 «Гісторыя» / Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; склад. С. В. Палуцкая. – Гродна, 1993. – 70 с.

17. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Т. 1–39. – Вильна, 1895. – Т. 22 : Акты Слонимского земского суда. 1555–1570 гг. – 471 с.

18. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией : в V т. – СПб., 1848. – Т. III : 1544–1587. – 356 с.

19. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. / сост.: З. Ю. Копыцкий, М. Ф. Залого. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959–1961. – Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века. – 1959. – 516 с.

20. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

21. Юхо, Я. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / Я. А. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991. – 236 с.

22. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVII вв. : сб. материалов / подг. И. И. Яновкин. – Л., 1936. – 153 с.

23. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль Белоруссии XVI – первой половины XVII в. / С. Ф. Сокол ; науч. ред. И. А. Юхо. – Минск : Наука и техника, 1984. – 188 с.

24. Литовская метрика. Отд. 1–2, ч. 3 : Книги публичных дел / ред. И. И. Лаппо. – СПб., 1914. – Т. 30. – 976 с.

25. Янушкевіч, А. Пачатак пералому. Віленскі вальны сейм 1563 г. на фоне Інфлянцкай вайны ўнутраных рэформаў у Вялікім княстве Літоўскім / А. Янушкевіч // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVII стагоддзях : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Навагрудак, 23–24 лістап. 2007 г. / навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск : БІП-С Плюс, 2008. – С. 80–90.

26. Гродненский земский суд. Актовая книга (1756–1813 гг.) // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1755. Оп. 1. Д. 2.

27. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. // Временник Императорского общества истории и древностей российских. – М., 1855. – Кн. 23. – 175 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.07.2017

Uvarov I.Yu. The System of Legal Relations and the Formation of the Legislative Base in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century

In this article, an attempt is made, based on facts, to explain the conditions under which in the 16th century, there was a formation of legal relations in the Grand Duchy of Lithuania and which factors influenced the development of the entire legislative base of this feudal state.

УДК 94(476)+929

С.П. Марозаў

канд. гіст. навук, старшы выкладчык каф. журналістыкі
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы
e-mail: banifacyj@mail.ru

«ЛІТОЎСКИ СЕПАРАТЫСТ» КАНСТАНЦІН КАЛІНОЎСКИ

Пытанне аб дзяржаўнасці беларуска-літоўскіх зямель набыло ў 1861–1864 гг. новае грамадскае гучанне: з кім ім быць – з Расіяй, Польшчай або «ні з кім». Лозунг барацьбы за дзяржаўную самастойнасць Літвы і Беларусі на аснове гістарычнай традыцыі Вялікага Княства Літоўскага і патрабаванне свабоднага нацыянальнага-культурнага развіцця яго народаў, сфармуляваныя К. Каліноўскім у час паўстання 1863 г., далі падставу шмат каму з сучаснікаў трактаваць яго палітычную пазіцыю як сепаратысцкую. У сепаратызме адносна Польшчы яго абвінавачвалі дзеячы Варшаўскага Цэнтральнага Нацыянальнага Камітэта Я. Гейштар, О. Авейдэ, Ю. Яноўскі. Пра федэралісцкія і сепаратысцкія тэндэнцыі К. Каліноўскага пісалі першыя даследчыкі паўстання і яго ўдзельнікі В. Пшыбароўскі і Б. Ліманоўскі. Яго сепаратысцкае крэда настойліва падкрэсліваў афіцыйны гістарыёграф паўстання В.Ф. Ратч. Публіцыстычная спадчына самога К. Каліноўскага сведчыць, што ён выступаў абаронцам інтарэсаў гістарычнай Літвы і яе народаў. Наяўнасць у яго праграме патрабавання незалежнай літоўска-беларускай дзяржавы прызнаюць даследчыкі паўстання У. Ігнатоўскі, А.П. Смірноў, Г. Кісялёў і інш.

Уводзіны

Абуджэнне ў Беларусі навуковай і грамадскай цікавасці да паўстання 1863 г. і постаці К. Каліноўскага – з’ява нашага часу [1–8]. Навуковыя мерапрыемствы і публікацыі з нагоды 150-годдзя паўстання засведчылі, што пытанне аб дзяржаўна-палітычных поглядах яго кіраўніка ў Беларусі і Літве па-ранейшаму хвалюе вучоных і выклікае дыскусіі. Разам з тым стала відавочнай нераспрацаванасць праблемы паўстання ў Беларусі ў айчыннай гістарыяграфіі [5, с. 115]. Грунтоўнай працы, якая асвятляла б палітычныя ідэалы К. Каліноўскага з улікам сучаснага стану ведаў, крыніцавай базы і метадалогіі, пакуль няма.

Мэта артыкула – абгрунтаваць наяўнасць у праграме К. Каліноўскага лозунга барацьбы за дзяржаўную самастойнасць Літвы і Беларусі на аснове гістарычнай традыцыі ВКЛ. Задача працы – на фоне новага грамадскага гучання, якое набыло ў 1861–1864 гг. пытанне аб дзяржаўнасці беларуска-літоўскіх зямель, паказаць трактоўку палітычнай пазіцыі К. Каліноўскага як сепаратысцкай людзьмі, што былі да яго блізкімі і ведалі яго асабіста, хоць і прадстаўлялі ўрадавы лагер, і даследчыкамі.

Пры рэалізацыі пастаўленай мэты аўтар абапіраўся на працы класікаў гістарыяграфіі паўстання, якія звярталіся да постаці К. Каліноўскага і пытання аб яго ідэалогіі: дарэвалюцыйнай (В. Ратч [9]), савецкай (У. Ігнатоўскі [10], А. П. Смірноў [11–13], В. Шалькевіч [14]), замежнай (А.І. Ляскоўскі [15], Д. Файнгауз [16], С. Ланец [17; 18]), сучаснай беларускай (М. Біч [19], Г. Кісялёў [20]). Навуковай уважанасцю характарызуюцца трактоўкі цяперашняга пакалення спецыялістаў па паўстанні (А.Р. Радзюк [1, с. 208–223; 2, с. 133–173; 4, с. 27–34], Д.Ч. Матвейчык [5; 6], А. М. Філатава [2, с. 8–14; 5; 21, с. 196–226; 22, с. 103–135], А.Э. Фірыновіч [1, с. 384–396]).

Апублікаваныя і архіўныя крыніцы, пакладзеныя ў аснову дадзенага артыкула, прадстаўлены публіцыстычнай спадчынай самога К. Каліноўскага [20; 23], судова-следчымі матэрыяламі па справах паўстанцаў, паказаннямі паплечнікаў [20, с. 129–146; 24–27; 28, с. 245–250], паўстанцкай публіцыстыкай, апублікаванай у падпольнай прэсе («Gazeta Polska», «Chorągiew swobody»; «Głos z Litwy», «Niepodległość» і інш. [20, с. 49–76; 29, с. 140–146; 30]), успамінамі і першымі гістарычнымі нарысамі аб паўстанні людзей, блізкіх да асобы яго кіраўніка (О. Авейдэ [20, с. 174–178; 31], Я. Гейштара [20, с. 154–158,

186–187, 205–206], Е. Курчэўскага-Порай [20, с. 171–174]) і іншымі сучаснымі паўстанню і аўтэнтчнымі матэрыяламі («Сведения» В. Ратча [9; 20, с. 150–154], «Гісторыя» Пшыбароўскага [20, с. 163–166]).

Пытанне аб дзяржаўнасці беларуска-літоўскіх зямель у 1861–1864 гг.

Падзеі 1861–1864 гг. на абшарах былой Рэчы Паспалітай актуалізавалі пытанне аб дзяржаўнасці беларуска-літоўскіх зямель. Карэспандэнцыя з Вільні, апублікаваная 10 лістапада 1863 г. у варшаўскай газеце «*Nierpodległość*», сфармулявала наступнае палажэнне: «Дзяржавы, якія не маюць традыцыі, гістарычных правоў і мінулага, абавязаны сваім часовым існаваннем збегу палітычных абставін... з’яўляюцца і знікаюць, не пакідаючы ніякіх слядоў у гістарычным развіцці чалавецтва. Але народ, які нясе на сваіх плячах цяжар дзесяцівяковай мінуўшчыны, хоць часова раскрыжаваны гістарычнымі нягодамі, тым не менш не перастае жыць і мае права на існаванне, чарпанае са сваёй традыцыі і месца ў гістарычнай цывілізацыі» [30, л. 40]. Чалавекам, які «першы ўзняў крышку дамавіны, у якую Літва 70 гадоў таму была пакладзена», хоць і заплаціў за гэта сваім жыццём, газета назвала кіраўніка паўстанцкага атрада Людвіка Нарбута [30, л. 40адв.]. Аўтар карэспандэнцыі лічыў патрэбным «даказаць Еўропе, што яе бяспека і гарантыя спакойнага развіцця цывілізацыі ляжыць над Віслай і Нёманам» [30, л. 40].

У адрозненне ад папярэдняга паўстання, у якім, на думку А.М. Філатавай, дамінавалі настроі на далучэнне беларуска-літоўскіх зямель да Польшчы [2, с. 14], пытанне аб іх дзяржаўнасці набыло ў 1861–1864 гг. новае грамадскае гучанне. «Быць Літве, Беларусі і Украіне з кім яны хочучь або ні з кім, абы толькі волю іх ведаць – не падрабную, а сапраўдную», – выступіў восенню 1862 г. у абарону права краінам самім вырашаць свой лёс вядомы рускі дэмакрат А.І. Герцэн [32, с. 446]. Пытанне, з кім ім быць: з Расіяй або Польшчай або застацца па-за іх межамі («ні з кім») – востра паўстала тады ў грамадска-палітычнай думцы, абмяркоўвалася на старонках друку.

Частка беларуска-літоўскага дваранства ў пачатку 1860-х гг. прадпрымала крокі, каб перахапіць уладу ў краі ў свае рукі і фактычна ўзнавіць аўтаномію ВКЛ мірным шляхам. Прадвядзіцель дваранства Гродзенскай губерні граф В. Старжынскі, як канстатаваў у сваіх успамінах віленскі генерал-губернатар М. Мураўёў, «падаваў... праекты ўваскрэшэння Літвы, адзеленай ад Расіі», міністру ўнутраных спраў П. Валугеву, ваеннаму міністру Д. Мілюціну, міністру замежных спраў А. Гарчакову [7 с. 65; 21, с. 221], неаднаразова «чытаў... свае праекты» самому імператару. Арыштаваны па загадзе М. Мураўёва, граф даваў паказанні, што «аб палітычным сэнсе адарвання Літвы ад Імперыі і не думаў» [25, л. 13], як і не падзяляў «жадання адміністрацыйнага далучэння Літвы да Царства Польскага» [25, л. 9адв.]. У лісце з Рэчыцы ад 17 лютага 1862 г., знойдзеным пры вобыску ў аднаго з лідараў беларускага дваранства ліберала А. Аскеркі, адрасат пытаўся: «Што ж там у Вас адбываецца, мой Аляксандр, нейкія партыі ўтварыліся, якія хочучь мець асобную Літву» [26, л. 62].

Як адзначаў у запісцы для следства адзін з кіраўнікоў паўстання 1863 г. О. Авейдэ, «самыя найгалоўныя правінцыі Польшчы, якія даюць ёй уласна дзяржаўнае значэнне і вагу, – Літва з Беларуссю і Маларосія – або прама і адкрыта заявілі аб сваім нежаданні складаць неадлучную частку Польшчы (як Маларосія), або былі рашуча аб’якавыя да імкненняў польска-самастойных» [31, с. 97].

У гэтым кантэксце зусім лагічнай з’яўляецца пазіцыя, якую займаў К. Каліноўскі ў пытанні ўзаемаадносін з Польшчай і будучага лёсу гістарычнай Літвы (Беларусі і Літвы, былога ВКЛ), адлюстраваная ў сведчаннях яго сучаснікаў.

Федэралісцкая і сепаратысцкая пазіцыі К. Каліноўскага вачамі блізкіх да яго людзей – удзельнікаў, кіраўнікоў і першых даследчыкаў паўстання

Адзін з найбольш аўтарытэтных кіраўнікоў партыі «белых» у Літве і Беларусі Я. Гейштар, які добра ведаў К. Каліноўскага асабіста і, хоць быў яго ідэйным праціўнікам, працаваў разам з ім, у мемуарах характарызаваў Каліноўскага як чалавека, які «адданы быў душой і сэрцам народу і айчыне» і падумваў аб самастойнасці Літвы [23, с. 166]. Я. Гейштар асуджаў К. Каліноўскага за сепаратызм, бо распачатая тым «палеміка ў час барацьбы пра межы Літвы і Польшчы» падрывала адзінства сіл у паўстанні [20, с. 154, 156]. Крайнасць сацыяльнай праграмы і сепаратысцкія тэндэнцыі адносна Польшчы – гэтыя дзве рысы адзначаў Я. Гейштар у К. Каліноўскага, і яны абедзве яму не падабаліся.

Па ўспамінах сакратара Цэнтральнага Нацыянальнага Камітэта (ЦНК) Ю. Яноўскага, К. Каліноўскі «сувязь Літвы з Польшчай разумеў толькі як федэратыўную – з поўнай незалежнасцю Літвы» [20, с. 161]. В. Пшыбароўскі, які займаў адказныя пасады ў паўстанцкіх структурах Варшавы (у тым ліку сакратара Літвы), у сваёй «Гісторыі двух гадоў» пісаў, што К. Каліноўскі ўзяў у Герцэна яго палітычную праграму, грунтаваную на ідэі, што «славянскія землі... павінны ўтварыць федэрацыю незалежных дзяржаў», і «ва ўсёй яе паўнаце стасаваў да Літвы» [20, с. 165]. Кіраўнік паўстання, па словах В. Пшыбароўскага, лічыў, што «Літва павінна разам з Польшчай дабівацца незалежнасці, змагацца за пазбаўленне ад чужога захопніка, але складаць асобную адзінку, зусім незалежную ад Польшчы і звязаную з ёй толькі федэратыўнымі сувязямі... У паўстанні бачыў ён найперш незалежнасць Літвы, а пасля сацыяльную рэвалюцыю» [20, с. 165–166]. Прынцып аднаўлення Польшчы тады не супярэчыў імкненню народаў былога ВКЛ да ўласнай дзяржаўнасці.

Прыхільнік адраджэння Рэчы Паспалітай у ранейшых межах з роўнасцю ўсіх яе народаў ураджэнец Віцебскай губерні Б. Ліманоўскі ў сваёй «Гісторыі паўстання» (створана каля 1880 г.) пісаў пра К. Каліноўскага, што той «раўніва пільнаваўся поўнай роўнасці і самастойнасці Літвы», хоць і лічыў унію з Польшчай гістарычнай неабходнасцю [20, с. 161–162]. Гэта, праўда, прычыць звесткам В.Ф. Ратча, з якіх вынікае, што К. Каліноўскі даволі скептычна ставіўся да аднаўлення ўніі з Польшчай.

В.Ф. Ратч пра сепаратысцкае крэда К. Каліноўскага

У Літоўскім правінцыйным камітэце (ЛПК), як сведчыў афіцыйны гістарыёграф паўстання В.Ф. Ратч, які меў доступ да ўсіх матэрыялаў следства па справах удзельнікаў паўстання, спачатку ніхто не звяртаў увагі на спосаб вырашэння нацыянальна-дзяржаўнага пытання, ды і разумелі яго «цёмна». З. Серакоўскі, Ф. Далёўскі, Л. Звяждоўскі настойвалі на праекце канфедэратыўнай Рэчы Паспалітай «з нацыянальным прадстаўніцтвам Літвы» [20, с. 152, 153]. К. Каліноўскі разыходзіўся з імі ў поглядах, хоць мэта ва ўсіх была адна – незалежнасць Айчыны. Ён, калі стаў на чале «самых славалюбівых асоб з чырвоных ліцвінаў, настойліва праводзіў ідэю самастойнасці Літвы» [9, с. 184]. К. Каліноўскі, па словах В. Ф. Ратча, «зусім не быў схільны працаваць дзеля Польшчы і... бачыць Літву ўцягнутай у той жа вір» шляхетных традыцый уваскросанага старажытнага магнатства, «з нацяжкай прыстасаваных да XIX ст.» [20, с. 152–153]. Ён «асцерагаўся таго зліцця з Польшчай, пры якім потым ад яе нельга было б і адчапіцца» [20, с. 153]; «стаяў уважлівым вартаўніком інтарэсаў Літвы і адстойваў, каб сродкі і сілы Літвы зусім не ішлі на справы Царства Польскага» [19, с. 154]. Сваім калегам па Камітэце К. Каліноўскі гаварыў, што «Літва... павінна скарыстацца разладам паміж Расіяй і Польшчай і зрабіцца самастойнай» [20, с. 154]. Сваімі ідэямі ён «да таго захапіў усіх ліцвінаў», што ўжо ў 1862 г. Л. Звяждоўскі, яго асабліва моцны ідэйны праціўнік, «быў рэўнасным абаронцам самастойнай Літвы» [20 с. 153].

Па меркаванні В.Ф. Ратча, К. Каліноўскі жадаў цалкам пазбавіцца ад варшаўскай апекі, і па вырабе асобнай пячаткі для ЛПК «варшаўскі жонд павінен быў за подпісам,

выражаным штэмпелем новай устаноўленай улады, атрымаць паведамленне, што Літва і Беларусь – самастойная дзяржава» [9, с. 231]. У аснове ўзаемаадносін паміж віленскімі і варшаўскімі канспіратарамі ляжала нежаданне падпарадкаваць паўстанне ў Беларусі і Літве інтарэсам Варшавы, якая ў недастатковай ступені паважала іх суверэнітэт. Таму ў ЛПК быў моцны недавер да ЦНК, які абвінавачвалі ў няведанні ўмоў і патрэб Літвы. Сепаратысцкае крэда К. Каліноўскага выражалася ў пастулаце: «Такой дурной галаве, як Варшава, нельга давяраць будучы лёс Літвы» [9, с. 181]. Стаўшы гаспадаром становішча ў ЛПК пасля ад'езду Л. Звяждоўскага ў Маскву, ён «з нязгаснай энергіяй спрачаўся з «бязглуздымі варшаўскімі галоўамі» аб поўнай аўтаноміі Літвы» [23, с. 193–194].

Устрыожаны дзеяннямі гэтага «ліцвіна-сепаратыста», яго «спрэчкай аб нацыянальнасцях» [23, с. 196] аж да намеру разарваць усялякія адносіны з Польшчай, ЦНК, як сведчыць В.Ф. Ратч, камандзіраваў у Вільню аднаго са сваіх найбольш дзейных і здольных сяброў О. Авейдэ з рэпутацыяй заслужанага рэвалюцыянера, змоўшчыка, а да таго ж універсітэцкага таварыша «новага літоўскага дыктатара». О. Авейдэ «было даручана ўламаць Каліноўскага, угаварыць яго любоўю да польскай Айчыны, аб якой самазванец-дыктатар Літвы і Беларусі рашуча ведаць не хацеў» [9, с. 233]. Авейдэ сведчыў, што «недавер да Варшавы быў вельмі моцным у ліцвінаў» [13, с. 79].

В.Ф. Ратч, між іншым, сцвярджае, што сярод віленскіх гараджан і па Жмудзі доўгі час хадзілі чуткі, што ў Вільні пражывае «круль Літвы», які хоча «адхіліцца ад палякаў» і завесці «сваё ўласнае крулеўства» [33, с. 232]. У літаратуры можна сустрэць вызначэнне К. Каліноўскага як «апошняга караля Літвы» [8, с. 5].

Абарона інтарэсаў Беларусі і Літвы ў публіцыстыцы К. Каліноўскага

К. Каліноўскі трактаваў Літву і Беларусь як гістарычную і культурную цэласнасць. Для яго гэта быў адзіны рэгіён і ў палітычным сэнсе, са сваёй эканамічнай і нацыянальнай спецыфікай. Ён, хоць і не адмаўляў выпрацаванага гісторыяй спачування Літвы да Польшчы і ўзмоцненага царскай палітыкай нацыянальнага заняволення, але выказаўся за ўтварэнне самастойнага ўрада для свайго краю – «самарондства». Жаданне самастойнасці гістарычнай Літвы ў федэрацыі з Польшчай разам з разыходжаннем па арганізацыйных пытаннях і спосабах вядзення барацьбы выявілася ў канфлікце Віленскага паўстанцкага цэнтра з варшаўскім ЦНК, у цвёрдасці і рашучасці, з якой ЛПК дамагаўся раўнапраўя ва ўзаемаадносінах з Варшавай.

У Глуначальнай запісцы следству ад 28 студзеня 1864 г. кіраўнік паўстання адхіляў прад'яўленае яму абвінавачанне ў жаданні разрыву дзяржаўнай сувязі з Расіяй. Ён указаў, што пытанне дзяржаўнага ўладкавання залежыць ад больш важнага пытання – забеспячэння народнага шчасця. У той жа час ён аб'явіў сябе ворагам парадкаў, якія пазбавілі беларускі і літоўскі народы дзяржаўнасці і элементарных умоў для развіцця культуры [13, с. 179]. Ён прадказваў, што «пакуль урад не набудзе спачування ў сапраўды адукаваным класе тутэйшага насельніцтва», умацаванне пазіцыі Расіі ў Літве немагчымае [20, с. 145]. У гэтай запісцы ён выступаў абаронцам інтарэсаў гістарычнай Літвы і яе народаў. У «Лісце з-пад шыбеніцы» К. Каліноўскі таксама адстойваў права беларускага і літоўскага народаў на бесперашкоднае нацыянальнае развіццё. Ён асуджаў, што ў школах пры царскай уладзе «ніколі не пачуеш і слова па-польску, па-літоўску, да і па-беларуску, як народ таго хоча» [20, с. 43]. Паказальным у гэтым сэнсе з'яўляецца абнародаванне некаторых паўстанцкіх дакументаў на беларускай мове.

Адзін з кіраўнікоў паўстання ў Літве Антанас Мацкявічус з няволі звярнуўся да ўлад з просьбай перадаць цару наступныя патрабаванні: «Дайце Літве закон, дайце намесніцтва, няхай які з князёў паселіцца ў Вільні, а ў той жа час спытайце – ці жадае быць з Расіяй ці з Польшчай? Прымусам нічога не зробіце. Заўсёды будуць трыожыць, заўсёды будуць паўставаць. Вось мае апошнія жаданні і прапановы» [12, с. 323].

Гэта яшчэ адзін, так сказаць, «ліст з-пад шыбеніцы», які сведчыць, што нешматлікая яшчэ тады дэмакратычная інтэлігенцыя Літвы і Беларусі не разглядала паўстанне як справу «чыста польскую»: «Літва паўстала разам з Польшчай, каб дамагчыся незалежнасці» [12, с. 328]. Паўстанец Э. Даўкшыс заявіў следчай камісіі, што ён прытрымліваецца перакананняў не польскіх, а «літоўска-славянскіх» [28, с. 246].

З боку прыхільнікаў «звароту гістарычных межаў Польшчы» адказам на падобныя настроі ў Беларусі і Літве было выданне брашуры «Голас літоўца», у якой рэзка асуджаліся «ўсякія тэорыі аб самастойнай дзяржаўнасці Літвы і Русі» [11, с. 116].

Слова гісторыкам паўстання

У трактоўцы У. Ігнатоўскага, які першы ў беларускай гістарыяграфіі прысвяціў паўстанню манаграфію (1930 г.), «чырвоныя» Беларусі і Літвы прымалі агульнае кіраўніцтва Варшавы і прызнавалі неабходнасць палітычнай сувязі з будучай адроджанай Польшчай, але былі незадаволены тэорыяй і асабліва практыкай варшаўскага ЦНК у нацыянальным пытанні. Яны не аднойчы ўздымалі пытанне аб нейкіх пэўных формах палітычнай незалежнасці нацыянальных тэрыторый і, калі Варшава забывала пра свае дэкларацыі, рашуча напаміналі ёй аб сваіх «сепаратыстычных» тэндэнцыях. За гэта былі абвінавачаны палякамі-паўстанцамі ў сепаратызме [10, с. 2–3]. «Робячы паўстанне разам з Польшчай проці царскай Расіі, – пісаў гісторык пра К. Каліноўскага, – ён разам з тым быў “сэпаратыстам” і ў адносінах да Польшчы». Гэты «сэпаратызм», на думку У. Ігнатоўскага, магчыма, пераважліва некаторымі аўтарамі – прыхільнікамі «адзінай і непадзельнай» Польшчы. Дакладна вызначыць яго цяжка, бо ён нідзе выразна не сфармуляваны. «Трэба думаць, што “незалежнасць” К. Каліноўскага вымагала асаблівага віду аўтаноміі для Беларусі ў федэрацыйнай Рэчы Паспалітай Польскай» [10, с. 220–221].

І.Н. Лушчыцкі, аўтар нарысаў па гісторыі грамадска-палітычнай думкі Беларусі другой паловы XIX ст., прызнаваў наяўнасць у праграме «чырвоных» патрабавання незалежнай, нацыянальнай літоўска-беларускай дзяржавы, але лічыў яго рэакцыйным, бо гэта азначала адрыў Літвы і Беларусі ад Расіі [33].

Як пісаў А.П. Смірноў, які ў 1960-я гг. прызнаў і станоўча ацаніў пастаноўку К. Каліноўскім пытання аб утварэнні самастойнай Літоўска-Беларускай рэспублікі [22, с. 126], «гісторыя вызваленчага руху ведае шмат прыкладаў, калі папрокі ў сепаратызме, развале дзяржавы, расколе кідаліся рэвалюцыйным дзеячам, якія стойка і паслядоўна адстойвалі інтарэсы прыгнечаных нацый» [12, с. 126]. З другога боку, на думку гісторыка, прадстаўнікі лагера «белых», ЦНК, разглядаючы беларускія і літоўскія землі як частку Польшчы, аб’явілі К. Каліноўскага, які адстойваў інтарэсы беларускага і літоўскага народаў, сепаратыстам, што падпаў пад уплыў рускіх дэмакратаў і пачарпнуў ад іх ідэі, шкодныя польскай справе [13, с. 6]. Для гарантыі нацыянальных правоў гэтых народаў, паводле А.П. Смірнова, К. Каліноўскі патрабаваў ад ЦНК дакладнага вызначэння статусу Літвы. Незадаволены няпэўнымі абяцанкамі федэрацыі, ён адстойваў яе права самой свабодна вызначыць уласны лёс [13, с. 79].

Айчынныя даследчыкі прызнаюць, што беларускі нацыянальны рух у час паўстання ўзняўся на якасна новы ўзровень, бо ў ім нарадзіўся палітычны кампанент – ідэя дзяржаўнай самастойнасці Літвы і Беларусі, і з гэтага часу беларускія, ліцвінскія патрабаванні адасабляюцца з польскага вызваленчага кантэксту. А. Каўка вылучыў у беларускім вызваленчым руху паводле крытэрыю яго самаўсведамлення, арганізаванасці і якаснай эвалюцыі два этапы: пачаткова-падсвядомы рух «у сабе» пераважна ў межах польскага нацыянальна-вызваленчага працэсу (1794–1863 гг.) і рух «для сябе» са свядомай пастаноўкай уласна беларускіх нацыянальных задач і канчатковай мэты – адраджэння беларускай дзяржаўнасці (1863–1918 гг.). К. Каліноўскага даследчык называе

першым беларускім палітычным дзеячам новага часу, які ставіць, хай спачатку недастаткова выразна і паслядоўна, уласна беларускія («літоўскія») патрабаванні ў агульнапольскім нацыянальным руху, уключна з ідэяй самастойнасці Літвы-Беларусі ў дэмакратычным саюзе з Польшчай і Расіяй [34, с. 5–6].

Акадэмічная «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» канстатуе, што «ў час паўстання сярод яго кіраўніцтва дамінавалі ідэі і традыцыі гістарычнай дзяржаўнасці ВКЛ» і што пры вырашэнні тэрытарыяльнага пытання паўстанцы, магчыма, кіраваліся крытэрыем гістарычнай суверэннасці ВКЛ [21, с. 224].

Вядомыя польскія даследчыкі паўстання С. Кеневіч і Д. Файнхаўз, а таксама Р. Радзік, якія адмаўляюць намер К. Каліноўскага разарваць з Царствам Польскім, разам з тым прызнаюць факт дамаганняў ЛПК да самастойнага кіравання паўстаннем на сваёй тэрыторыі і яго намер у выніку поспеху вярнуць Літве палітычную адасобленасць у адносінах да Кароны [4, с. 46].

Як падкрэсліў А. Станкевіч, К. Каліноўскі «ўваскрасіў дзяржаўніцкую федэрацыйную ідэю зямель быўшага ВКЛ», якая «замёрла разам зь вялікім Львом Сапегам» [3, с. 153]. Сфарміраваныя пад моцным уплывам рускіх рэвалюцыйных дэмакратаў ідэі К. Каліноўскага прама або апасродкавана аказалі ўплыў на далейшае развіццё беларускай палітычнай думкі. Яго план стварэння Беларуска-Літоўскай дэмакратычнай дзяржавы – законнай спадчынніцы традыцый ВКЛ – перанялі і развілі мысліцелі і палітыкі першай чвэрці XX ст. К. Каліноўскі з аднадумцамі сталі важным звяном у ланцугу палітычна-гістарычнай сувязі былога ВКЛ з пазнейшай беларускай нацыянальна-палітычнай традыцыяй.

Заклучэнне

Вызваленчы рух 1863 г. у Беларусі і Літве нельга разглядаць як другарадны эпізод барацьбы за «гістарычную» Польшчу. Змаганне за аднаўленне Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. не супярэчыла імкненню беларусаў і літоўцаў да аднаўлення ўласнай дзяржаўнасці на аснове гістарычнай традыцыі ВКЛ. Таму дзеянні К. Каліноўскага пры ўсім яго «літоўскім сепаратызме» не трэба ўспрымаць як спробу разарваць адносіны з Царствам Польскім і ідэяй барацьбы за вяртанне Рэчы Паспалітай.

«Літоўскі сепаратызм» К. Каліноўскага выявіўся ў жаданні і патрабаванні гарантый свабоднага развіцця народаў былога ВКЛ. Наяўнасць у яго праграме лозунга барацьбы за дзяржаўную самастойнасць Літвы і Беларусі пацвярджаецца яго сучаснікамі. Паплечнікі К. Каліноўскага, які не згаджаўся падпарадкаваць паўстанне ў Літве і Беларусі інтарэсам Варшавы, – дзеячы варшаўскага ЦНК (Я. Гейштар, О. Авейдэ, Ю. Яноўскі), для якіх Літва і Беларусь былі толькі часткай гістарычнай Рэчы Паспалітай, кінулі яму абвінавачванне ў сепаратызме адносна Польшчы. Аналагічна прадстаўнікі царскай адміністрацыі абвінавачвалі яго ў жаданні адарваць Літву і Беларусь ад Расіі. Гісторыкі, блізкія па часе і часта да асобы К. Каліноўскага (В.Ф. Ратч, В. Пшыбароўскі, Б. Ліманоўскі і інш.), таксама сцвярджаюць, што ён жадаў бачыць Беларусь і Літву незалежнай дзяржавай, злучанай з Польшчай толькі саюзным дагаворам і палітычнай дружбай. Такім чынам, сучаснікі, якія ведалі К. Каліноўскага і былі да яго блізкія, – людзі процілеглых поглядаў і з розных лагераў – сыходзяцца ў сцвярджанні, што ён адстойваў незалежнасць гістарычнай Літвы. Характарыстыка яго пазіцыі як «сепаратызм» трывала засталася на старонках іх твораў. У святле прыведзеных фактаў сепаратысцкія памкненні К. Каліноўскага не выглядаюць такімі ўяўнымі і няпэўнымі, якімі іх часам лічаць.

У праграме К. Каліноўскага гістарычная навука прызнае наяўнасць лозунга барацьбы за дзяржаўную самастойнасць Літвы і Беларусі на аснове гістарычнай традыцыі ВКЛ (У.М. Ігнатоўскі, І.Н. Лушчыцкі, А.П. Смірноў, Г. Кісялёў, аўтары прац «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.», «На шляху станаўлен-

ня беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы» і інш.). Сумненні наконт выстаўлення ім патрабавання палітычнай самастойнасці Літвы і Беларусі выказваюцца аўтарамі, якія, як правіла, спецыялістамі па паўстанні 1863 г. і біяграфіі К. Каліноўскага не з'яўляюцца.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць : зб. навук. арт. / уклад.: В. В. Яноўская, А. У. Унучак, А. Э. Фірыновіч ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 427 с.
2. Паўстанне 1863–1864 гг. і лёсы Беларусі : зб. арт. / гал. рэд. В. Булгакаў. – Мінск : Рэд. часопіса «Архэ-Пачатак», 2010. – 316 с.
3. Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі. – Мінск : Беларус. гіст. т-ва, 2011. – 220 с.
4. Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Лондан, 27–29 сак. 2014 г. / пад рэд. А. Смаленчука і Д. Дынглі. – Мінск : Зміцер Колас, 2015. – 180 с.
5. Матвейчык, Д. Ч. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі : нарыс баявых дзеянняў / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск : Медысонт, 2013. – 122 с.
6. Матвейчык, Д. Ч. Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў : біягр. слоўн. (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск : Беларусь, 2016. – 735 с.
7. Мураўёў, М. Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту / М. Мураўёў. – Мінск : Лімарыус, 2016. – 224 с.
8. Янушкевіч, Я. «Тварам да шыбеніцы». Кастусь Каліноўскі і паўстанне 1863–1864 гадоў у беларускай і летувіскай паэзіі : анталогія / Я. Янушкевіч. – Ракаў, 2013. – 182 с.
9. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России / собрал В. Ратч. – Вильно, 1867. – Т. 1. – 675 с.
10. Ігнатоўскі, У. 1863 год на Беларусі : нарыс падзей / У. Ігнатоўскі. – Мінск, 1930. – 276 с.
11. Смірноў, А. П. Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года / А. П. Смірноў. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1959. – 192 с.
12. Смирнов, А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии / А. Ф. Смирнов. – М. : АН СССР, 1963. – 392 с.
13. Смирнов, А. Ф. Кастусь Калиновский / А. Ф. Смирнов. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 200 с.
14. Шалькевич, В. Ф. Кастусь Калиновский. Страницы биографии / В. Ф. Шалькевич. – Минск : Университетское, 1988. – 239 с.
15. Лясковский, А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам) / А. И. Лясковский. – Берлин : Архамась, 1939. – 191 с.
16. Fajnhauz, D. 1863: Litwa i Białoruś / D. Fajnhauz. – Warszawa : Neriton, 1999. – 357 s.
17. Laniec, S. Litwa i Białoruś w dobie konspiracji i powstania zbrojnego (1861–1864) / S. Laniec. – Olsztyn : Ośrodek Badań Naukowych im. W. Ketrzyńskiego, 2002. – 196 s.
18. Laniec, S. Powstanie styczniowe na Litwie / S. Laniec. – Olsztyn : Instytut Historii Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2000. – 172 s.
19. Біч, М. Паўстанне 1863–1864 гг. у Беларусі / М. Біч // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / М. Біч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 2005. – 519 с.

20. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць : творы, дакументы / К. Каліноўскі ; уклад, прадм., паслясл., камент. Г. Кісялёва. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1999. – 464 с.
21. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
22. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 311 с.
23. Калиновский, К. Из печатного и рукописного наследия / К. Калиновский. – Минск : Беларусь, 1988. – 208 с.
24. По показанию студента Гажица и других насчет учрежденных между студентами обществ из Русских, Немцев, Поляков и Малороссиян. 1863 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 109. I экспедиция. 1863 г. Спр. 23. Ч. 313.
25. Дело Временного полевого аудиториата Виленского военного округа о помещике графе Викторе Старжинском. 27 июня – ... ноября 1863 г. // Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы (ДГАЛ). – Ф. 1248. Оп. 1. Д. 1.
26. О помещике Виленской губернии, Вилейского уезда, отставном поручике Александре Оскерко, осужденном за сношение с мятежниками. 20 февраля – ... марта 1864 г. // ДГАЛ. – Ф. 1248. Оп. 2. Д. 226. Т. I.
27. Следча-судовая справа Кастуся Каліноўскага / уклад. З. Кузменка. – Мінск : Галіяф, 2014. – 142 с.
28. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. Материалы и документы / гл. ред.: С. Кеневич [и др.]. – М. : Наука, 1965. – 588 с.
29. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. Документы и материалы. – М. : Наука, 1964. – LXXII с. ; 708 с.
30. Материалы польского восстания 1863 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 484. Оп. 2. Д. 659.
31. Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейдэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 663 с.
32. Русско-польские революционные связи. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I. – СХХII с. ; 583 с.
33. Лушчыцкі, І. Н. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX в. / І. Н. Лушчыцкі. – Мінск : Выд-ва БДУ імя В. І. Леніна, 1958. – 367 с.
34. Каўка, А. Беларускі вызваленчы рух / А. Каўка // Спадчына. – 1991. – № 5. – С. 5–10.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.04.2017

Marozau S.P. «Lithuanian Separatist» Kanstantsin Kalinouski

The question of the statehood of Belarusian-Lithuanian lands acquired in 1861–1864 new public response: with whom to be – with Russia, Poland or with «no one». The slogan of the struggle for state independence of Lithuania and Belarus on the basis of historical tradition of Grand Duchy of Lithuania and the requirement of free national and cultural development of its peoples, put by K. Kalinovsky in the revolt of 1863, provided the basis for many of his contemporaries to interpret his political position as separatism. The leaders of the Warsaw Central National Committee Ya. Geyshtar, O. Aveyde, Yu. Yanovsky accused him in the separatism regarding Poland. The first historians of the uprising and its participants V. Pshybarovski B. and B. Limanowski wrote about federalist and separatist tendencies of K. Kalinouski. The official historian of the revolt V.F. Ratch strongly emphasized his separatist credo. Journalistic heritage of K. Kalinowski shows that he acted as a defender of the interests of historical Lithuania and its peoples. Researchers of the revolt (V. Ignatovskiy, A.P. Smirnov, G. Kiselev etc.) recognized the presence in his program of the requirement of independent Lithuanian-Belarusian state.

УДК94(47).072

А.В. Хованский

аспирант 2 года обучения кафедры истории Беларуси,
археологии и специальных исторических дисциплин
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: howa@list.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В 1811–1864 гг.

Анализируется создание, организация и порядок управления подразделениями внутренней стражи на белорусских землях в 1811–1864 гг. Характеризуется и анализируется штатно-должностная структура, порядок комплектования, функциональные обязанности должностных лиц внутренней стражи. Выявлены роль и значение ее в системе обеспечения региональной и общественной безопасности Российской империи, влияние на обороноспособность государства. Особое внимание уделено характеру и порядку взаимоотношений руководства внутренней стражи с военным министерством и губернским начальством, их влияния на деятельность подразделения. Выявлены общие черты с внутрироссийскими губерниями и особенности формирования и деятельности внутренней стражи на территории Беларуси в 1811–1864 гг. Раскрыты факторы, негативно сказывавшиеся на эффективности руководства подразделениями Отдельного корпуса внутренней стражи.

Введение

Создание в Российской империи внутренней стражи в первой четверти XIX в. необходимо рассматривать с позиций процесса общего реформирования всей государственной системы управления и вооруженных сил, происходившего в период правления императора Александра I. Именно накануне наполеоновского вторжения было решено сформировать внутреннюю стражу. Слово «стража» связано со значением «сторожить, стеречь, караулить, охранять», а словосочетание «внутренняя стража» близко по смыслу словам «гарнизон», «милиция». Необходимость создания внутренней стражи была вызвана рядом обстоятельств, обусловленных внешней угрозой и напряженным положением внутри империи, а также необходимостью реорганизовать внутреннюю службу на региональном уровне, укрепить и пополнить за счет гарнизонных подразделений полевую армию, создать надежную военно-охранительную систему внутри страны. Белорусские земли, войдя в состав Российской империи, занимали важное геополитическое и стратегическое значение в системе обороноспособности Российской империи, именно здесь размещались наиболее крупные гарнизоны и дислоцировался внушительный воинский контингент, ставшие основой формирования первых подразделений внутренней стражи.

Проблемы формирования и деятельности внутренней стражи на белорусских землях в исторической науке не получили специального освещения. В работах, посвященных военной истории Российской империи, сведения о деятельности внутренней стражи весьма кратки и, как правило, приводятся в контексте рассмотрения других вопросов. Так, данные об участии военнослужащих Гродненского батальона внутренней стражи в франко-русской войне 1812 г. содержатся в работе [1]. Здесь участие в войне военнослужащих внутренней стражи рассматривается фрагментарно, в контексте ведения оборонительных боев всех подразделений российской армии.

Научный руководитель – С.А. Пивоварчик, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Обобщенные сведения о создании внутренней стражи и ее руководстве содержатся в первом томе издания «Столетие Военного министерства 1802–1902 гг.» [2].

Информацию, содержащую персональные данные о должностных лицах внутренней стражи, структуре и численности, можно найти в мемуарах инспектора внутренней стражи генерал-лейтенанта Е.Ф. Комаровского [3]. Несмотря на субъективизм приведенных здесь суждений и интерпретаций, в книге есть много ценных наблюдений автора как непосредственного участника тех событий. Важными источниками по теме статьи являются законодательные акты Российской империи [4] и Военная энциклопедия [5], позволяющие правильно использовать понятийный аппарат и соблюдать принцип историзма. Богатый материал о деятельности подразделений внутренней стражи на белорусских землях содержится в Национальном историческом архиве в г. Гродно.

Цель данной статьи – выявить особенности функционирования управления подразделениями внутренней стражи на современной территории Беларуси в 1811–1864 гг.

Управление подразделениями внутренней стражи на белорусских землях в 1811–1864 гг.

В первой половине XIX в. вследствие постоянной нужды в пополнении действующей армии и подразделений, преимущественно предназначенных для несения внутренней службы, в организационном плане были приняты некоторые изменения. 16 января 1811 г. все команды, несшие специальные полицейские обязанности главным образом по охране внутреннего государственного порядка («внутренняя губернская стража»), были переданы в подчинение военного ведомства. «Предназначив существующие ныне губернские роты и штатные команды привести в лучшее устройство, настоящему роду службы их общему порядку сообразное, повелеваем все команды сие передать из гражданского в военное начальство» [4, с. 516]. Таким образом, устранилось нарушение принципов единоначалия, когда отсутствовал единый центр командования военными формированиями с полицейскими функциями: гарнизонные батальоны подчинялись военному министерству, а губернские роты и штатные команды – местным властям. 27 марта 1811 г. в соответствии с указом военного министра «О устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд» из них были образованы инвалидные роты и инвалидные команды различных наименований, а штатные команды, расположенные в уездных городах, были сведены вместе и составили в губернских городах третьи гарнизонные губернские роты [4, с. 395]. Следует отметить, что военными инвалидами в XIX в. назывались военнослужащие, вследствие болезни или ранений не способные нести полевую службу, а выполнявшие задачи по охране порядка в городах и уездах или несшие караульную службу. Поэтому подразделения, состоящие из военных инвалидов, именовались «инвалидными» [5, с. 607]. Из существовавших в 1811 г. 52 гарнизонных батальонов было взято по три роты на формирование новых пехотных полков, а четвертые роты вместе с губернскими ротами образовали внутренние двухротные полубатальоны, в дальнейшем постепенно переформированные в трехротные полубатальоны и переименованные во внутренние губернские батальоны. Все эти батальоны были объединены во внутреннюю стражу.

3 июля 1811 г. император Александр I утвердил «Положение для внутренней стражи», согласно которому подразделения внутренней стражи были разделены на округа, управлявшиеся окружными начальниками (окружными генералами). Следует отметить, что в процессе эволюции организационная структура внутренней стражи постоянно изменялась: варьировались количество округов (не только в сторону увеличения, но и сокращения), штатная численность подразделений. Округа внутренней стражи разделялись на бригады. Бригадный командир являлся непосредственным начальни-

ком батальонов и всех уездных и других инвалидных команд, находившихся в его ведомстве. В округ входило 2–3 бригады, каждая из которых состояла из 2–3 батальонов. В свою очередь, в состав губернских батальонов входили команды служащих инвалидов в уездных городах и этапные команды. Все находившиеся в уезде инвалиды подчинялись начальнику уездной инвалидной команды. Военские начальники внутренней стражи находились «в точном ведении военного министра» [4, с. 784].

На внутреннюю стражу возлагались военные функции, связанные с обеспечением воинского порядка и дисциплины, осуществлением гарнизонной службы (вооруженная охрана дворцов, казнохранилищ, складов, арсеналов, тюрем, гауптвахт, крепостных сооружений; участие в парадах, церемониях и процессиях в особо торжественных случаях, участие в погребении военнослужащих). «Главный предмет учреждения внутренней стражи состоял в том, чтобы при батальонах оной формируемы были рекруты, чтобы посредством оной препровождались в случае войны пленные, чтобы конвоированы были рекрутские партии с места их набора в назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры из внутренней стражи. Пересылка арестантов всякого рода прежде возлагаема была на обывателей – повинность самая отяготительная, особливо в рабочую пору, а сверх того, за упуски на пути арестанта сии несчастные подвергались тюремному заключению и часто невинному наказанию; названная повинность также вошла в обязанность внутренней стражи», – вспоминал инспектор внутренней стражи генерал-лейтенант Е.Ф. Комаровский [3, с. 185].

Наряду с военными функциями на внутреннюю стражу возлагались и другие обязанности: 1) силовое обеспечение деятельности судов; 2) борьба с преступностью; 3) подавление массовых беспорядков; 4) розыск и поимка беглых преступников и дезертиров; 5) выявление и изъятие запрещенных и контрабандных товаров; 6) содействие в сборе налогов; 7) обеспечения охраны общественного порядка; 8) отправка в расположение воинских частей военнослужащих, просрочивших отпуска; 10) содействие в ликвидации пожаров, последствий стихийных бедствий; 11) охрана тюрем; 12) обеспечение безопасности объектов государственной важности и др. Кроме того, военнослужащие внутренней стражи, находившиеся на службе (т.е. в карауле, командировке, дозоре), обязаны были «брать под стражу и представлять губернскому начальству людей, настигнутых... в преступлении, буйстве либо насилии противу лица или имущества и найденных с окровавленным оружием либо платьем», а также «захватывать сборища воров и разбойников» [4, с. 785].

Следует отметить, что важным направлением взаимодействия местных гражданских и военных властей стало привлечение подразделений внутренней стражи к противопожарной охране городов и населенных пунктов. Так, учрежденные в городах пожарные команды частично формировались из личного состава внутренней стражи. Таким образом, привлечение внутренней стражи к тушению пожаров кроме непосредственной цели – борьбы с огнем – было направлено и на сокращение финансовых расходов на содержание в провинциальных городах дополнительных сил пожарной охраны.

При губернских батальонах и городских командах не предусматривалось отдельных лазаретов, поэтому военнослужащие внутренней стражи направлялись на лечение в местные военные госпитали или полевые лазареты, а в случае их отсутствия – в городские больницы с оплатой половины стоимости питания каждого больного. Таким образом, военному руководству необходимо было входить во взаимодействия с местными властями для разрешения данных вопросов [4, с. 786].

В «Положении для внутренней стражи» регламентировались формы и порядок отчетности о деятельности подразделений, устанавливался порядок взаимоотношений между командирами всех уровней и вышестоящим командованием и губернским на-

чалством. Так, начальники внутренней стражи всех уровней (бригадные, батальонные, уездные) должны были вести ежедневный журнал контроля использования подразделений внутренней стражи по требованиям местного губернского начальства. Все журналы по команде ежемесячно представлялись окружному генералу. На основании этих данных окружной генерал составлял общий отчет за месяц [4, с. 785]. В случаях выявления нарушений, связанных с неправомерным использованием подразделений внутренней стражи губернскими должностными лицами, окружной генерал связывался с губернским начальником для выяснения обстоятельств, приведших к нарушению, и немедленно докладывал об этом военному министру. Если окружной генерал усматривал нарушение со стороны самих командиров внутренней стражи (уездного, батальонного или бригадного), связанных с отказом в помощи гражданскому начальству, то после рассмотрения всех обстоятельств дела и с учетом тяжести последствий отстранял виновного от командования и докладывал об этом военному министру [4, с. 785].

Окружной генерал и командир бригады могли приказывать действовать (первой бригаде, а второй – батальону) только по письменному требованию губернатора или исполняющего его обязанности. При этом бригадный начальник, получив указание действовать, обязан был немедленно сообщить об этом военному министру, а командир батальона докладывал об этом окружному генералу и военному министру. Внутренняя стража могла быть использована не только по указанию губернатора, но и по требованию городничих, полицеймейстеров и земских исправников в тех случаях, когда численность привлекаемого подразделения не превышала одной роты. Такие распоряжения, т.е. использование малочисленных отрядов внутренней стражи, могли быть и устными, особенно в случаях, требовавших быстрого реагирования. Но и устные распоряжения должны были быть зафиксированы в журнале того батальона, из которого привлекалась команда [4, с. 786].

Командир губернского батальона, используемого губернским начальством, несет ответственность только за действия подразделения в строгом соответствии с Положением. За все последствия, связанные с применением личного состава внутренней стражи, кроме действий, связанных с нарушением воинской дисциплины, юридически отвечало губернское начальство, которое инициировало применение подразделения. Отказывать в помощи губернскому руководству в случаях отсутствия явных нарушений законности в их требовании командир батальона внутренней стражи не мог [4, с. 789].

Командир батальона получал предписания от бригадного начальника и требования от гражданского губернатора, а к ним обращался с рапортами. С другими чиновниками городской и земской полиции контактировал по мере необходимости. Командир батальона составлял три отчета о состоянии дел в подразделениях внутренней стражи всей губернии: первый – в инспекторский департамент военного министерства; второй – бригадному начальнику, третий – гражданскому губернатору с приложением оригиналов рапортов начальников уездных воинских команд.

В соответствии с «Положением для внутренней стражи» командир батальона являлся непосредственным начальником губернского батальона, уездных и всех находившихся в губернии инвалидных команд. Власть и права его соответствовали полномочиям командиров полевых полков. Главная обязанность его заключалась в том, «чтобы войско, ему вверяемое, содержимо будучи в совершенном порядке и исправности, всегда было готово действовать согласно с целью его установления, как скоро востребуется оно в определенных положением случаях формах» [4, с. 788]. Кроме того, командир губернского батальона был обязан: 1) вести учет личного состава батальона и всех находившихся в губернии уездных и других инвалидных команд; 2) заботиться об обеспечении личного состава батальона всеми видами довольствия; 3) следить и принимать все необходимые меры, в том числе и дисциплинарного характера, для поддержания право-

порядка и дисциплины в подчиненных подразделениях; 4) следить за опрятным внешним видом военнослужащих и исправностью вверенного им вооружения; 5) отвечать за прием, обучение, содержание рекрутов и своевременную доставку их к месту назначения; 6) выявлять военнослужащих, отставших от своих команд без уважительной причины, и высылать их к местам прохождения службы; 7) следить за соблюдением военнослужащими, находящимися в губернии, сроков лечения и отпусков; 8) стимулировать офицеров, сопровождавших воинские транспорты, к безостановочному движению и оказывать им в этом всевозможную помощь; 9) принимать меры для сохранности обозов и других принадлежностей, оставляемых полками и воинскими командами при передислокации; 10) конвоировать дезертиров, арестантов, преступников к местам назначения; 11) ежемесячно осматривать и докладывать начальнику о содержании больных и их лечении в военных госпиталях губернии; 12) проводить не реже четырех раз в год смотры уездных инвалидных команд и о результатах каждого смотра докладывать бригадному командиру и губернскому начальству [4, с. 790].

В непосредственном подчинении у командира губернского батальона внутренней стражи находился начальник уездной инвалидной команды, которому подчинялись все находящиеся в уезде инвалиды. Власть и права его соответствовали власти и правам ротных командиров полевых полков. Обязанности начальника уездной инвалидной команды заключались в следующем: 1) руководить вверенной ему командой и быть в готовом действовать по приказу; 2) вести учет личного состава; 3) заботиться об обеспечении личного состава всеми видами довольствия; 4) следить за воинским порядком и дисциплиной; 5) вести ведомость учета временно находящихся в уезде военнослужащих и предоставлять эти сведения командиру губернского батальона; 6) сопровождать рекрутов через уезд; 7) конвоировать дезертиров и арестантов в полки и команды, а преступников согласно приговору суда [4, с. 792].

Ответственная и сложная служба внутренней стражи требовала и соответствующего подбора личного состава. Однако на деле существовали значительные расхождения между предназначением подразделения и порядком его комплектования. Внутренняя стража превратилась в место ссылки, куда переводили людей со слабыми профессиональными способностями и нарушителей воинской дисциплины. Так, офицерский состав корпуса комплектовался: 1) переводом из армейских полков по болезни и непригодности к полевой службе (под эту формулировку подпадали и недисциплинированные офицеры); 2) зачислением из отставки, куда часто отправляли офицеров помимо их желания; 3) выпусками военно-учебных заведений по причине слабых умственных способностей; 4) производством в офицеры по ускоренной программе.

Несмотря на то, что внутренняя стража несла главным образом караульную службу и охраняла внутренний государственный порядок, преступность в этих подразделениях была в 6 раз выше, чем в армии, и в 19 раз по сравнению с гвардией [5, с. 444]. Архивы Беларуси хранят много дел, касающихся фактов дезертирства и преступлений, совершенных личным составом внутренней стражи. Например, случаи взяточничества (начальник Ковельской инвалидной команды подпоручик Скаковский в 1827 г. просил адъютанта Житомирского батальона, при котором состояла команда, за 25 руб. помочь в получении вышестоящей должности); злоупотребления служебным положением и взяточничества (дело 1863 г. батальонного адъютанта Гродненского батальона внутренней стражи подпоручика Ананского за положительное решение вопросов по переводу или увольнению нижних чинов); дезертирство и убийства (дела 1863–1864 гг. «О передаче суду рядовых Гродненского губернского батальона за убийство крестьянина, грабежи, пьянство, самовольную отлучку», «О задержании дезертира рядового Виленского батальона внутренней стражи Станкевича Александра») и др. [6, л. 3; 7, л. 4; 8, л. 2].

При этом подавляющее большинство личного состава корпуса добросовестно исполняло свои функциональные обязанности. Ответственная и сложная служба внутренней стражи требовала напряженного труда военнослужащих, т.к. служба в гарнизонных батальонах была очень тяжелой, часто офицеры заступали в караулы несколько дней подряд, а жалование у них было меньше, чем в полевых войсках.

Ведение боевых действий преимущественно не входило в круг обязанностей внутренней стражи, при этом 16 июня 1812 г. солдаты и офицеры Гродненского внутреннего гарнизонного батальона под командованием гродненского полицмейстера Высочина приняли активное участие в оборонительных сражениях против наполеоновских войск. В ходе боев погиб прапорщик внутренней стражи Н.И. Ившин [9, л. 41]. В боевых действиях в 1812 г. также приняли участие военнослужащие других подразделений внутренней стражи, дислоцировавшихся на белорусских землях: Могилевского, Минского и Витебского батальонов. Так, инвалидные команды Минской губернии, соединившись с Минским и Могилевским батальонами внутренней стражи, уездными командами Гродненской губернии, совместно с гарнизоном Бобруйской крепости выдержали блокаду войсками генерала Домбровского с 12 июля по 4 октября 1812 г. и потеряли при этом 4 офицера и 128 солдат убитыми. Военнослужащие из Витебского батальона внутренней стражи были направлены в действующую армию для ее пополнения в полном составе. Следует отметить, что из всех вышеупомянутых частей и подразделений войск внутренней стражи наибольшие потери в ходе войны 1812 г. понес Могилевский батальон внутренней стражи.

30 ноября 1811 г. указом императора Александра I была утверждена «Инструкция инспектору внутренней стражи» [9, с. 915]. Первым инспектором был назначен генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский: «Как инспектор внутренней стражи я имел при себе канцелярию, состоящую из одного секретаря, двух чиновников, обер-аудитора и нескольких писцов. По званию моему, я мог иметь четырех адъютантов, но сначала находились при мне только три: Преображенского полка барон Швахгейм, Семеновского – Дохтуров и Измайловского – Храповицкий» [3, с. 186].

Инструкция изменяла положение, при котором окружные генералы подчинялись напрямую военному министру: между ними появлялось промежуточное звено в лице инспектора внутренней стражи. Однако необходимо отметить, что инструкция достаточно смутно определяла соотношение полномочий военного министра и инспектора внутренней стражи: «Инспектор внутренней стражи есть помощник Военного Министра в управлении внутренней стражи», но при этом «инспектор внутренней стражи есть начальник оной во всех отношениях к военному ее устройству и порядку» [4, с. 915]. В своих воспоминаниях Е.Ф. Комаровский отмечает, что военный министр М.Б. Барклай-де-Толли хотел, чтобы Е.Ф. Комаровский «носил звание дежурного при нем генерала по внутренней страже», но Александр I, указав на то, что граф Комаровский является его генерал-адъютантом, сказав М.Б. Барклай-де-Толли: «Хочу, чтобы он находился между мной и вами» [3, с. 184]. 30 марта 1816 г. вышел указ «О именовании Внутренней стражи Отдельным корпусом Внутренней стражи» [10, с. 589; 2, с. 206].

Значимым событием в истории внутренней стражи стало образование в ее составе жандармских подразделений. В утвержденном 1 февраля 1817 г. «Положении для жандармов внутренней стражи» отмечалась необходимость создания подразделений, способных повысить мобильность корпуса и усилить интенсивность действий его военнослужащих: «Необходимость и польза конных отрядов в составе внутренней стражи представлялись при самом образовании стражи сей; но начавшаяся тогда война воспрепятствовала учреждению оных» [11, с. 50]. Жандармские подразделения были сформированы на основе полицейских и драгунских команд, которые были упразднены. Структура жандармерии в системе Корпуса внутренней стражи определялась следующим об-

разом: в Москве и Санкт-Петербурге жандармы были подчинены обер-полицмейстерам и считались откомандированными из внутренней стражи; в губернских городах жандармы внутренней стражи включались в состав внутренних гарнизонных батальонов и подчинялись их командирам [11, с. 54]. Окружные генералы внутренней стражи имели над жандармами своих округов всю полноту власти, как и в отношении внутренних гарнизонных батальонов. Следует отметить, что функции жандармов внутренней стражи находились вне сферы политического сыска и заключались главным образом в усилении подразделений внутренней стражи мобильными конными отрядами для более эффективного поддержания правопорядка.

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. показало неспособность охранительной системы ликвидировать угрозы политическому режиму и государственности на стадии их зарождения, что потребовало создания эффективных механизмов противодействия новым вызовам. Указом от 28 апреля 1827 г. подразделения жандармерии были выведены из структуры внутренней стражи и объединены в самостоятельный корпус жандармов с широкими полномочиями для борьбы с противниками государственного строя и императора [12, с. 396].

8 февраля 1817 г. военным министром была введена этапная система сопровождения арестантов. Для этого в составе батальонов внутренней стражи сформированы этапные команды для конвоирования арестантов в места отбывания наказания по утвержденным этапным маршрутам. Кроме того, в августе 1818 г. на корпус была возложена охрана соляных промыслов, и с этой целью учреждены соляные инвалидные команды. В 1848 г. в состав войск внутренней стражи вошли полицейские и пожарные команды. В 1849 г. личный состав этих команд стал называться сверхштатным, а в 1857 г. окончательно передан в ведение городничих [5, с. 444].

На территории Беларуси подразделения внутренней стражи были представлены губернскими батальонами, уездными инвалидными командами. Специфика белорусских земель заключалась в отсутствии единого центра управления подразделениями внутренней стражи. Так, белорусские губернии входили в разное время в разные округа и бригады внутренней стражи. Кроме того, важной особенностью «белорусских» подразделений внутренней стражи являлось выполнение обязанностей по усилению пограничных и таможенных застав. Например, в 1817 г. Брестская инвалидная команда Гродненского батальона внутренней стражи несла караульную службу на брестской пограничной заставе [13, л. 2]. Батальоны внутренней стражи дислоцировались в губернских центрах (Гродно, Минск, Могилев, Витебск) и соответственно назывались. В 1835 г. Варшавский гарнизонный батальон был перемещен в Брест-Литовск и был переименован в Брест-Литовский гарнизонный батальон, но остался в составе 10-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи.

В январе 1811 г. из одной роты, оставшейся от расформированного Кюменегородского гарнизонного батальона (три роты вошли в состав 49-го Егерского полка), и присоединенной к ней штатной губернской роты Гродненской губернии в г. Гродно был сформирован Гродненский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот (по 4 обер-офицера и 165 нижних чинов). С присоединением третьей роты он стал называться Гродненский внутренний губернский батальон (с 1816 г. – Гродненский внутренний гарнизонный батальон). Кроме того, в уездных городах Гродненской губернии (Волковыске, Брест-Литовске, Пружанах, Кобрине, Лиде, Новогрудке и Слониме) были сформированы уездные инвалидные команды, состоявшие из 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов и находившиеся в подчинении командира батальона. После расформирования Белостокского внутреннего гарнизонного батальона к Гродненскому баталь-

ону внутренней стражи присоединились инвалидные команды Белостокской области (Белостокская, Бельская, Соколовская и Дрогичинская) [14, с. 305].

12 февраля 1818 г. при учреждении пеших этапов для сопровождения арестантов по маршруту от Брест-Литовска через Минск и Смоленск до Москвы были сформированы и переданы в подчинение батальону Ружанская и Столовичская этапные команды, и по маршруту от Гродно до м. Новый-Свержень – Каменская и Белицкая. Каждая состояла из 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов. При учреждении конных этапов для сопровождения арестантов от Белостока через Гродно, Минск, Оршу и Смоленск до Москвы в 1837 г. сформированы и подчинены батальону Белостокская, Соколовская, Гродненская, Ельнинская, Белицкая, Новогрудская и Мирская конные этапные команды (в каждой 1 обер-офицер, 19 нижних чинов: 5 конных, 14 пеших; при этом Каменская и Белицкая пешие этапные команды упразднены [14, с. 304].

24 апреля 1843 г. Дрогичинская инвалидная команда после перевода в г. Троки и переименования в Трокскую, а также Лидская инвалидная и Белицкая конно-этапная команды были переподчинены Виленскому внутреннему гарнизонному батальону, а Новогрудская инвалидная и Столовичская пешая, Новогрудская и Мирская конно-этапные команды – Минскому внутреннему гарнизонному батальону [14, с. 306].

На продовольственное обеспечение нижних чинов батальона гродненские власти ежемесячно затрачивали порядка 430 руб. (январь 1861 г. – 427 руб. 12 коп., февраль 1861 г. – 433 руб. 53 коп. и т.д.). В ежедневный рацион военнослужащих внутренней стражи входили горох, грибы, масло, лук, говядина, капуста, перец, сельдь, соль, картофель, сало [15, л. 2].

В Витебске 11 января 1811 г. из одной роты, оставшейся от расформирования Ревельского гарнизонного полка, и присоединенной к ней штатной губернской роты Витебской губернии был сформирован Витебский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот (4 обер-офицера, 165 нижних чинов). 27 марта 1811 г. к двум ротам, составлявшим полубатальон, была присоединена третья, и он стал называться Витебским внутренним губернским батальоном. Кроме того, в уездных городах Витебской губернии (Сураже, Вележе, Городке, Невеле, Лепеле, Полоцке, Себеже, Люцине, Режице, Динабурге и Дриссе) были созданы уездные инвалидные команды. В 1818 г. при учреждении пеших этапов для сопровождения арестантов по маршруту от Гродно через Вильно, Друю и Псков к Санкт-Петербургу была учреждена Россицкая этапная команда в составе 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов. 22 июня 1839 г. Россицкая этапная команда была упразднена [14, с. 301].

В г. Минске 17 января 1811 г. из одной роты, оставшейся от расформирования Рижского гарнизонного полка, и присоединенной к ней штатной губернской роты был сформирован Минский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот. 27 марта 1811 г. к двум ротам, составлявшим полубатальон, была добавлена третья. Так был создан Минский внутренний губернский батальон. В уездных городах Минской губернии (Вилейке, Дисне, Борисове, Игумене, Бобруйске, Речице, Мозыре, Слуцке и Пинске) были учреждены уездные инвалидные команды. В июле 1816 г. батальон был переименован в Минский внутренний гарнизонный батальон [14, с. 311]. Батальону подчинялись Лоевская, Новосверженская, Кейдановская и Смолевичская этапные команды. 21 июня 1837 г. при учреждении конных этапов для сопровождения арестантов из Белостока через Гродно, Минск, Орел и Смоленск в Москву были сформированы и подчинены батальону Камульская, Минская, Смолевичская и Борисовская конные этапные команды. Первая состояла из 1 обер-офицера и 19 нижних чинов (5 конных, 14 пеших); остальные – из 1 обер-офицера и 28 нижних чинов (8 конных, 20 пеших) [14, с. 312].

24 апреля 1843 г. Вилейская и Дисенская инвалидные команды были исключены из батальона и вошли в состав Виленского внутреннего гарнизонного батальона, а чис-

лившиеся при гродненском внутреннем губернском батальоне (Новогрудская инвалидная и Столовичская пешая, Новогрудская и Мирская) конно-этапные команды подчинены батальону [14, с. 314].

17 января 1811 г. при учреждении внутренней стражи в Могилевской губернии из одной роты, оставшейся от расформированного Перновского гарнизонного батальона, и присоединенной к ней штатной губернской роты губернии в г. Могилеве был сформирован Могилевский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот. 27 марта 1811 г. с присоединением к нему третьей роты он был переименован в Могилевский внутренний губернский батальон. В уездных городах Могилевской губернии (Мстиславле, Быхове, Копысе, Черикове, Климовичах, Сенном, Белице, Рогачеве, Орше и Чаусах) были сформированы уездные инвалидные команды. 14 июля 1816 г. батальон стал называться Могилевский внутренний гарнизонный [14, с. 246]. 12 февраля 1818 г. учреждена Толочинская этапная команда в составе 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов, а в 1835 г. были сформированы и подчинены батальону Крупская, Кохановская и Дубровская конные этапные команды. Каждая состояла из 1 обер-офицера и 28 нижних чинов (8 конных и 20 пеших) [14, с. 248].

Следует отметить, что численность батальонов внутренней стражи на белорусских землях была унифицирована. По состоянию на июль 1811 г. в каждом батальоне числилось: 2 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 493 нижних чинов, 20 нестроевых, 25 денщиков (всего 554 человек); в январе 1817 г. – 18 штаб-офицеров, 657 нижних чинов, 22 нестроевых, 30 денщиков (всего 729 человек); в апреле 1817 г. – 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров, 1 017 нижних чинов, 24 нестроевых, 30 денщиков (всего 1 091 человек). Однако в Гродненской губернии насчитывалось наибольшее количество этапных команд, что объясняется геополитическим положением региона (близость к границе, антиправительственные выступления и т.д.) [14, с. 247].

К середине XIX в. назрела необходимость коренных преобразований Корпуса внутренней стражи на белорусских землях. Однако изменений не последовало, а в результате реформ военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютина 6 августа 1864 г. внутренняя стража была упразднена. Обязанности службы внутренней стражи были возложена на вновь сформированные местные войска.

Заключение

Таким образом, выполняемые подразделениями внутренней стражи функции создавали условия для постоянного и тесного контакта с местной гражданской властью. Поддержание и охранение политического режима и внутреннего порядка в условиях «неблагонадежности» местного населения на белорусских землях, приграничное положение территорий, постоянные революционные потрясения, приток политических и иных заключенных, необходимость их безопасного и организованного этапирования требовали четкого взаимодействия с местными властями, что ставило внутреннюю стражу и местные власти во взаимозависимое положение. С одной стороны, корпус подчинялся военному министерству и действовал по его приказу через окружное и бригадное начальство. Однако с другой стороны, в условиях отсутствия представителей окружного и бригадного управления на белорусских землях батальоны внутренней стражи были в значительной мере зависимы от местного губернского начальства и действовали с сохранением всех законодательных формальностей по его указанию и требованию.

Анализ штатно-должностной структуры отдельного корпуса внутренней стражи на белорусских землях позволяет сделать вывод о том, что она имела унифицированный (типовой) состав и не отличалась от других губерний Российской империи. Вместе с тем подразделения внутренней стражи на белорусских землях не имели единого

центра управления, что свидетельствует об отсутствии в военном руководстве Российской империи четкого понимания и восприятия территории Беларуси как единого целого. Изначально округа формировались по принципу выгодного военно-стратегического положения, удобства в их управлении. К середине XIX в. белорусские подразделения внутренней стражи оказались в составе трех округов: 6-го (Могилевская губерния), 9-го (Минская, Гродненская, Витебская губернии) и 10-го (г. Брест-Литовск).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швед, В. В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў, 1805–1815 гг. / В. В. Швед, С. В. Данскіх ; Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 250 с.
2. Столетие Военного министерства 1802–1902 : конспекты исторических очерков столетия Военного министерства / гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон. – СПб. : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. – Т. 1 : Исторический очерк развития военного управления в России. – 430 с.
3. Записки графа Е. Ф. Комаровского / ред. П. Е. Щеголева. – СПб. : Огни, 1914. – 279 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXI : 1810–1811 гг. – 941 с.
5. Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. – Т. 6 : [Верещагин В. В. – Воинская повинность]. – 642 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГр). – Ф. 1. Оп. 34. Д. 2815.
7. НИАБГр. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 718.
8. НИАБГр. – Ф. 274. Оп. 1. Д. 1.
9. НИАБГр. – Ф. 1. Оп. 19. Д. 1141.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXIII : 1815–1816 гг. – 1167 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXIV : 1817 г. – 959 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. II : 1827 г. – 1561 с.
13. НИАБГр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 989.
14. Висковатов, А. В. Хроника Российской Императорской армии : в VII ч. / А. В. Висковатов. – СПб. : Воен. тип., 1852. – Ч. VII. – 340 с.
15. НИАБГр. – Ф. 1478. Оп. 1. Д. 4.

Рукапіс паступіў ў рэдакцыю 06.02.2018

Khovanski A.V. Organization of Management of Departments of Internal Guards on Belarus Land in 1811–1864

The article describes and analyzes the creation, organization and management of unit of the internal guard on the Belarusian lands in 1811–1864. Characterized and analyzed nominally-post structure, staffing order, the responsibilities of the officers of the internal guard. The role and importance of internal guard in the system of ensuring the regional and public security of the Russian Empire, its influence on the defense capability of the state are revealed. The author pays special attention to the nature and order of the relationship between the leadership of the internal guard with the military ministry and the provincial authorities, and their influence on the activities of the unit. Identified common features with the internal provinces and the features of the formation and activities of internal guard on the territory of Belarus in 1811–1864. Factors that negatively affect the effectiveness of the leadership of the Separate Corps of Internal Guard units are revealed.

УДК 94 (703) «1921/1939»

И.И. Вавренюк

менеджер ООО «Инвест-Сафир»

e-mail: irisha7474@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЕВ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)

Художественная культура евреев формировалась на протяжении столетий, занимала одно из значимых мест в культуре Западной Беларуси. Ярче всего в 1921–1939 гг. она проявилась в синагогальном искусстве, искусстве мацев, светской живописи, графике, скульптуре, книжной миниатюре, искусстве афиш и плакатов, декоративно-прикладном искусстве. Художественная культура евреев представляла собой синтез светскости и религиозной традиции. В статье анализируется состояние еврейской художественной культуры Западной Беларуси в 1921–1939 гг. На основе анализа ряда источников сделана попытка отображения целостной картины развития художественной культуры евреев в западнобелорусском регионе, выявления главных тенденций развития. Преимущественное развитие определенных форм художественной культуры было обусловлено спецификой общественно-политической и социально-экономической жизни общества.

Введение

Исследования художественной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) имеют фрагментарный характер. В ряде работ рассмотрены различные аспекты культуры евреев региона: музыкальной (Д. Слепович [1], Хаздан Е. [2], Т. Вашкевич [3]), театральной (Н. Царюк [4]), кино (Т. Касатая [5]), декоративно-прикладного искусства (А.И. Локотко [6]). Комплексный подход к рассмотрению еврейской культуры в контексте культурной жизни Западной Беларуси (1921–1939 гг.) содержится в работе А.Н. Вабищевича [7]. В работе А.И. Локотко сделан анализ материального наследия евреев Беларуси в европейском контексте [8].

Несмотря на значимость рассматриваемой проблемы она пока не была предметом фундаментального научного исследования. В силу этого задачами данного исследования являются: 1) анализ источников по теме; 2) выявление основных тенденций развития художественной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.); 3) определение специфики развития художественной культуры евреев региона.

Сакральное искусство

В рамках религиозной традиции оставалось искусство синагог и мацев, декоративно-прикладное искусство. Одним из определяющих признаков существования еврейской общности определенного региона Польского государства являлось основание еврейской религиозной гминой синагоги (иудейского молитвенного дома) [9, s. 84]. Топография синагог определялась демографическим и экономическим факторами. Богатые религиозные еврейские гмины возводили новые и реставрировали старые синагоги (божницы). Для евреев храмы были не просто зданиями для совместного чтения Писания и вознесения молитв, но символами еврейского духовного единения, преемственности поколений, верности традициям. Во внутреннем устройстве синагоги существовали обязательные традиционные атрибуты: арон га-кодеш (место для хранения свитков Торы), бима (возвышение в центре синагоги, с которой читают Тору), тива (амуд, шкаф, плита, перед которой стоит ведущий молитву), стулья или скамьи для моля-

Научный руководитель – А.Н. Вабищевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

щихся и шкафы для книг [10, с. 204–205]. Многочисленные традиции строительства и декорирования опирались на священные тексты ТАНАХа, Талмуда, преданий, нововведения духовных лидеров, раввинов [11, с. 17]. В 1921–1939 гг. были отреставрированы некоторые синагоги в городах Слоним, Пинск и др. [12, л. 12]. Стили ранее построенных синагог западнобелорусского региона разнообразны (готика, эклектика, модерн, барокко и др.), но особой красочностью отличались синагоги стиля барокко (Слонимская главная синагога и др.) [13, с. 45–47]. Синагога в Ошмянах выделялась неповторимым для региона астрологическим декором с фресками, изображающими знаки зодиака и имитацией звездного неба [14, с. 45–46]. На выбор стилистики синагог региона повлияли европейская архитектура, еврейские и местные строительные традиции. Синагоги региона по всем характеристикам являлись ашкеназскими; они представляли собой объекты искусства с широким и многоуровневым комплексом символики декоративного ансамбля (народного, традиционного, профессионального). Декор синагог традиционно включал различные символы: Маген-Давид на щите и таблицы с заповедями (Декалог), семисвечник, лев, доски со словами молитвы и изречениями, растительный и геометрический декор.

Интерьеры синагог богато украшались деревянной резьбой и художественной ковкой с растительными и животными мотивами (Волпа, Пинск и др.). Бима украшалась резными столбиками, соединенными перилами, решетками с балясинами и кружевным карнизом. Резными подзорами украшались балконы и внутренние карнизные пояса [8, с. 135]. Декоративно-прикладное искусство развивалось в рамках сакрального искусства с целью обеспечения ритуала как в синагоге (божнице), так и в быту. Значимая часть ритуальных предметов была выполнена из серебра. Так, например, в «Списке имущества Большой синагоги в Бресте» в 1933 г. значились 33 серебряных ритуальных предмета. Кроме этого в «Списке» значились футляры для свитков ручной работы с вышивкой, деревянное кресло Илии и резной деревянный шкаф [15, л. 100–101]. Вышеупомянутые предметы представляли собой высокохудожественные произведения декоративно-прикладного искусства, выполненные с соблюдением древних традиций.

В быту для проведения обрядов и ритуалов евреи использовали предметы, которые, как правило, передавались из поколения в поколение: менора (ритуальный семисвечник), ханукия (светильник, который зажигают на праздник Хануки), серебряные кубки, блюда для седера (ритуальная семейная трапеза в Песах) и др. [16, с. 47–48]. Народное декоративно-прикладное искусство (вышивка, вырезки из бумаги, изделия из кожи и др.) содержало декоративные мотивы (менора, корона, лев и др.), нанесенные на кипу (головной убор), талит (молитвенное покрывало), праздничные субботние салфетки, которые подчеркивали национальную принадлежность.

Развитие скульптуры

Чисто в рамках религиозной традиции оставалось искусство еврейских надгробий, представленное двумя основными типами: мацевы (стелы) и охели, или огели, (саркофаги). Формообразующей основой многих стел являются скрижали Завета, формы арки, портала [17, с. 11]. Каждая мацева представляет собой определенную композицию эстетического и смыслового компонентов. На основе анализа эпитафий мацев западнобелорусского региона можно выделить их следующие традиционные составляющие: вступительная формула «по нитман» («здесь покоится»), имя усопшего и имя его/ее отца), эвлогий (благославление), дата смерти по еврейскому календарю, завершающий эвлогий «Да будет душа его завязана в узле жизни» (зачастую в виде аббревиатуры – как символ еврейской эпитафии). Эпитафия, как правило, состояла из имени, имени отца, 1–2 лестных эпитетов, буквенной даты смерти с указанием дня, месяца и года по еврейскому календарю. Практически все формулы и образы заимствованы из талму-

дических трактатов еврейских текстов и молитв. На эпитафии был указан тип летоисчисления – ли-фрат катан (с ивр. – «по малому счету») – традиционный еврейский способ обозначения даты от сотворения мира, при котором не указывают тысячелетие. Исследователь З. Чечик в изобразительной пластике стел выделил две тенденции: отвлеченно-декоративно-символическую (содержащую только орнаментальные и орнаментально-символические мотивы); сюжетно-декоративно-символическую (включающую символические объекты и декор) [17, с. 11]. Согласно религиозным предписаниям и обычаям на надгробиях были помещены освященные традицией изображения, мотивы которых черпались из животного (львы, олени, медведи, птицы и т.д.) и растительного (лулав – ветвь ивы, этрог – цитрусовый фрукт, корзины с плодами, виноградные гроздья, лоза и т.п.) мира. Символы, веками повторяющиеся в еврейском надгробном искусстве: благословляющие руки когенов, или коэнов, – иудейских священнослужителей, приносивших жертвы, потомков Аарона; кувшин левитов (представителей колена Левия), менора (семисвечник), шофар (еврейский духовой ритуальный музыкальный инструмент из рога животного), ханукия и др. [18, с. 171–188]. Искусство надгробий оставалось сугубо в рамках традиции ашкеназского еврейства. Модернистского влияния в искусстве мацев не отмечено. В целом своим декором еврейские надгробия были тесно связаны с другими видами искусства евреев и составляют с ними единый комплекс сюжетов и форм.

В мастерских изготавливались и светские памятники, но это не было распространенным явлением. При их создании соблюдались традиционные требования (отсутствие изображения человека (кроме рук), надписи на иврите или идише и др.). Так, например, в архивных документах отмечен факт установки в центре Гродно памятника Ехи Гринберг 5 мая 1936 г. гродненской еврейской религиозной гминой при поддержке польских властей [19, л. 1–4].

Диалог традиции и модернизма

Центром светской еврейской культуры был город Вильно, часто называемый «Литовским Иерусалимом». В 1927 г. в городе было организовано объединение молодых писателей, поэтов и художников «Юнг Вилне», которое благодаря своей активной работе стало известно на весь мир. В Западной Беларуси своих ярких художников было мало, вследствие чего благодаря сохранению ранее налаженных культурных связей на экспозициях доминировали произведения еврейских художников из других регионов. Только в Вильно действовала постоянная выставка живописных, графических и скульптурных работ. Например, в 1933 г. там были представлены художественные произведения белорусских, польских и еврейских художников (Р. Розенталя, Р. Суцкевер, Т. Шванебаха, Б. Залкинда, Ш. Эфрона и др.). Всего было выставлено 173 произведения 31 автора; работы еврейских художников: «Бурса», «Дождь», «Париж», «Улица в ночи», «Замковая гора», «Старая мельница», «Лес», «За городом» Залкинда Бера, «Портрет п. С», «Портрет женщины» Йозефа Кагана и др. – выполнены преимущественно маслом [20, л. 1–3].

С целью популяризации еврейского искусства проводились передвижные выставки в различных городах и местечках. Организацией передвижных коллективных выставок занимались организации, созданные в Польше (Общество по популяризации изобразительного искусства на территории Польши и др.). Например, в июле–сентябре 1924 г. кружок учащихся евреев «Auxillium Academicum Iudaicum» совместно с Обществом по популяризации изобразительного искусства на территории Польши организовал «Еврейскую коллективную выставку картин», где были представлены работы 20 художников из Парижа, Берлина и городов Польши (работы В. Браунера, Х. Берлеви, А. Блауфукса, Ф. Фридмана и др.) [21, л. 17–22].

Среди популярных жанров еврейских художников Западной Беларуси необходимо назвать бытовой, портретный жанры, городской пейзаж, религиозную тематику. Были представлены направления экспрессионизма, импрессионизма, абстракционизма, в значительной мере проявлялись тенденции символизма и футуризма, слабее – кубизма и конструктивизма. Еврейская светская живопись соответствовала основному направлению периода – авангардизму. Еврейская идентичность отражалась как в сюжетах работ, так и в самом пластическом языке искусства. Чаще всего в творчестве еврейских художников Западной Беларуси встречаются социальные портреты, типажи старых евреев, традиционные мотивы (свадьба, бар мицва (день совершеннолетия у евреев), похороны и др.). В мужских портретах часто отражался социальный статус персонажа: к примеру, картины «Стекольщик» Х. Берлеви, «Прачка» А. Гутермана, «Торговка» Х. Ханфта, «Талмудист» М. Каца, «Водонос» А. Минтшина [21, л. 18–21], – что свидетельствует о сильном влиянии витебской школы искусства, где ранее учился ряд художников. В творчестве еврейских художников, покинувших традиционную еврейскую общину, ярко прослеживается светская тенденция искусства при сохранении традиционной системы еврейских символов (лев, корона, менора и др.). Еврейские художники, как правило, по материальным причинам совмещали живопись с какой-либо другой работой, которая позволяла им выжить, но не имела ничего общего с искусством. Это обстоятельство объясняет малое количество работ мастеров, небольшое количество выставок, отсутствие персональных выставок и художественных галерей. Для большинства еврейских художников западнобелорусский регион являлся родиной, местом получения первоначального образования и жизненного опыта. Потом они уезжали за рубеж: во Францию, США и др., – где делали карьеру (Мордехай Авниэль, Михаэль Левин и др. [22, с. 66–83]).

Тесно связанной с живописью являлись графика и книжная миниатюра. Издательскими центрами были города Вильно, Гродно, Брест и др. По сравнению с довоенным периодом издательская деятельность составляла около 55 % прежних объемов [23, с. 128]. Наиболее крупными издательствами в Вильно были издательства Б. Клецкина и Левина. Типография Б. Клецкина работала с 1911 г. и специализировалась преимущественно на издании еврейской литературы [24, с. 90–91]. Художники иллюстрировали издаваемые библейские легенды (Книгу Иова, Книгу Руфь, Песнь Песней и др.), произведения классических идишских авторов (Переца, Менделе Мойхер-Сфорима и др.), учебники, детские книги и др. В своих произведениях мастера прибегали к символике народного языка и народной литературы: чаще всего изображали растительные мотивы, льва, корону, менору, венец Торы, использовали графические возможности еврейского письма, шрифта и фольклорные мотивы. Аналогичные тенденции прослеживались в иллюстрировании еврейских журналов и газет.

Еврейский кинематограф

Еврейский кинематограф как часть мирового переживал в 1920–1930-е гг. бурное развитие. В Польше в 1921–1939 гг. снимали кино на идише на еврейскую тематику: «Диббук» (1937) по одноименной пьесе Анского (режиссер М. Вашинги); «Мамеле» (1938) (режиссеры Й. Грин, К. Том) и др. [25]. Только в 1937 г. в Польше на идише было снято 23 фильма [26, с. 333].

Кинотеатры региона были двух типов: стационарные и передвижные. Стационарные кинотеатры располагались в городах и местечках Западной Беларуси: 4 в Бресте [27, л. 8], 3 в Гродно [5, с. 354–370], по 1 в Пружанах и Столине, 2 в Пинске [28, л. 8–17]. Еврейских кинотеатров было сравнительно немного (Абрама Сарвера в Бресте [27, л. 8], Абрама Эбрама в Кобрине, «Полония» М. Бланштейна, «Пан» Давида Бломберга, «Утеха» Беньямина Мардера – в Гродно [5, с. 361–370]), но они играли значимую роль

в культурном развитии региона [29, с. 92]. Анализ проката еврейских кинотеатров Полесского воеводства за 1935 г. мало отличался от остальных кинотеатров и позволяет также выделить предпочтение заграничным фильмам (89 %) [28, л. 8–147]. Так, например, в кинотеатре А. Сарвера в Бресте показывали «Любовь Тарзана», «Секрет женщины», «Белла Донна», «Кариока», «Бунт в Шанхае», «Семья Ротшильдов» и др. Необходимо отметить, что фильмов на еврейскую тематику было показано сравнительно немного: «Семья Ротшильдов», «Диббук» и др. [28, л. 13–149]. Сохранившиеся афиши характеризуют работу еврейских художников, где постоянно присутствуют еврейские типажы, символы меноры, идишский шрифт и т.п. [25].

В тесной взаимосвязи с киноискусством развивалась фотография. Популярными были фотокадры из кинофильмов, театральных постановок, фото популярных актеров и актрис. Фактически в каждом городе и местечке было несколько еврейских фотоателье, которые обслуживали население. Кино и фотография представляли собой явления модернизации еврейской культуры при сохранении традиционной символики и тематики.

Десакрализация музыки и театра

В 1921–1939 гг. музыкальная культура евреев существовала в различных формах: сакральная музыка, искусство канторов, светская музыка, музыка хасидов, фольклор. Если ранее музыкальная культура евреев Западной Беларуси рассматривалась только в двух формах: вокальной (синагогальное пение, искусство канторов, бытовое пение) и инструментальной (искусство клезмеров), – которые фактически не пересекались, то в 1921–1939 гг. произошли некоторые изменения. Широкое распространение в синагогах органов, хоров, приглашенных канторов и руководителей хоров, заимствование интонаций и мотивов – все это сделало сакральную музыкальную культуру более открытой. Стали создаваться музыкальные композиции, стиль которых был почти полностью сориентирован на западноевропейскую музыку, хотя их тексты писались на иврите и идише. Синагогальная музыка обогатилась, впитав черты светской европейской культуры. В целом еврейская традиционная музыкальная культура перестала быть закрытой [30, с. 169–171]. Искусство канторов достигло в 1921–1939 гг. своего особого расцвета, а традиционная литургия претерпела ряд изменений. Религиозная музыка не ограничивалась только литургической практикой, а постоянно звучала на праздниках: обрезание, свадьба, Пурим и др.

На стыке сакральной и народной музыки существовала музыка хасидов (религиозного направления в иудаизме), число приверженцев которого на территории западнобелорусского региона было значимым. Молитвенная практика хасидов сопровождалась характерным пением без слов, мелодиями (нигунами). Отличительной чертой этой музыки было заимствование фрагментов молитв, литургических текстов (Псалмы, Песнь Песней, Книги Пророков) в сочетании с типично еврейскими мотивами, в результате чего они напоминали популярные марши, польки и др. Часто в музыке хасидов появлялись славянские мотивы; использовались библейские, молитвенные древнееврейские тексты, иногда припевки на идише и иврите, а также на белорусском и польском языках. Популярными были песни застольные, эйфоричные, радостные, полные оптимизма [31, с. 119–121].

Основными носителями народной музыки были клезмеры, в местечках наблюдался расцвет клезмерского искусства. Клезмерские ансамбли постоянно сопровождали свадьбы и иные мероприятия [2, с. 340]. Можно выделить три репертуарные группы клезмеров: 1) собственные фантазии, импровизации; 2) мелодии нееврейского происхождения (в основном белорусские и польские); 3) еврейские народные и религиозные песни [1, с. 460]. Музыкальная культура хасидов и клезмеров ощутила наибольшее влияние славянского окружения.

Анализ мероприятий, которые проводили различные еврейские учреждения, позволяет выделить музыкальное сопровождение как их обязательную составляющую, причем исполнялась музыка западноевропейских и еврейских композиторов (Шуберта, Бетховена, Мендельсона, Шопена и др.). В 1924 г. музыка евреев получила свое институциональное воплощение в связи с открытием Еврейским обществом поддержки искусства в Вильно Еврейского музыкального института (ЕМИ), который до 1940 г. являлся единственной в Европе консерваторией с преподаванием на идиш.

Театральная деятельность евреев была обусловлена спецификой их расселения, особенностями межкультурных коммуникаций в западнобелорусском регионе, наличием организационных центров, сложившимися традициями. В 1920 г. было создано Виленское еврейское театральное общество – своеобразный еврейский театральный центр Западной Беларуси. Оно занималось учреждением театральных студий, изданием газет, журналов, организацией лекций и докладов по развитию театрального искусства в регионе [4, с. 262]. Однако, не имея достаточного количества финансовых средств, четкой организационной структуры, Виленское еврейское театральное общество не смогло стать координирующим центром для евреев на территории всей Западной Беларуси и ярко проявило себя лишь в Виленском воеводстве.

Еврейское театральное искусство – это деятельность стационарных и передвижных, самодеятельных любительских и профессиональных, светских, культовых, народных и музыкальных театров, театров марионеток. Из-за немногочисленности стационарных театров, что было обусловлено материальными и кадровыми проблемами, популярностью пользовались представления передвижных театров. Массовый характер приобрела народная театральная деятельность, которая была связана с культуротворческой работой еврейских общественных, просветительских и молодежных организаций. Театральное творчество также было представлено в форме традиционных религиозных постановок на Песах, Хануку, Пурим, Симхат-Тора. Знаковым стало учреждение Еврейского научного института (ИВО), широкое участие женщин в театральной жизни. Еврейское кино и театральное искусство постоянно обогащались достижениями мирового искусства.

Заключение

Художественная культура евреев Западной Беларуси (1921–1939) представляла собой открытую систему, которая продолжала развиваться, взаимодействуя с другими культурами, модернизировалась в соответствии с основными тенденциями развития мировой культуры.

Модернистского влияния в искусстве синагог, мацев и декоративно-прикладного искусства не наблюдалось. Наиболее авангардной была живопись еврейских художников Западной Беларуси, представленная такими направлениями, как экспрессионизм, импрессионизм, абстракционизм, в значительной мере проявлялись тенденции символизма и футуризма, слабее – кубизма и конструктивизма. Еврейская светская живопись соответствовала основному направлению периода – авангардизму. Еврейская идентичность отражалась как в сюжетах работ, так и в самом пластическом языке искусства.

Кино и фотоискусство представляли собой модернизированные явления еврейской культуры при сохранении традиционной символики и тематики. Десакрализации подверглась и музыка евреев. Особенно выраженными были две тенденции: сохранение традиционного и бурное развитие модернистского начал. Причем динамичное развитие светской культуры не вступало в конфликт с системой еврейских традиций.

Все виды еврейской художественной культуры были тесно взаимосвязаны и составляли единый комплекс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слепович, Д. Песни на идише в первой половине XX века: эволюция музыкального жанра / Д. Слепович // От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. – М. : Книжники : Текст, 2009. – С. 459–471.
2. Хаздан, Е. Музыка и музыканты в еврейской и белорусской свадьбе / Е. Хаздан // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. – М., 2012. – С. 338–356.
3. Вашкевич, Т. А. Еврейские музыкальные традиции в культурном пространстве Гродненщины XIX – первой половины XX в. / Т. А. Вашкевич // Актуальные проблемы мировой художественной культуры : в 2 ч. / редкол.: Т. Г. Барановская (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – Ч. 1. – С. 244–245.
4. Царюк, Н. Национальные театры на территории Западной Беларуси / Н. Царюк // Шлях да узаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XVIII Міжнар. навук. канф., Гродна, 15–16 лістап. 2012 г. / рэдкал.: Я. Панькоў, І. Папоў, Э. Ярмусік. – Ліда : Лід. друк., 2014. – С. 261–265.
5. Касатая, Т. Кінатэатры як публічная прастора Гародні ў 1930-я гг. / Т. Касатая // ARCHE Пачатак. – 2014. – № 11 (132). – С. 354–370.
6. Лакотка, А. І. Драўлянае сакральна-манументальнае дойлідства Беларусі / А. І. Лакотка. – Мінск : Беларусь, 2003. – 224 с.
7. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст, 2010. – 356 л.
8. Локотко, А. И. Архитектура европейских синагог / А. И. Локотко. – Минск : Ураджай, 2002. – 156 с.
9. Klugman, A. Żyd – co to znaczy? / A. Klugman. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2003. – 223 s.
10. Bergman, E. Architektura synagog / E. Bergman // Studia z dziejów Żydów w Polsce : w II t. – Warszawa, 1995. – Т. I. – S. 204–205.
11. Piechotek, M. Bramy nieba: bożnice murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej / M. Piechotek, K. Piechotek. – Warszawa : Krupski i S-ka, 1999. – 480 s.
12. Переписка с еврейскими религиозными обществами об открытии и реставрации молелен, планы и проекты последних (21 декабря 1931 г. – 28 июня 1932 г.) // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1302.
13. Захаркевіч, С. А. Традыцыйная культура этнічных меншасцей Беларусі ў XIV–XVIII стагоддзях / С. А. Захаркевіч // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 10. – С. 45–47.
14. Хейфец, М. Еврейское наследие Белоруссии / М. Хейфец // История евреев на Украине и в Белоруссии. Экспедиции. Памятники. Находки : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Дымшиц ; Петерб. евр. ун-т. – СПб., 1994. – С. 45–46.
15. Отчеты, бюджет Брестской еврейской религиозной гмины и переписка с ней по вопросам финансово-хозяйственного характера (17 сентября 1928 г. – 6 июня 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2309.
16. Корн, И. Иудаизм в искусстве / И. Корн. – Минск : Белфакс, 1998. – 128 с.
17. Чечик, З. Мацевы / З. Чечик. – М. : Дом евр. кн., 2005. – 167 с.
18. Евреи в меняющемся мире : материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16–17 сент. 2003 г. / под ред. Г. Брановера и Р. Фербера. – Рига : Центр изучения иудаики Латв. ун-та, 2005. – 484 с.
19. Документы и фотоснимки об открытии памятника Гринберг Ехе (10 сентября 1935 г. – 7 мая 1936 г.) // Государственный архив Гродненской области. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 130.

20. Праграма выставы жывапісных, графічных і скульптурных работ у г. Вільня за 1933 г. // Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 3с. Оп. 1. Д. 302.

21. Циркуляры Полесского воеводского управления о ратификации туристской польско-чехословацкой конвенции; заявления жителей Брестского повета и общественных организаций о разрешении на организацию зрелищ, аттракционов и др. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 595.

22. Иоффе, Э. Белорусские евреи в Израиле / Э. Иоффе. – Минск : Ковчег, 2000. – 208 с.

23. Фришман, В. Промышленность Западной Беларуси / В. Фришман. – Минск : Изд-во Белорус. Акад. наук, 1934. – 133 с.

24. Луцкевіч, Л. А. Вандроўкі па Вільні / Л. А. Луцкевіч. – Вільня : Рунь, 1998. – 157 с.

25. National Center for Jewish Film at Brandeis University in Massachusetts. National Center for Jewish Film [Electronic resource]. – Mode of access: www.jewishfilm.org/. – Date of access: 10.03. 2016.

26. The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Preface to the Print Edition by Gershon David Hundert : 2 Vol. – New Haven : Yale University Press, 2008. – Vol. I. – 1170 s.

27. Список учреждений и предприятий с указанием их местонахождения в г. Бресте // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 3079.

28. Списки фильмов, демонстрировавшихся в кинотеатрах Полесского воеводства за 1935 год // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 335.

29. Войтещик, А. С. Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. С. Войтещик. – Гродно, 2013. – 203 л.

30. Вавренюк, И. И. Музыкальная культура евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Искусство глазами молодых : материалы VIII Междунар. (XII Всерос.) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 14–16 апр. 2016 г. / Краснояр. гос. ин-т искусств. – Красноярск : КГИИ, 2016. – С. 169–171.

31. Żytka, M. Psalmista – Klezmerzy – 3000 lat muzyki żydowskiej / M. Żytka // Po żydowsku... Tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze / pod red. D. Kalinowskiego. – Słupsk, 2005. – S. 117–136.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2018

Vavrenyuk I.I. Development Tendencies of Jews' Artistic Culture in Western Belarus (1921–1939)

The Jewish artistic culture was formed over the centuries and occupied one of the most important places in the culture of Western Belarus. In 1921–1939 it appeared in synagogue art, secular painting, drawing, sculpture, book miniatures, art posters and banners, decorative-applied art. Jewish artistic culture was a synthesis of secularism and religious tradition. The article analyzes the state of Jewish artistic culture of Western Belarus in 1921–1939. Based on the analysis of a number of sources, an attempt is made to display a holistic picture of the development of Jewish artistic culture in the Western Belarusian region, to identify the main development trends. The predominant development of certain forms of artistic culture was due to the specificity of the socio-political and socio-economic life of society.

УДК 94 (476) «1928/1939»

А.П. Дзмітрук

наслушніца жаночага манастыра Нараджэння Багародзіцы г. Брэста
e-mail: dep@tut.by

**ПРАЕКТЫ ПАРТЫЙ УРАДАВАЙ АРЬЕНТАЦЫІ
ПА АРГАНІЗАЦЫІ ГРАМАДСКА-ГАСПАДАРЧАЙ ПРАЦЫ
Ў ВІЛЕНСКИМ І НАВАГРУДСКИМ ВАЯВОДСТВАХ (1928–1939 гг.)**

Праекты партый урадавай арыентацыі ў сферы грамадска-гаспадарчай працы з'яўляюцца важнымі крыніцамі, якія дазваляюць зразумець мэты дзейнасці польскага ўрада на заходнебеларускіх землях, акрэсліць функцыі, замацаваныя за дадзенымі арганізацыямі ў руху пілсудчыкаў, даказаць пераемнасць і непарыўнасць у дзейнасці абедзвюх палітычных групавых, вылучыць створаную польскімі ўладамі арганізацыйна-прававую канструкцыю кіравання краем.

Уводзіны

Пачатак распрацоўкі партыямі праектаў па арганізацыі грамадска-гаспадарчай працы ўрада ў рэгіёнах быў пакладзены на агульнапольскім з'ездзе ў Варшаве ў 1933 г. [1; 2]. Яго вынікі і вынікі рэгіянальных з'ездаў былі апублікаваны Беспартыйным блокам супрацоўніцтва з урадам маршала Ю. Пілсудскага (ББСУ) пад назвай «З'езд дзеячаў грамадска-гаспадарчых гарадоў ваяводства...». На заходнебеларускіх землях з'езды прайшлі ў Палескім ваяводстве двойчы [3; 4], а дзеячы Віленскага і Навагрудскага паветаў правялі адзін аб'яднаны з'езд [5]. Другая групоўка – Лагер нацыянальнага аб'яднання (ЛНА) – выпрацавала некалькі дакументаў, якія сталі лагічным працягам папярэдніх, напрыклад, «Нарысы праекта ўдасканалення арганізацыі формаў працы над павышэннем узроўню палескага сельскагаспадарчага насельніцтва» [6, с. 1–6]. Віленска-Навагрудскі адзел апублікаваў «Праект рэформы сельскагаспадарчага самакіравання» [7] і «Пробны нарыс мінімальнай праграмы ў беларускай справе» [8].

У дадзеным артыкуле сканцэнтруемся на праектах, якія былі распрацаваны ў Віленска-Навагрудскай акрузе, каб прадэманстраваць іх пераемнасць; асноўная ўвага надаецца аналізу зместу праектаў па арганізацыі грамадска-гаспадарчай працы ўрада з мэтай вылучэння на іх аснове плана кіравання краем, які забяспечваў дамінаванне палякаў ў вызначанай сферы.

Ваяводская рада ББСУ ў Вільні сабрала ўдзельнікаў грамадска-гаспадарчага з'езда 8 верасня 1933 г. На пленарным пасяджэнні былі прачытаны два даклады: «Развіццё сельскай гаспадаркі як аснова гаспадарчага развіцця Віленшчыны і ўсходніх зямель» былога міністра сельскай гаспадаркі і зямельных рэформ і рэктара Віленскага ўніверсітэта В. Станевіча і «Праблемы рамяства і гандлю Віленшчыны» дырэктара Прамыслова-гандлёвай палаты В. Бараньскага. Далейшая праца з'езда праходзіла ў камісіях (сельскагаспадарчай, прамыслова-гандлёвай, самакіравання, працы) і секцыях [5]. Там ішло абмеркаванне гаспадарчых праблем; грамадскія пытанні ў асноўным былі асветлены на пленарным пасяджэнні.

Прабуджэнне энергіі і творчай ініцыятывы грамадства ў прамове В. Станевіча прагучала ў якасці непасрэднай мэты з'езда, якую ён прапаноўваў вырашаць праз ажыўленне і ўдасканаленне гаспадарчага жыцця Віленшчыны і ўсходніх зямель. А выкананне гэтага ў сельскагаспадарчым краі, на погляд рэктара Віленскага ўніверсітэта, звязана з павышэннем адукацыйнага ўзроўню сельскага насельніцтва, аднаўленнем дабрабыту вёскі, таму менавіта гэтая тэма стала галоўнай задачай, у вырашэнні якой былі зацікаўлены ўсе як на вёсцы, так і ў горадзе.

У няўдачах гаспадарчай палітыкі дзяржавы В. Станевіч абвінаваціў «сельскагаспадарчае грамадства, якое неарганізавана, разбіта і не можа змагацца за свае правы,

не ўмее карыстацца здабытымі ўрадам дасягненнямі». Аднак, з іншага боку, калі, нягледзячы на ўбогасць глебы, суровы клімат, фатальныя геапалітычныя ўмовы, нават крызіс, сельская гаспадарка на «ўсходніх землях» развівалася, то, на думку В. Станевіча, гэта заслуга чалавечага фактара, які «рэпрэзентуе вялікія каштоўнасці інтэлекту і характару» ва ўсіх сляях грамадства. І з дапамогай такой сельскагаспадарчай арміі, на яго погляд, можна змагацца і перамагаць, але і яе трэба арганізаваць. Цвёрдыя асновы для гэтага павінна было стварыць сельскагаспадарчае самакіраванне, якое абпіралася на добраахвотныя арганізацыі. Яно павінна стаць генеральным штабам, задачай якога было выпрацоўваць стратэгічныя планы, выбіраць тактыку, знаходзіць лідараў, якія б мелі аўтарытэт і магчымасць вывесці сельскую гаспадарку да барацьбы за лепшую будучыню. Праблема як «сельскагаспадарчага грамадства», так і «сельскагаспадарчай арміі» адна – іх неарганізаванасць, «няўменне сумесна і згодна працаваць». Таму адраджэнне сельскай гаспадаркі Віленшчыны трэба пачынаць з ліквідацыі гэтых недахопаў [5, с. 12–13].

З такімі палажэннямі згаджаўся дырэктар Прамыслова-гандлёвай палаты В. Бараньскі. Арганізоўваючы армію гаспадарчых дзеячаў, – перакананы Бараньскі, – трэба падумаць аб штабе. Нярэдка самастойныя кіраўнікі (сельскагаспадарчы, прамысловы, рамесны, некаторыя іншыя) глядзяць на агульныя гаспадарчыя праблемы праз прызму свайго эгаізму, інтарэсаў, устаноў. «Для дасягнення нашых мэт поўнасцю гарманізаваць акцыю з дзейнасцю элемента, які выконвае ўрадавую палітыку». В. Бараньскі прапаноўваў аб'яднаць усе сферы гаспадарчых дзеячаў, якія працуюць на дзяржаўнай службе, ажывіць адным духам і праграмай гаспадарчае грамадства і гаспадарчы ўрадавы апарат і самакіраванне [5, с. 12–13].

У адрозненне ад Палескага ваяводства ў рабоце з'езда грамадскія справы выразна стаялі на другім месцы. Яны складалі нязначны эпізод, а вось пытанні рацыянальнай арганізацыі рэгіянальнай гаспадаркі сталі асноўнымі. Віленская арганізацыя ББСУ выразна сканцэнтравалася не столькі на арганізацыйных формах, але на змесце і якасці прац. Справамі фарміравання сельскагаспадарчай арміі – арганізацыі мас, выпрацоўкі стратэгічных планаў, тактыкі, знаходжання лідараў – павінна было займацца сельскагаспадарчае самакіраванне, якое абпіралася на добраахвотныя арганізацыі, як на іншых тэрыторыях Польшчы. Стварэнне кіраўнічага адзінага штабу, выпрацоўка ім адзінай праграмы – вось на што была накіравана асноўная ўвага Віленскай рады ББСУ. Яе праект адпаведна больш шырокі па ахопе спраў, цэласны, навукова абгрунтаваны, чым у Палескай рады ББСУ.

Пасля роспуску ў 1935 г. ББСУ ўрадавы лагер у лютым 1937 г. стварыў новую палітычную арганізацыю – Лагер нацыянальнага аб'яднання (ЛНА). У 1937 г. Бюро даследаванняў ЛНА Віленскай і Навагрудскай акругі выступіла з «Праектам рэформы сельскагаспадарчага самакіравання» [7]. Першае, на што трэба звянуць увагу ў праекце, – гэта разыходжанні ў тэрыторыі, на якую павінна была распаўсюджвацца дадзеная рэформа: калі на вокладцы Праекта напісана «паўночна-ўсходнія землі», то ў тэксце – для «зямель былога Вялікага Княства Літоўскага» [7, с. 1–3].

У якасці асноўнай дзяржаўнай праблемы ўрад вызначыў «агітацыю народных мас для Польшчы, працу з пасіўнымі і негатыўна настроенымі элементамі з мэтай выхавання актыўных польскіх грамадзян». У краі, дзе больш за 80 % насельніцтва жывуць з працы ў сельскай гаспадарцы, гэтая справа звязана з праблемай удасканалення сельскай гаспадаркі і пашырэння эфектыўнай апекі над сельскагаспадарчым вытворцам. На дадзеным этапе ставілася задача павышэння культурна-гаспадарчага ўзроўню сельскага насельніцтва і моцная сувязь яго з польскай дзяржаўнасцю. Як прапаноўвалі вырашаць яе дзеячы Віленска-Навагрудскай акругі? Фактычна ў рэчышчы сваёй папярэдніцы, але з абгрунтаваннем сваёй пазіцыі. Адзначалася, што сялянскія масы немагчы-

ма выхаваць без вывядзення іх са стану галечы, без павышэння жыццёвага ўзроўню. «Кожны, хто ведае сітуацыю на паўночна-ўсходніх землях, не сумняваецца, што мясцовы селянін не стане грамадзянінам і не зменіць сваіх адносін да дзяржавы, пакуль яго жыццёвы ўзровень будзе знаходзіцца на ўзроўні галечы» [7, с. 5]. Імкненне да сацыялізацыі селяніна без адначасовага павышэння яго жыццёвага ўзроўню – гэта сізіфава праца. Адсюль прыйшлі да высновы, што трэба пачаць з паляпшэння быту народных мас як першачарговай задачы. «Сацыялізацыя павінна прыйсці сама, калі адбудзецца павышэнне ўзроўню асветы і палепшацца ўмовы існавання грамадзян. Але немагчыма з гэтага пачынаць. Гэта павінна стаць вынікам апекі, якую трэба распаўсюдзіць над земляробамі, але нельга рабіць яе пунктам выхаду» [7, с. 12]. Кіраўнікі Віленска-Навагрудскай акругі партыі лічылі: «Калі будзем мець за сабой рэальныя гаспадарчыя і культурныя дасягненні, тады ідэі і задачы лагера найлепш будуць зразумелымі для шырокіх мас, і насельніцтва само будзе схіляцца да ЛНА» [7, с. 3]. Таму прапаноўвалі адкласці на другі план арганізацыйныя амбіцыі, а асноўную ўвагу надаць зместу і якасці працы, у якіх разглядаць выключна карысць для насельніцтва, яго дабрабыт і прагрэс.

Паўстала пытанне, хто можа выканаць гэтую працу найбольш эфектыўна. У выніку прыйшлі да высновы, што такую працу павінен выконваць грамадскі элемент, мясцовы, але абсталяваны атрыбутамі публічна-прававой і прымусовай арганізацыі – развітае сельскагаспадарчае самакіраванне, якое ахоплівала сваёй дзейнасцю ўсіх сельскіх жыхароў, магло эфектыўна працаваць над паляпшэннем прадукцыі і павышэннем даходнасці гаспадарак. Тым больш, што згодна з арт. 8 распараджэння прэзідэнта Польшчы ад 22 сакавіка 1928 г. мэтамі яго дзейнасці былі: 1) прадстаўніцтва і абарона інтарэсаў сельскай гаспадаркі; 2) самастойныя дзеянні з мэтай падтрымкі сельскай гаспадаркі; 3) выкананне заканадаўства і супрацоўніцтва з уладамі.

Але, на погляд кіраўнікоў акруговай ЛНА, закон, вызначыўшы мэту, не надаў ім органаў, з дапамогай якіх яны маглі б дасягнуць яе. Адзінай яго формай з'яўляліся сельскагаспадарчыя палаты, якія не мелі падпарадкаваных органаў ў меншых тэрытарыяльных адзінках. Згодна з заканадаўствам палаты павінны былі абапірацца на тэрытарыяльнае самакіраванне і добраахвотныя сельскагаспадарчыя арганізацыі. Але гэтыя ўстановы, па перакананні кіраўнікоў ЛНА, не маглі быць прызнаны ў якасці органаў сельскагаспадарчых палат. Павятовая сельскагаспадарчая камісія ўхваліла толькі падзел сродкаў на сельскагаспадарчыя мэты, а гмінныя сельскагаспадарчыя камісіі займаліся статыстыкай і тэрэтычна ўдзельнічалі ў фарміраванні бюджэту. А найважнейшыя задачы: прадстаўніцтва інтарэсаў сельскіх жыхароў і ініцыятыва ў сферы паляпшэння вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі і жывёлагадоўлі – не належалі да сферы іх дзейнасці. Вылучалася сама камісія праз павятовы аддзел, які не з'яўляўся элементам грамадскага самакіравання. Адсюль дамінаванне ў камісіі бюракратычнага элементу і яе старшыні – старасты.

У сваю чаргу, добраахвотныя арганізацыі мэтай свайго існавання лічылі працу над паляпшэннем сельскай гаспадаркі, але слабым бокам іх дзейнасці была адсутнасць такіх рыс, як прымусовасць і ўніверсальнасць. Акрамя таго, параўноўваючы колькасць асоб, якія належалі да сельскагаспадарчых гуртоў, з лічбай самастойных гаспадарак у дадзеных ваяводствах, аўтары прыйшлі да высновы, што іх вельмі мала (сельскагаспадарчыя гурты аб'ядноўвалі ледзьве 1,2 % гаспадарак) [7, с. 10]. Такім чынам, паўстала пытанне, ці могуць яны дзейнічаць ад імя ўсіх земляробаў? Фактычна яны прадстаўлялі толькі сваіх членаў. Усё гэта парушала ідэю, закладзеную ў аснову пабудовы сельскагаспадарчага самакіравання.

Акрамя гэтага, нараканні з боку прадстаўнікоў Віленска-Навагрудскай акругі выклікаў асабовы склад сельскагаспадарчых палат. Радцы падзяляліся на дзве групы – прызначаныя і выбарныя; выбраныя дзяліліся на выбарных ад акруг і дэлегатаў акру-

говых таварыстваў сельскагаспадарчых арганізацый і гуртоў. І фактычна толькі радцы, выбарныя ад акруг, маглі лічыцца прадстаўнікамі сельскага насельніцтва, таму што добраахвотныя арганізацыі прадстаўлялі не шырокія слаі, а толькі элітарныя групы. Такім чынам, сельскагаспадарчае самакіраванне не было здольна выконваць свае задачы на «ўсходніх землях» [7, с. 14]. Зыходзячы з гэтага былі вызначаны мэты рэформы: 1) ахоп дзейнасцю ўсіх сялян праз наданне сельскагаспадарчаму самакіраванню рысаў прымусовасці; 2) стварэнне ў гмінах і паветах адпаведных органаў, якія б узяліся за рэалізацыю задачы гаспадарчага самакіравання; 3) рэфармаванне саміх палат.

Першым ідэю рэформы выказаў генерал Л. Жэлігоўскі, ён жа і распачаў яе на тэрыторыі Віленска-Трокскага павета [9]. Эксперыментальна на падставе дзеючых нормаў былі створаны камісіі гміннай рады, якія складаліся з дэлегатаў ад кожнай грамады (па адным), выбраных большасцю галасоў. Старшынёй мог быць войт або яго намеснік, або члены камісіі самі выбіралі старшыню з свайго склада. У якасці задач гэтых камісій выступалі: 1) планаванне дзейнасці гміны па падтрымцы развіцця сельскай гаспадаркі; 2) складанне каштарысу выдаткаў на сельскагаспадарчыя мэты і накіраванне гміннай радзе комплексных гаспадарчых прапаноў; 3) супрацоўніцтва з гмінным праўленнем пры выкананні бюджэту і плана працы сельскагаспадарчага аддзела [7, с. 18].

З 1 студзеня 1938 г. у рамках тэрытарыяльнага гміннага самакіравання было прадугледжана стварэнне ў кожнай гміне пасады сельскагаспадарчага інструктара, якім павінен быў стаць аграном. Ён ажыццяўляў функцыі сакратара гміннай сельскагаспадарчай камісіі і з'яўляўся яе выканаўчым органам. Арганізацыйна інструктар залежаў ад праўлення гміны, якое яго прызначала і звальняла, а прафесійна – ад павятовага агранома [9; 10]. Дзейнасць сельскагаспадарчага інструктара як формы самакіравання мела прымусовы характар і ахоплівала ўсіх сельскіх жыхароў. Адначасова на павятовым узроўні была створана асобная сельскагаспадарчая камісія з 15 выбраных членаў (па адным ад кожнай гміннай [7]). Яе задачамі сталі распрацоўка павятовага сельскагаспадарчага бюджэту, распрацоўка планаў працы ў павеце. Асобнага выканаўчага органа павятовай камісіі не прадугледжвалася, бо яна павінна была цесна супрацоўнічаць з павятовым аграномам [7, с. 20].

Наступная стадыя рэалізацыі праектаў урада па арганізацыі грамадска-гаспадарчай працы патрабавала ўнясення змен у заканадаўства. На ўзроўні гмін прапаноўвалася папраўка аб наданні рэформе прымусовага характару, аб абавязковым стварэнні сельскагаспадарчых камісій ва ўсіх гмінах. На погляд аўтараў праекта, структура і склад камісій павінны былі заставацца такія ж, але замест дэлегатаў ад добраахвотных сельскагаспадарчых арганізацый іх членаў павінны былі выбіраць ад грамады – па адным ад кожнай, за выключэннем солтысаў і падсолтысаў. Акрамя гэтага, патрабавалася надаць камісіям права рашаючага голасу. Аўтары рэкамендавалі абавязкова ўвесці ў кожнай гміне пасаду сельскагаспадарчага інструктара з дакладным акрэсленнем яго абавязкаў і прынцыпаў адносін камісіі з гміннай радай і праўленнем [7, с. 20].

На ўзроўні павета аўтары праекта абгрунтавалі неабходнасць стварэння пры павятовай радзе ячэек іншых гаспадарчых палат у выглядзе гаспадарчых камісій, таму значэнне «сельскагаспадарчай» ў назве магло і не выкарыстоўвацца. У іх склад павінны былі ўвайсці прадстаўнікі гмін (па адным ад кожнай), а таксама прадстаўнікі гмінных сельскагаспадарчых камісій і два дэлегаты ад добраахвотных арганізацый. Выканаўчым органам камісіі на гэтым узроўні і яе сакратаром павінен быць аграном. Ён арганізацыйна падпарадкоўваўся павятовому аддзелу, а прафесійна – палаце. Для ажыццяўлення гэтых праектаў патрабавалася ўнясенне паправак у закон аб самакіраванні і распараджэнне прэзідэнта Польшчы аб сельскагаспадарчых палатах. На ваяводскім узроўні ў адносінах да гаспадарчага самакіравання прапаноўвалася падзяліць яго, а значыць

проста захаваць існуючы стан. Але найбольш значныя змены павінны былі адбыцца ў структуры сельскагаспадарчай палаты.

1. Неабходна было зменшыць колькасць прызначаных радцаў або ўвогуле скасаваць гэтую катэгорыю.

2. Рэкамендавалася дзейнасць сельскагаспадарчай палаты грунтаваць на працы не добраахвотных арганізацый, а павятовай гаспадарчай камісіі на чале з аграномам і гміннай сельскагаспадарчай камісіі на чале з інструктарам.

3. Пажадана было б даверыць нагляд за дзейнасцю сельскагаспадарчай палаты органам ніжэйшага ўзроўню і забяспечыць большую яе незалежнасць ад адміністрацыйнай улады. Дастаткова таго, што міністэрства сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформаў мела права роспуску сельскагаспадарчай палаты.

4. На агульнадзяржаўным узроўні прапаноўвалася аб'яднаць гаспадарчае самакіраванне ў адзінае цэлае ў форме павятовай гаспадарчай палаты [7, с. 21].

Адмова ад добраахвотных сельскагаспадарчых арганізацый як падставы дзейнасці сельскагаспадарчай палаты супярэчыла агульнадзяржаўным прынцыпам і выклікала негатыўную рэакцыю. Распачаўся адкрыты канфлікт паміж цэнтральным органам ЛНА і мясцовымі аддзяленнямі.

Такім чынам, Бюро даследаванняў ЛНА Віленскай і Навагрудскай акругі па сутнасці захоўвала асноўную канцэпцыю, распрацаваную ў рамках рэгіянальнага ББСУ, але патрабавала кардынальна змяніць арганізацыйную апору, што прывяло да складання праекта рэформы сельскагаспадарчага самакіравання. Калі аналізаваць вертыкальную структуру, прапанаваную ў праекце Віленска-Навагрудскай арганізацыі, то заўважым, што яна кардынальна парушае агульнадзяржаўную не толькі зменай базавай адзінкі (замест грамадскіх арганізацый ёй павінна была стаць гмінная сельскагаспадарчая камісія), але ў першую чаргу верхняй часткі пабудовы, якая фактычна стала падвоянай. Апошняе відавочна на ўзроўні павета, дзе створана гаспадарчая камісія на чале з аграномам, якая падпарадкоўвалася не толькі сельскагаспадарчай, але і гандлёва-прамысловай палаце. Аб'яднанне ўсіх рэгіянальных гаспадарчых сіл, прадстаўленых у палатах, і выпрацоўка адзінай праграмы для польскага грамадства і адміністрацыі – галоўны момант, цэнтралізуючы польскія сілы і сродкі.

У якасці базавай адзінкі ЛНА прапанавала гмінную сельскагаспадарчую камісію, якая разглядалася як ячэйка адпаведнай палаты ў тэрытарыяльным самакіраванні. Прапанавана было кардынальна змяніць яе склад. Замест дэлегатаў ад грамадскіх арганізацый у яе склад павінны былі ўвайсці па адным дэлегаце ад кожнай грамады, выбраным звычайнай большасцю галасоў.

Фактычна рэгіянальная ЛНА захавала элітарны метады працы (з дэлегатамі ад грамады), але ён не перашкаджаў дабівацца масавага ўздзеяння, як таго патрабаваў урад. Першачарговы ўплыў аказваўся на дэлегатаў ад грамады, якія ў сваю чаргу «прамянявалі» на сваю тэрыторыю. Уцягванне сельскага насельніцтва ў працы гаспадарчага самакіравання вырашана было зрабіць за кошт яго прымусовага характару і апоры на тэрытарыяльнае самакіраванне.

Аб'ектам уздзеяння стала сельскагаспадарчая камісія гміннай рады, вакол якой планавалася аб'яднаць народныя масы з працамі сельскагаспадарчага самакіравання. Кансалідацыю польскага грамадства забяспечвала адзіная праграма і аб'яднанне гаспадарчых палат, а каардынацыю – аграном. Усе ключавыя пазіцыі сканцэнтраваны ў руках палякаў.

Заклучэнне

1. Арганізацыя грамадска-гаспадарчых з'ездаў, складанне па даручэнні ўрада і цэнтральных партыйных органаў праектаў сведчаць аб арганізацыйна-кіраўнічых функцыях партый у грамадска-палітычным жыцці. Яны выступаюць як суб'ект кіравання.

2. Праекты на рэгіянальным узроўні, нягледзячы на асаблівасці ў змесце працы, дэманструюць арганізацыйнае адзінства і пераемнасць паміж ББСУ і ЛНА. Партыі ўрадавай арыентацыі ў Віленскім і Навагрудскім ваяводствах у сваіх прапановах выразна сканцэнтраваліся на пытаннях рацыянальнай арганізацыі рэгіянальнай гаспадаркі, на змесце і якасці працы. Фактычна назіраецца імкненне выпрацаваць арганізацыйна-эканамічны метады ўздзеяння на земляробаў.

3. Распрацавана канцэпттуальная аснова паланізацыі. Першачарговымі былі вызначаны пытанні ўдасканалення сельскай гаспадаркі і пашырэння эфектыўнай апекі над сельскагаспадарчым вытворцам. На думку аўтараў праектаў, разам з распрацоўкай шляхоў павышэння дабрабыту будзе весціся і паланізацыя сельскага насельніцтва. Зварот сельскага гаспадары за апекай – вынік дзейнасці палат, адпраўная кропка паланізацыі, што павінна было прадвызначыць яе эфектыўнасць за кошт добраахвотнасці і свядомасці працэсу. Такім чынам, галоўны аб'ект ўздзеяння – селянін.

4. Змест паланізацыйнага ўздзеяння ў разгледжаных дакументах не раскрываецца. Назва другога дакумента «Пробны нарыс...» паказвае, што ён знаходзіўся ў стадыі распрацоўкі. Затое праекты дэманструюць арганізацыйны, структурны бок паланізацыі. Рэгіянальныя аддзяленні партый урадавай арыентацыі на заходнебеларускіх землях займаліся распрацоўкай і ажыццяўленнем арганізацыйнага забеспячэння дамінавання польскай меншасці ў грамадска-гаспадарчым жыцці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych zwołany przez BBWR, Warszawa, 18.19 i 20.V 1933 r. – Warszawa : Nakładem BBWR, 1934. – 204 s.
2. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Zesp. 105. Syg. 78.
3. Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych miast województwa Poleskiego / BBWR. – Brzesc nad Bugiem : Nakładem Poleskiego wojewódzkiego sekretariatu BBWR, 1934. – 60 s.
4. AAN. – Zesp. 323. K. 12.
5. Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych miast województwa Wileńskiego zwołany przez radę wojewódzką BBWR w Wilnie 8 i IX 1933 r. / red. dr. A. Hirschberg i mgr. L. Pawłowski. – Wilno : Nakładem BBWR, 1933. – 170 s.
6. Государственный архив Брестской области. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 22.
7. Projekt reformy samorządu rolniczego na ziemiach północno-wschodnich / Biuro Studiów OZN okręgu Wileńskiego i Nowogródzkiego. – Wilno : Znicz, 1937. – 24 s.
8. Januszewska-Jurkiewicz, J. Koncepcje programowe działaczy Obozu Zjednoczenia Narodowego Okręgu Wileńskiego i Nowogródzkiego w kwestji białoruskiej / J. Januszewska-Jurkiewicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2005. – № 23. – S. 192–212.
9. AAN. – Zesp. 105. Syg. 83.
10. Żeligowski, L. O gospodarce samorządowej gromad i gmin powiatu wileńskotrockiego : odbitka z Kurjera Wileńskiego z dn. 2.XII.1937 / L. Żeligowski. – Wilno : Znicz, 1937. – S. 1–3.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.10.2017

Dzmitruk A.P. Projects of Governmental Parties in the Area of Socio-Economic Work in Vilnius and Novogrudok Province 1928–1939

The party project of the government's orientation in the sphere of socio-economic work are important governmental sources that allow us to understand the objectives of the Polish government on the Belarusian lands, and to delineate the functions assigned to these organizations in the movement of Pilsudski, to prove the continuity in the activities of both political groups, to allocate established by the Polish authorities organizational legal construction of administration.

УДК 94(47)«1941/1945»:303.446.4

Т.П. Савчук

канд. ист. наук, доц. каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Silivaniuk@tut.by

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Рассмотрены основные научно-методологические подходы современных российских и белорусских ученых к проблеме исторической памяти. Анализируются актуальные и дискуссионные аспекты изучения данного феномена в российской и белорусской историографии. Обозначены современные ключевые тенденции в исследовании памяти. К числу таковых относится повышенный интерес к изучению национальных особенностей памяти, а также появление в условиях развития информационных технологий новых способов коммеморации прошлого. Делается вывод о том, что ключевым элементом исторической памяти жителей Беларуси и России является память о Великой Отечественной войне. Акцентируется внимание на специфике белорусского образа войны.

Введение

Особенностью современной историографической ситуации является активное обращение гуманитариев к проблемам памяти (исторической, социальной, коллективной) и начало систематической разработки различных аспектов прошлого. Изучение исторической памяти сформировалось в самостоятельное научное направление – *memoria studies*. Отношение между памятью и историей, а также история памяти стали в последнее десятилетие важной темой публичных дискуссий не только историков, но и социологов, культурологов, философов, литературоведов, психологов.

Ключевые категории памяти сформировались в XX в.: «память мира» ввел французский культуролог А. Моль, «коллективную память поколений» предложил американский социолог Г. Шуман. Дальнейшее развитие они получили в работах французского ученого, основателя школы «Анналов» М. Блока. Кроме него понятия «коллективная память», «социально-историческая память», «культурно-историческая память» использовали в своих трудах такие историки, как П. Берк, А. Бюргер, Ж. Гофф, Л. Февр, Р. Шартье. Научная постановка проблемы исторической памяти связана с работками М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, П. Рикера, Ф. Йейтса и др. [1; 2].

В России и Беларуси исследования памяти имеют свои особенности. Анализ концептуальных подходов российских и белорусских ученых к проблеме исторической памяти является целью данной статьи.

Российская и белорусская историография проблемы исторической памяти

Основателем теории исторической памяти считается французский философ, социолог и психолог М. Хальбвакс. В работе «Социальные рамки памяти» [3] он предложил рассматривать память как коллективный социальный феномен. По его мнению, человеческая память не может функционировать вне общества, причем это касается не только социальных групп, но и каждого индивида. Именно извне, из общественного сознания эпохи, человек заимствует, с одной стороны, исторические вехи, а с другой – категориальный аппарат, понятия и средства, позволяющие воспоминанию оформиться. Важнейшим инструментом исследования коллективной памяти, к которому прибегает М. Хальбвакс, является понятие «рамка». Рамка – это совокупность «опорных точек и системных единиц», к которым человек привязывает свои личные воспоминания. Это та среда, которая служит основанием памяти индивидуальной [4, с. 129].

Теоретическая позиция французского ученого по проблеме соотношения памяти и истории состояла в том, что он считал эти понятия оппозиционными. М. Хальбвакс акцентировал внимание на различиях между типами прошлого, которое они восстанавливают. Коллективная память творит связь прошлого и настоящего, тогда как история разрывает данную преемственность. История имеет дело с прошлым, очищенным от живой памяти [5, с. 106]. В развитие этой мысли П. Рикёр рассматривает историю и память как два принципиально разных способа воссоздания прошлого [6]. Известный французский историк П. Нора, развивая взгляды Хальбвакса, заявил, что «история убивает память» [7].

С конца 1980-х гг. начинается новый период в разработке темы исторической памяти. Это было обусловлено кардинальными политическими, экономическими и социокультурными трансформациями, которые переживали не только российское, но и все постсоветские общества. «Распад советского образа истории потребовал пересмотра и переопределения национального исторического нарратива, поиска объединяющих способов осмысления своей истории» [8, с. 187]. На сегодняшний день в России сформировалась обширная библиография по данной проблеме, которая включает в себя как отдельные публикации, так и монографические, а также диссертационные работы. Определенный интерес в рамках нашей темы представляют социологические исследования исторической памяти. Так, диссертационная работа социолога М.Г. Дмитриевой [2] посвящена комплексному изучению содержания, функций исторической памяти, роли государственной политики и учреждений культуры в ее формировании и развитии. Она определяет историческую память «как совокупный опыт общества (социальной группы, этноса, граждан государства), сформированный в процессе развития представлений о мире, который является важным для ныне живущего поколения и хранится при помощи системы средств массовой информации, социальных институтов (образования, музеев, библиотек и т.д.) для актуализации и последующего использования» [2, с. 9]. Данной дефиниции придерживаются также Е.П. Тавокин, И.А. Табатадзе, которые фокусируют внимание на объекте исторической памяти. Это «прошлое во всем многообразии его проявлений в духовной и материальной сферах жизни общества через связь поколений» [9, с. 62]. В целом, количественные исследования социологов, базирующиеся на результатах опросов общественного мнения, позволяют выделить основные топоры в представлениях о прошлом жителей России.

Различные аспекты феномена исторической памяти изучают российские историки И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, Е.С. и А.С. Сенявские, О.С. Поршнева. Вопросы соотношения исторической памяти и исторического сознания рассматриваются в публикациях Е.А. Приходько, С.О. Лебедевой, И.Е. Козновой, Ж.Т. Тощенко [10].

Отдельные вопросы темы разрабатывают уральские ученые И.В. Грибан, О.Н. Грибан, И.А. Попп, Л.Н. Мазур [11]. Так, в статье И.В. Грибан «Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов» [12] наряду с осмыслением актуальных и дискуссионных аспектов обозначены современные ключевые тенденции развития исследований исторической памяти. К числу таковых, во-первых, относится повышенный интерес к изучению национальных особенностей памяти, сравнению национальных моделей памяти, поиск как специфики, так и общих координат, которые сближают национальные образы прошлого. Во-вторых, по мнению И.В. Грибан, происходит «виртуализация истории и исторической памяти». Развитие информационных технологий приводит к появлению новых способов коммеморации прошлого. «Изучение недостатков и преимуществ, особенностей и последствий формирования исторической памяти в режиме онлайн, по-видимому, в ближайшем будущем станет актуальным направлением исследований» [12, с. 339].

Дискуссионными для российской исторической науки остаются вопросы соотношения истории как науки и исторической памяти, отсутствия единого подхода к определению термина «историческая память», роли профессиональных историков в ее формировании. Однако, несмотря на наличие спорных вопросов, большинство российских ученых единодушно в том, что основным элементом исторической памяти российского населения является память о Великой Отечественной войне. Другие достижения, которыми следует гордиться, исследования ранжировали в следующем порядке: послевоенное восстановление страны; великие российские поэты, писатели, композиторы; достижения отечественной космонавтики; первый полет Ю. Гагарина в космос; достижения российских спортсменов и др. [9, с. 64].

Выделим основные методологические подходы к исследованию данной проблемы. В настоящее время определились государственно ориентированный, личностно ориентированный и объединительный подходы. В государственно ориентированном подходе память о войне понимается как политический феномен, инструмент строительства нации. Несмотря на то, что этот подход является основным для социологических исследований проблемы, историки также активно обращаются к вопросам «политики памяти» [9; 13; 14]. «Положительная память» о Великой Отечественной войне позиционируется как основа общности российской нации, как «величайшее проявление народного единства, торжество российских цивилизационных принципов над абсолютным злом – расизмом и фашизмом» [14, с. 59].

Сторонники личностно-ориентированного направления рассматривают военную память как явление индивидуальное, результат личной утраты, травматической реакции личности на смерть близких. Психологическая травма личности (или коллективная травма представителей причастных к событию групп) определяет формы мемориализации войны. В целом значительно выросло количество работ, посвященных «человеческому измерению» войны, выполненных в контексте таких современных исследовательских направлений, как социальная история, микроистория и военно-историческая антропология [15]. В отдельных публикациях раскрываются специфика восприятия военных событий представителями разных родов и видов войск, их фронтовой быт, формирование образа «врага», взаимное восприятие союзников и противников в годы Великой Отечественной войны [16]. Осмысление фронтового поколения как определенной социально-психологической общности позволило говорить о противоречивости военного опыта, ставить проблемы выхода бывших фронтовиков из войны и их адаптации к мирной жизни.

Современные исследователи памяти более склонны к развитию третьего – объединительного – направления. При этом подходе строится многомерная модель анализа памяти о войне, репрезентацию которой одновременно определяют структурные условия функционирования общества (политика государства) и «чувства» отдельных людей и социальных групп, пострадавших от войны. Ученые анализируют функции и формы воплощения памяти о войне в литературе и искусстве, музыке и кинематографе, монументальных мемориалах и средствах массовой информации, механизмы формирования героических символов и мифов войны, сам опыт осуществления политики памяти в российском обществе [17].

Что касается белорусских исследований, то проблему исторической памяти изучают преимущественно социологи: И.В. Котляров, А.А. Ластовский, О.А. Матусевич, Н.Л. Мысливец и др. Особенность социологического подхода заключается в рассмотрении данной категории как основного элемента национальной идентичности, ключевого механизма консолидации общества [8; 18; 19]. Более того, проблема сохранения памяти трактуется как проблема государственной безопасности и важный фактор политической стабильности в условиях мировых глобализационных процессов [20, с. 16]. В ме-

тодологическом плане белорусские социологические исследования базируются на существующей европейской традиции изучения памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман и др.). Однако следует обратить внимание на мнение историка О.А. Матусевич, утверждающей, что «социологических опросов по проблеме массовых представлений о прошлом в Беларуси, в сравнении с нашими ближайшими соседями, крайне мало. Результаты этих исследований ввиду фрагментарности и разовости проведения не дают возможности комплексно анализировать социальную память белорусов» [21, с. 75].

Определенный вклад в изучение исторической памяти белорусского народа внес белорусский социолог А.А. Ластовский [8; 18; 22]. Он выделил три уровня памяти исходя из дискурсивной стратификации общества. Первый уровень – официальный; он формируется властным дискурсом и «представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого» [18, с. 88]. Это т.н. культурная память Яна Ассмана. Основными способами ее трансляции сегодня выступают институт образования и средства массовой информации. Второй уровень составляют социальные представления о прошлом, которые формируются в результате усвоения культурной памяти в общественном сознании. Третий уровень, по мнению А.А. Ластовского, – это коммуникативная память. Это личный опыт прошлого, повседневная коммуникация [18, с. 88–89].

Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую национальную идентичность, по мнению большинства ученых, является память о Великой Отечественной войне. По данным ряда социологических исследований большинство граждан Беларуси главным событием прошлого столетия назвали победу в Великой Отечественной войне. Война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, поскольку это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило будущее всего мира, и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества. В-третьих, историческая память про победу в Великой Отечественной войне, как справедливо утверждает директор Института социологии НАН Беларуси И.В. Котляров, «выступает структурообразующим элементом духовного состояния белорусского народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление существующих проблем, на решение насущных экономических, социальных и политических задач» [23, с. 133].

Результаты социологических исследований показали, что память о войне является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций в белорусском обществе [8, с. 189]. А.А. Ластовский акцентирует внимание на том, что белорусский образ войны имеют свою специфику. Во-первых, это огромные потери белорусского народа, что придает белорусам статус не только народа-героя, но и народа-мученика. Во-вторых, это вклад белорусского народа в победу над фашизмом, особенно массовое партизанское движение на территории Беларуси [8, с. 189].

Рассматривая механизмы формирования в Беларуси исторической памяти о войне, Н.Л. Мысливец отмечает изменения в этом процессе на протяжении последних десятилетий. Они связаны в первую очередь с тем, что большинство участников войны ушли из жизни. «Постепенно исчезает межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения “живой памяти”» [19, с. 24]. К числу современных проблем в сохранении памяти о войне в среде подрастающего поколения ученый относит отдаление и разрыв поколений, потерю доверия к авторитету учителя и родителей. Однако именно «семья, государство и образовательная сфера продолжают оставаться ключевыми институтами формирования исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне» [19, с. 28]. Таким образом, существуют устойчивые основания для ее дальнейшего развития. В целом историческая память о Великой Отечественной войне,

по мнению отечественных социологов, является «ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [8, с. 189].

Современные отечественные историки, в отличие от социологов, основное внимание сосредоточили на изучении отдельных форм репрезентации исторической памяти о Великой Отечественной войне (А.А. Коваленя, А.М. Литвин, К.И. Козак, Э.Г. Иоффе, Т.П. Савчук, А.С. Шамрук, С.В. Грунтов и др.). Особое место среди работ белорусских историков занимают публикации А.А. Ковалени [24]. Заслужено ученого является изучение памяти о Великой Отечественной войне как комплексной проблемы. Исследователь подчеркивает значимость воинских памятников в жизни общества, поскольку они «играют определенную роль в формировании национальной гордости, патриотического и национального самосознания белорусского народа» [24, с. 277]. Рассматривая деятельность государственных органов, общественных объединений в сфере мемориализации, А.А. Коваленя показывает, что работа по изучению и увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны является частью государственной политики.

Различные аспекты организации и проведения поисковой работы стали предметом исследования В.В. Шумского [25]; изучением роли мемориализации Великой Отечественной войны в военно-патриотического воспитания занимается Н.А. Журавков [26]; социальный аспект увековечения исторической памяти рассматривает К.И. Козак [27]. Тема мемориализации жертв Холокоста представлена в исследованиях М.Б. Ботвинника [29], Л. Левина [29], И. Смиловицкого [30]. Деятельность государственных органов и общественных организаций по сохранению памяти о Великой Отечественной войне на протяжении всего послевоенного периода освещена в монографии Т.П. Савчук [31]. Основное внимание в этой работе сконцентрировано на отображении процесса проектирования, сооружения и сохранения военных памятников.

Современные тенденции художественно-композиционного решения воинских мемориалов отражены в публикациях П.В. Войницкого, Л.Е. Дягилева, А.С. Шамрук [32]. Семантика мемориальных памятников, в том числе и Великой Отечественной войны, явилась предметом диссертационного исследования С.В. Грунтова [33]. Анализируя значение воинских мемориалов, автор делает вывод о том, что «возведение мемориальных памятников жертвам Великой Отечественной войны и создание мемориальных ритуалов стали важными элементами патриотического воспитания белорусов» [33, с. 15].

Достижением белорусской науки можно считать историографическое осмысление проблемы исторической памяти. Одной из первых к этой теме обратилась О.А. Матусевич, которая предприняла попытку отобразить основные результаты в изучении исторической памяти в Беларуси [21]. О.А. Матусевич подчеркивает востребованность темы исторической политики, в рамках которой осуществляется анализ содержания учебной литературы, в том числе учебника как места памяти. В недостаточной мере, считает автор, изучена мемориальная культура и коммеморативная практика, наградная политика, трансформация городского ландшафта. Делается критический вывод о том, что «узловые проблемы формирования и функционирования исторической памяти белорусов рассмотрены эпизодически, и отсутствуют попытки комплексного исследования данного феномена... Научное сообщество осознает актуальность и важность этой исследовательской проблемы, однако значительная часть авторов, обратившись к ней единожды, впоследствии не занимается изучением исторической памяти, что объясняет противоречивость и нередко поверхностность ряда публикаций, после прочтения которых становится очевидной слабая методологическая проработка исследования» [21, с. 76]. Скепсис ученого сохраняется и в отношении роли Великой Отечественной войны в формировании позитивного сценария будущего.

Заклучение

Концепция исторической памяти представляет собой актуальное и востребованное исследовательское направление, существующее на стыке разных гуманитарных дисциплин. Особенность современной историографической ситуации рассматриваемой проблемы заключается в обращении к национальным моделям памяти, выделении общих и специфических черт исторической памяти народов, а также появлении новых способов коммеморации прошлого, «виртуализации истории и исторической памяти».

Российскими и белорусскими учеными накоплен значительный опыт теоретического осмысления данного феномена, разработаны и его прикладные аспекты. К числу достижений российских исследователей следует отнести наличие специальных работ, в которых предпринята попытка комплексной проработки проблемы исторической памяти. Что касается белорусской историографии темы, то ее теоретические аспекты рассматриваются преимущественно в рамках социологических проектов. Приходится констатировать, что теория и методология исторической памяти пока не нашли своих исследователей в среде отечественных историков. В то же время в последние годы появляются специальные работы, посвященные изучению отдельных форм репрезентации памяти, главным образом памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевым элементом исторической памяти народов Беларуси и России, по мнению большинства ученых, является память о Великой Отечественной войне. Она представляет собой уникальное социальное и культурное явление. Эта память может передаваться от поколения к поколению посредством различных символов и практик, составляющих сложный процесс мемориализации. Сохранение (забвение) памяти о Великой Отечественной войне напрямую зависит от участников коммеморации: политики государства и отдельно взятого человека, социальной группы, общества. Специфика белорусского образа войны заключается в особой роли партизанского движения в победе над фашизмом, а также в огромных потерях белорусского народа, что дает право считать белорусов «не только народом-героем, но и народом-мучеником».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман, Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 368 с.
2. Дмитриева, М. Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / М. Г. Дмитриева ; Рос. акад. гос. службы при президенте РФ. – М., 2005. – 30 с.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
4. Сабанчеев, Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса / Р. Ю. Сабанчеев // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2. – С. 127–132.
5. Романовская, Е. В. Феномен памяти: между историей и традицией / Е. В. Романовская // Философия и о-во. – 2010. – № 1. – С. 98–109.
6. Рикер, П. Память. История. Забвение / П. Рикер. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
7. Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.
8. Ластовский, А. А. Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности / А. Л. Ластовский // Социол. альм. – 2010. – Вып. 1. – С. 187–195.

9. Тавокин, Е. П. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне / Е. П. Тавокин, И. А. Табатадзе // Социол. исслед. – 2010. – № 5. – С. 62–66.

10. Кознова, И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения / И. Е. Кознова // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 23–34; Приходько, Е. А. Историческая память и историческое сознание / Е. А. Приходько, С. О. Лебедева // История, философия, полиология и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 132–135; Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. 2000. – № 4. – С. 3–14.

11. Грибан, И. В. Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне / И. В. Грибан, О. Н. Грибан // Преподавание истории в шк. – 2016. – № 1. – С. 33–37; Грибан, И. В. Кино как источник формирования исторической памяти: из опыта деятельности студенческого кино-клуба «Двадцать пятый кадр» / И. В. Грибан, А. В. Неволин // Бюл. науки и практики. – 2017. – № 9. – С. 184–188; Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2013. – № 3. – С. 243–256.

12. Грибан, И. В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов / И. В. Грибан // Бюл. науки и практики. – 2016. – № 11. – С. 334–342.

13. Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической памяти наследников СНГ и ЕС / Т. С. Гузенкова (отв. ред.) [и др.]. – М. : РИСИ, 2015. – 460 с.

14. Баранов, А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия / А. В. Баранов // Наследие веков. – 2017. – № 2. – С. 55–61.

15. Алексеенок, А. А. Особенности исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне детей войны методом фокусированного интервью / А. А. Алексеенок, Т. В. Игнатова // Среднерус. вестн. обществ. наук. – 2014. – № 6 (36). – С. 43–48; Иванова, Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах / Ю. Н. Иванова. – М. : Рос. полит. энцикл., 2002. – 256 с.; Чернышева, Н. В. Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны: ист.-социол. анализ (на материалах Кировской области) / Н. В. Чернышева // Женщина в рос. о-ве. – 2016. – № 3 (80). – С. 98–105.

16. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с.; Сенявская, Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение : ист.-психол. исслед. / Е. С. Сенявская. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – 220 с.

17. Репрезентация памяти о победе в Великой Отечественной Войне на страницах донской периодической печати / М. В. Братолобова [и др.] // Социосфера. – 2015. – № 4. – С. 11–17; Кринко, Е. Ф. Институционализация памяти: научно-организационные формы и практики изучения Великой Отечественной войны в советской и постсоветской историографии / Е. Ф. Кринко // Історіографічні дослідження в Україні. – 2012. – № 22. – С. 247–264; Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 784 с.; Талавер, А. Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м) / А. Талавер. – М. : Высш. шк. экономики, 2013. – 56 с.

18. Ластовский, А. Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Л. Ластовский // Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4. – С. 88–99.

19. Мысливец, Н. Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ / Н. Л. Мысливец // Филос. и соц. науки. – 2015. – № 4. – С. 23–29.

20. Великая Отечественная война в исторической памяти современной молодежи (по материалам социологического опроса учащихся средних школ г. Гродно и Гродненской области / Н. Л. Мысливец [и др.] // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества (Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается) : материалы Респ. науч.-практ. конф., г. Барановичи, 17 апр. 2015 г. / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2015. – С. 16–18.

21. Матусевич, О. А. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы / О. А. Матусевич // Тр. Белорус. гос. технол. ун-та. Сер. 6, История, философия. – 2017. – № 2 (203). – С. 74–78.

22. Ластовский, А. Л. Историческая память белорусских поляков: между официальными нарративами и семейными преданиями / А. Л. Ластовский // Социол. альм. – 2011. – Вып. 2. – С. 290–301; Ластовский, А. Л. Историческая память в содержании культурной идентичности / А. Л. Ластовский // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества : сб. науч. тр. – Минск, 2009. – С. 284–299.

23. Катляроў, І. В. Памяць аб Вялікай Айчыннай вайне – свяшчэнная / І. В. Катляроў // Полымя. – 2009. – № 7. – С. 132–135.

24. Коваленя, А. А. Великая Победа: время и память / А. А. Коваленя // Наука и инновации. – 2010. – № 5. – С. 27–30; Коваленя, А. А. Великая Победа. 70 лет спустя... / А. А. Коваленя, М. А. Краснова // Образование Минщины. – 2015. – № 2 (55). – С. 3–8; Коваленя, А. А. Героизм, мужество, самоотверженность: навечно в памяти народной / А. А. Коваленя // Беларусь, 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Кн. 2. – С. 275–330; Коваленя, А. На века в памяти людей / А. Коваленя, Е. Колесникова // Неман. – 2010. – № 5. – С. 171–189.

25. Шумский, В. В. Государственный учет воинских захоронений в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В. В. Шумский // Погибшие – Пленные – Захороненные: цифры и факты о советских и немецких жертвах в период Второй мировой войны и послевоенное время : ст. и докл. Междунар. конф., Дрезден, 2010 г. – Режим доступа: <http://www.dokst.ru/content>. – Дата доступа: 20.04.2010; Шумский, В. Поиск продолжается... / В. Шумский // Немига лит. – 2004. – № 1. – С. 114–123.

26. Журавков, М. А. Деятельность органов и учреждений образования по увековечению памяти защитников Отечества и жертв фашизма в Беларуси (1944–2005 гг.) / М. А. Журавков // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 4. – С. 34–36; Журавков, М. А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М. А. Журавков // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 28–29 апр. 2005 г. : в 2 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 175–178.

27. Козак, К. І. Малавядомая жаночая гісторыя вайны – гісторыя барацьбы і выжывання / К. І. Козак // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 4 сак. 2005 г. / адк. рэд.: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2006. – С. 7–56; Козак, К. І. Мемарыялізацыя вайны: сацыяльныя аспекты / К. І. Козак // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў : матэрыялы Міжнар. навук. семінара, Мінск, 1 верас. 2003 г. / Нац. архіў Рэсп. Беларусь ; адк. рэд.: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2004. – С. 200–201.

28. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Ботвинник. – Минск : Беларус. навука, 2000. – 325 с.; Ботвинник, М. Б. Холокост в книгах «Память» Республики Беларусь / М. Б. Ботвинник. – Минск : Ковчег, 2008. – 179 с.

29. Левин, Л. К вопросу о мемориализации мест массового уничтожения жертв Холокоста на территории Беларуси / Л. Левин // Уроки Холокоста: история и современность : сб. науч. работ / сост. и ред. Я. З. Басин. – Минск, 2010. – Вып. 3. – С. 174–177.

30. Смиловицкий, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : [б. и.], 2000. – 432 с.

31. Савчук, Т. П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси : монография / Т. П. Савчук. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – 168 с.

32. Войницкий, П. Мемориалы Великой Отечественной. Этапы эволюции / П. Войницкий // Архитектура и стр-во. – 2004. – № 2. – С. 48–52; Дягилев, Л. Е. Мемориальные сооружения в современной городской среде / Л. Е. Дягилев // Науч.-информ. вестн. Белорус. акад. архитектуры. – 2003. – Вып. 1. – С. 21–24; Шамрук, А. Память о Красном Береге / А. Шамрук // Архитектура и стр-во. – 2008. – № 7. – С. 88–90.

33. Грунтоў, С. У. Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII – пачатку XXI ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / С. У. Грунтоў ; НАН Беларусі, Ін-т мастацтва, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2011. – 22 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2018

Savchuk T.P. Historical Memory in the Works of Contemporary Russian and Belarusian Researchers: Methodological Approaches

The main scientific and methodological approaches of contemporary Russian and Belarusian scientists to the problem of historical memory were considered. Current and debatable aspects of study of this phenomenon in Russian and Belarusian historiographies were analyzed. Modern key tendencies in memory research were indicated. Among these is the increased interest in the study of national memory features, as well as the appearance in the conditions of the development of information technologies of new ways of commemorating of the past. A conclusion is drawn, that the key element of the historical memory of the inhabitants of Belarus and Russia is the remembrance of the Great Patriotic War. The attention is focused on the specifics of the Belarusian way of the war.

Т.Н. Беляцкая¹, В.С. Князькова²

¹канд. экон. наук, доц., зав. каф. менеджмента

Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

²магистр экон. наук, магистр техн. наук, преподаватель каф. менеджмента

Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

e-mail: ¹beliatskaya@bsuir.by; ²veronica@tut.by

ЭКОСИСТЕМА ЭЛЕКТРОННОЙ ЭКОНОМИКИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Рассмотрено понятие экосистемы электронной экономики и его основные структурные компоненты. Динамика данного феномена показана с помощью таких показателей, как численность пользователей сети Интернет, распределение пользователей сети Интернет по возрастным группам, среднее время нахождения пользователей онлайн. Проанализировано понятие «цифровые аборигены», предложенное Международным союзом электросвязи, приведены данные по их численности во всем мире, а также в развивающихся и развитых странах. Исследована роль образования и науки в электронной экономике, показана динамика государственных расходов разных стран, включая Республику Беларусь, на образование, проведен сравнительный анализ расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Республике Беларусь в сравнении другими странами мира, проанализирована динамика численности исследователей с учеными степенями в Республике Беларусь.

Введение

Сегодня во всем мире происходит переход от постиндустриального к информационному обществу. Этот переход затрагивает все сферы деятельности человека: техническую, экономическую, социальную и т.д. Перемены носят многоаспектный характер, меняя привычные нам паттерны и стратегии поведения как на микро-, так и на макроуровнях. Информационное общество породило новый тип экономических отношений – электронную экономику. Электронная экономическая система может быть определена как совокупность распределенных и автоматизированных (в разной степени) социотехнических подсистем, взаимосвязанных инфокоммуникациями, экономическими законами и законами управления [1, с. 7]. Экосистема электронной экономики определена ее социально-технической сущностью и представляет собой совокупность электронных автоматизированных компонентов (например, роботы, участвующие в сделках и в процессах принятия решения), функционирующих во взаимосвязи с социальными компонентами (индивидами, домашними хозяйствами, организациями). Взаимодействие электронных и социальных компонентов между собой осуществляется по правилам, фиксируемым алгоритмами взаимодействия и законодательными актами, структурная взаимосвязь элементов осуществляется на принципах сетевого взаимодействия. Таким образом, экосистему электронного рынка можно определить как техно-социальную распределенную систему, описывающую взаимодействие агентов (действующих лиц) рынка и среды функционирования рынка в единстве и взаимосвязи.

Феномен «цифровых аборигенов»

Мир стремительно меняется. Одной из причин такого изменения является сеть Интернет. В таблице 1 приведена статистика по 20 странам мира с максимальной численностью пользователей сети Интернет (данные на 31.03.2017 г.) [2]. Из таблицы видно, что в 20 странах мира приживает 67 % населения Земли; там же находятся 73 % всех пользователей сети Интернет. Наибольшее проникновение сети Интернет в таких странах, как США, Япония, Россия, Германия, Великобритания, Иран, Франция, Ита-

лия, Южная Корея. Впечатляют и темпы роста численности пользователей сети Интернет: в целом в мире почти 1 000 % за период 2000–2017 гг.; в Бангладеш – более 65 000 %.

Таблица 1. – Статистика пользователей сети Интернет (данные 2017 г.)

Ранг	Страна	Численность населения	Число пользователей сети Интернет	Проникновение сети Интернет, %	Темпы роста (2000–2017 гг.), %
1	Китай	1 388 232 693	731 434 547	52,7	3 150,8
2	Индия	1 342 512 706	462 124 989	34,4	9 142,5
3	США	326 474 013	286 942 362	87,9	200,9
4	Бразилия	211 243 220	139 111 185	65,9	2 682,2
5	Индонезия	263 510 146	132 700 000	50,4	6 535,0
6	Япония	126,045,211	118 453 595	94,0	151,6
7	Россия	143 375 006	104 553 691	72,9	3 272,7
8	Нигерия	191 835 936	93 591 174	48,8	46 695,6
9	Германия	80 636 124	71 727 551	89,0	198,9
10	Мексика	130 222 815	69 915 219	53,7	2 477,6
11	Бангладеш	164,827,718	66 965 000	40,6	66 865,0
12	Великобритания	65 511 098	60,273 385	92,0	291,4
13	Иран	80,945,718	56 700 000	70,0	22 580,0
14	Франция	64 938 716	56 367 330	86,8	563,1
15	Филиппины	103 796 832	54 000 000	52,0	2 600,0
16	Италия	59,797,978	51 836 798	86,7	292,7
17	Вьетнам	95 414 640	49 741 762	52,1	24 770,9
18	Турция	80 417 526	46 196 720	57,4	2 209,8
19	Южная Корея	50,704,971	45 314 248	89,4	138,0
20	Таиланд	68 297 547	41 000 000	60,0	1 682,6
Всего		5 038 740 614	2 738 949 556	54,4	914,7
Остальные станы		2 480 288 356	993 023 867	40,0	990,6
Весь мир		7 519 028 970	3 731 973 423	49,6	933,8

На рисунке 1 приведено распределение пользователей сети Интернет по возрастным группам (данные на ноябрь 2014 г.) [3].

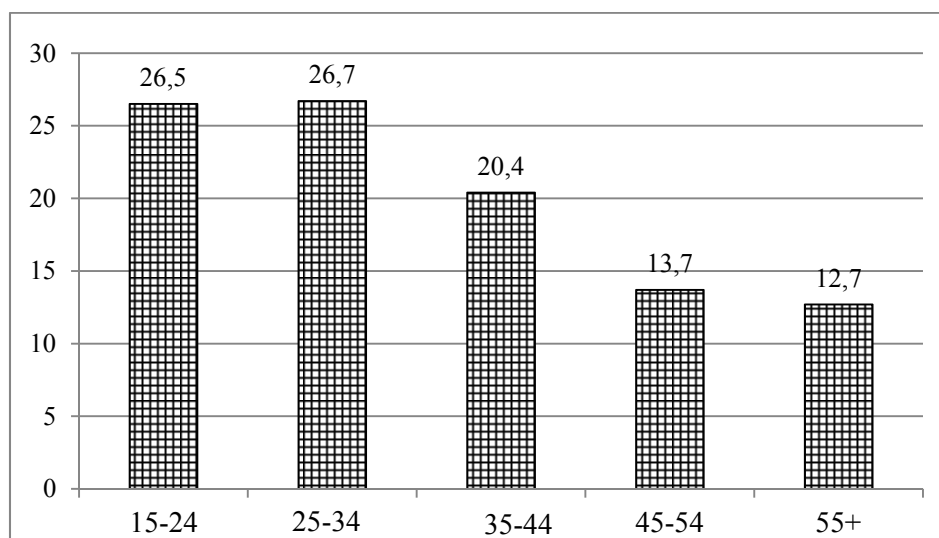

Рисунок 1. – Пользователи сети Интернет по возрастным группам, %

Из рисунка 1 видно, что более половины (53,2 %) пользователей составляет молодежь – люди в возрасте 15–34 лет. Они же являются и наиболее активными пользователями: в среднем ежедневно проводят в Сети 185 мин; люди старше 55 лет ежедневно в Интернете 43 мин (данные за второй квартал 2016 г.) (рисунок 2) [4].

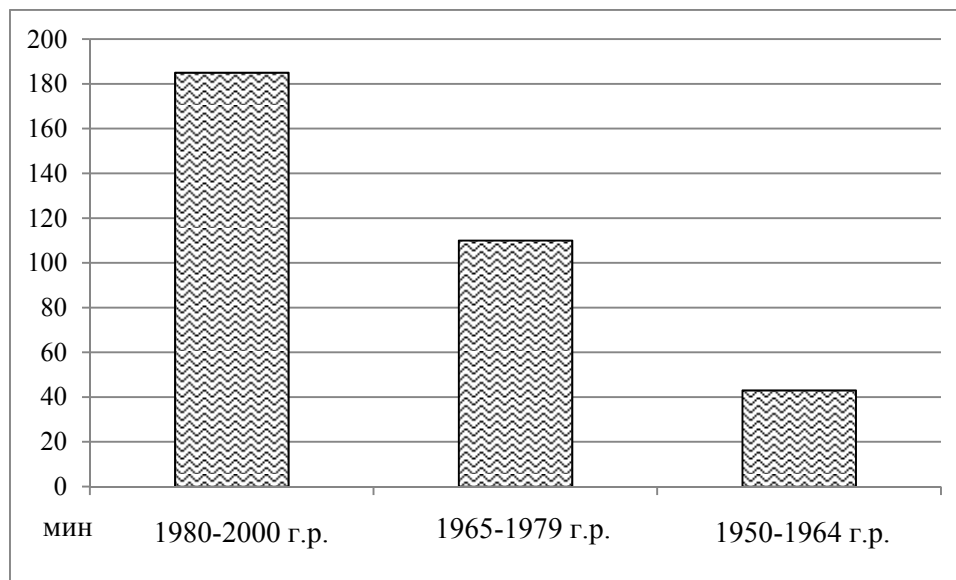

Рисунок 2. – Время нахождения в сети Интернет онлайн, мин

Отметим, что пол не играет такой решающей роли, как возраст; наоборот: в Европе Интернет-пользователями были 74,3 % женщин и 81 % мужчин, в странах СНГ – 57,7 % женщин и 62,2 % мужчин, в Америке – 66,2 % женщин и 65,8 % мужчин, в арабских странах – 34,1 % женщин и 39,8 % мужчин (данные за 2016 г.) [5].

Такое резкое распределение пользователей сети Интернет по возрасту не могло остаться незамеченным. Более двух десятилетий ведутся споры по поводу появления в мире отдельной и заметной группы молодых людей, которые рождены в цифровую эпоху и взрослеют, используя информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) в своей повседневной жизни. Эту группу «сетевой» молодежи часто называют «цифровыми аборигенами», и за последние два десятилетия она была предметом обширных исследований и теоретических умозаключений. Хотя в литературе нет единого мнения по поводу точного воздействия, которое ИКТ оказывают на молодых людей, существует общее согласие в том, что цифровые мультимедиа меняют то, как люди обучаются, играют, готовятся к жизни в обществе. Кроме того, анализ соответствующей литературы показывает, что до настоящего времени вопрос «цифровых аборигенов» и подключенной к сети молодежи исследовался недостаточно.

В 2011–2012 гг. Международный союз электросвязи (МСЭ) разработал модель для оценки численности «цифровых аборигенов» в мире. В ней «цифровые аборигены» определяются как группа подключенной к Сети молодежи в возрасте 15–24 лет с пятью и более годами опыта «онлайновой» деятельности. В наше время немногим более 5 % населения планеты, или 30 % молодого населения, являются «цифровыми аборигенами». Согласно этой модели, в 2012 г. в мире насчитывалось около 363 млн «цифровых аборигенов» при общей численности населения в мире около 7 млрд человек, т.е. «цифровых аборигенов» около 5,2 % населения планеты [6].

В широком смысле «цифровые аборигены» представляют собой меньшинство сегодняшней молодежи. Это вызвано, в первую очередь, относительно низкими показателями

телями пользования Интернетом во многих развивающихся странах с многочисленным молодым населением, но также и тем фактом, что ИКТ – это сравнительно новое явление. И в 2007 г., когда молодые люди уже должны были пользоваться Интернетом, чтобы сегодня считаться «цифровыми аборигенами» (поскольку требуется не менее пяти лет интернет-практики, чтобы попасть в эту категорию), уровень проникновения Интернета был относительно низким: им пользовался только 21 % мирового населения (рисунок 3).

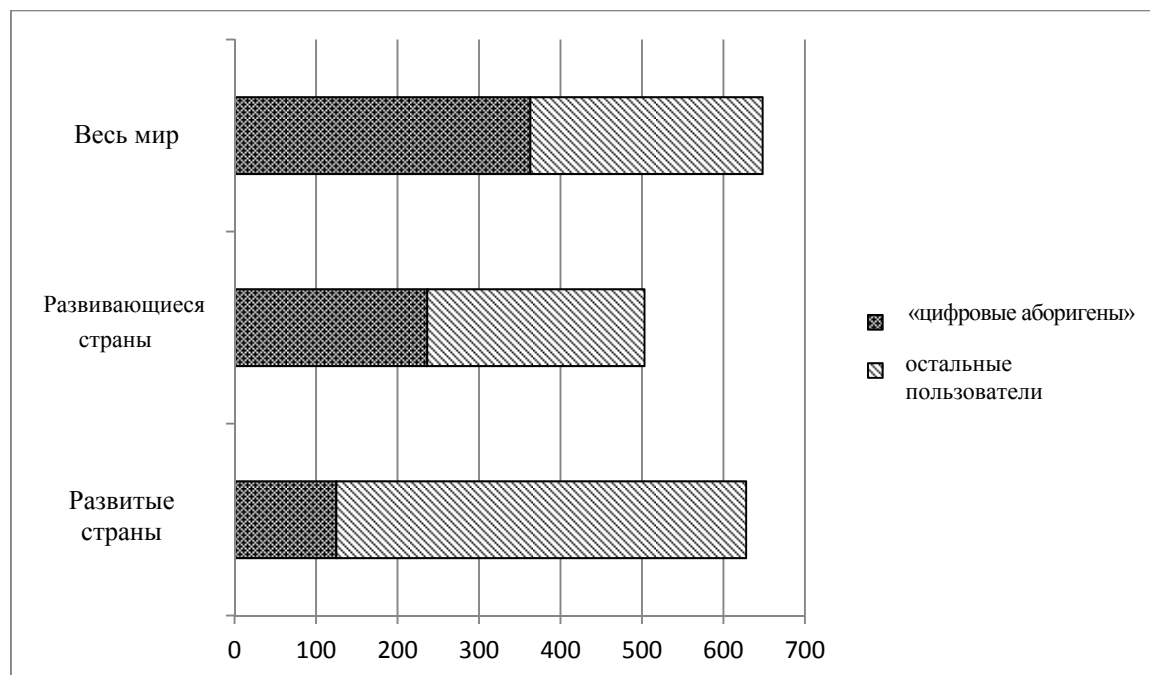

Рисунок 3. – Численность «цифровых аборигенов», млн человек [6]

Доля «цифровых аборигенов» в регионах варьируется от 10 % в Северной и Южной Америке до 1,9 % в Африке. Африка и Азиатско-Тихоокеанский регион отличаются относительно низкими показателями числа «цифровых аборигенов» на душу населения по сравнению, например, с Европой. Численность «цифровых аборигенов» в стране связана также с уровнем ее (экономического) развития. Около 4,2 % населения развивающихся стран являются «цифровыми аборигенами», тогда как в развитых странах это 10 % населения. Во многих странах долей молодых людей в общей численности населения весьма высокая. Такая демографическая ситуация особенно распространена в развивающихся странах и регионах, в частности в Африке. На региональном уровне доля населения в возрасте 15–24 лет колеблется от 20,2 % в Африке до 12,4 % в Европе.

К странам с медианными значениями относятся, например, Беларусь и Сирия: 5,5 и 5,4 % «цифровых аборигенов» соответственно. Китай – страна с самой большой численностью «цифровых аборигенов» – весьма близок к медианному значению: «цифровые аборигены» составляют 5,6 % его населения. В странах с самой высокой долей «цифровых аборигенов» (а это страны с высоким доходами и доходами выше среднего) очень высок уровень общего проникновения Интернета, они лидеры по индексу развития ИКТ (IDI), и в них относительно высокая доля молодого населения.

По данным МЭС [6], «цифровыми аборигенами» можно считать чуть более половины (56 %) молодых людей, пользующихся Интернетом. Это означает, что в 2012 г. во всем мире насчитывалось около 285 млн (44 %) «новичков» (молодых людей с менее

чем пятилетним опытом использования Интернета). За последние пять лет в развивающихся странах значительно увеличился уровень использования Интернета: с 11,9 % в 2007 г. до 30,7 % в 2012 г. 53 % молодых людей, пользующихся Интернетом в развивающихся странах, сегодня пока не входят в категорию «цифровых аборигенов». Поэтому в предстоящие пять лет число «цифровых аборигенов» увеличится более чем в два раза при условии, что никто из нынешних молодых людей, пользующихся Интернетом, не откажется от него.

Современная мировая научная мысль выделяет и иные новые общественные группы. Так, в довольно любопытной работе Я. Зодерквиста и А. Барда «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» [7] выделены общественные группы, организованные по сетевому принципу: нетократы (от англ. сеть и лат. власть), консьюмтариат (от англ. «потребление»). Авторы отмечают, в информационном обществе доминируют властные иерархии. Правда, организованы они не так, как прежде, на основе личностей, компаний или организаций, а на основе членства в тех или иных сетях. На нижнем уровне этой пирамиды располагается консьюмтариат, «заклученный в сеть неограниченного потребления», членом которой может стать любой желающий. Основная деятельность этой сети – потребление – регулируется свыше.

Определяющей характеристикой нового низшего класса уже не является его функция сырья или затратной статьи для предприятий правящего класса, новая роль – быть потребителями. Суть не в том, что производит низший класс и производит ли вообще, а в том, что он потребляет и (что даже более важно) потребляет ли вообще. «Пролетариат» в информационном обществе предназначен прежде всего для потребления и, по терминологии А. Барда и Я. Зодерквиста, становится консьюмтариатом (англ. to consume – потреблять).

Ряд исследователей характеризуют постиндустриальное общество как «общество профессионалов», где основным классом является «класс интеллектуалов», а власть принадлежит меритократии – интеллектуальной элите. Как писал основоположник постиндустриализма Д. Белл, «постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [8, с. 562]. При этом уже сейчас отчетливо проявляются тенденции «имущественного расслоения по признаку образования».

Креативный класс, творческий класс (термин, предложенный Р. Флоридой для обозначения социальной группы населения, включенной в постиндустриальный сектор экономики) представляет собой часть среднего класса, ставшую самой влиятельной и массовой социальной группой в развитых странах (к примеру, в США их доля составляет 30 % всех работающих). Именно он сегодня служит образцом для подражания и формирует общественное мнение в развитых странах.

В отличие от рабочего и обслуживающего классов представители творческого класса предпочитают вертикальному продвижению по служебной лестнице горизонтальное перемещение и смену мест работы в пользу наиболее творческой. Также они предпочитают моральное и духовное удовлетворение денежно-материальному. Для людей данной группы характерной чертой также является ярко выраженное чувство индивидуальности и личной свободы. Среди профессий, которыми овладевают представители творческого класса, – журналисты, писатели, ученые, инженеры, артисты, художники, специалисты PR, бренддизайнеры. В целом это участники основанной на знании высокотехнологичной экономики, требующей наличия творческого мышления и способности к нешаблонному решению задач.

Роль образования и науки в электронной экономике

В новой формации огромная роль отводится образованию, в особенности в области технических наук, а также высшему образованию с точки зрения повышения компетенций и квалификации рабочей силы. Кроме того, важным также является проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Развитие науки и образования поможет странам избежать проблемы социального неравенства, вызванного различием в уровне ИКТ-навыков.

Международные исследования показывают, что активное проникновение ИКТ во все сферы жизни общества напрямую связано с ИКТ-навыками; при этом прослеживается тенденция увеличения заработной платы для лиц с более высоким уровнем навыков в сфере ИКТ. Неравенство в зарплатах будет расти и дальше, так как квалифицированные рабочие будут демонстрировать более высокую производительность труда за счет применения современных технологий. На данный момент около 70 % сотрудников в Великобритании используют в той или иной степени автоматизированное или компьютеризированное оборудование и около 40 % сотрудников утверждают, что компьютерное оборудование является необходимым в их работе [9].

Ряд исследований также обнаружили положительную связь между уровнем образования индивида и использованием им современных технологий. Следовательно, расходы на образование оказывают непосредственное влияние на экономический рост, особенно в том случае, если высокий уровень образования и навыков идет параллельно с процессами инноваций, ведущими к более высоким темпам роста технологического прогресса. Кроме того, более высокий уровень квалификации рабочей силы упрощает использование и распространение новых технологий. Таким образом, образование оказывает влияние не только на уровень квалификации рабочей силы, но также и на инновационный потенциал как коммерческих организаций, так и страны в целом. В таком случае целесообразно разрабатывать и реализовывать политику, нацеленную на мотивацию постоянного повышения уровня образования, которая принесет выгоду как экономике страны в целом, так и вовлеченным в образовательный процесс индивидам.

Расходы на НИОКР могут также рассматриваться как инвестиции в знания, которые могут быть использованы для разработки новых технологий и более эффективных способов использования существующих ресурсов. В данной связи можно утверждать, что более высокие расходы на НИОКР приведут к более высоким темпам экономического роста. Результатами исследований могут воспользоваться не только сами инноваторы из-за эффекта распространения.

Эмпирические результаты исследований подтверждают наличие значительного влияния инвестиций в НИОКР на темпы экономического роста. Необходимо отметить, что обычно НИОКР, проводимые бизнесом, являются более инновационными и нацелены на внедрение новых производственных процессов, быстро приводящих к повышению производительности труда. НИОКР в других сферах (например, энергетика, здравоохранение, университетские исследования) не приведут к повышению технологического уровня в краткосрочной перспективе. Тем не менее они могут генерировать базисные знания с возможным технологическим распространением. Последнее сложно идентифицировать главным образом из-за длительных временных лагов и возможных взаимодействий с повышением качества человеческого капитала и других факторов, влияющих на экономический рост.

Рассмотрим некоторые показатели образовательной и научной деятельности в Республике Беларусь. На рисунке 4 представлена динамика расходов на образование (% от государственных расходов в целом) и расходов на образование (как % от ВВП) в динамике за период 1999–2014 гг. (данные 2001–2003 гг. отсутствуют) [10].

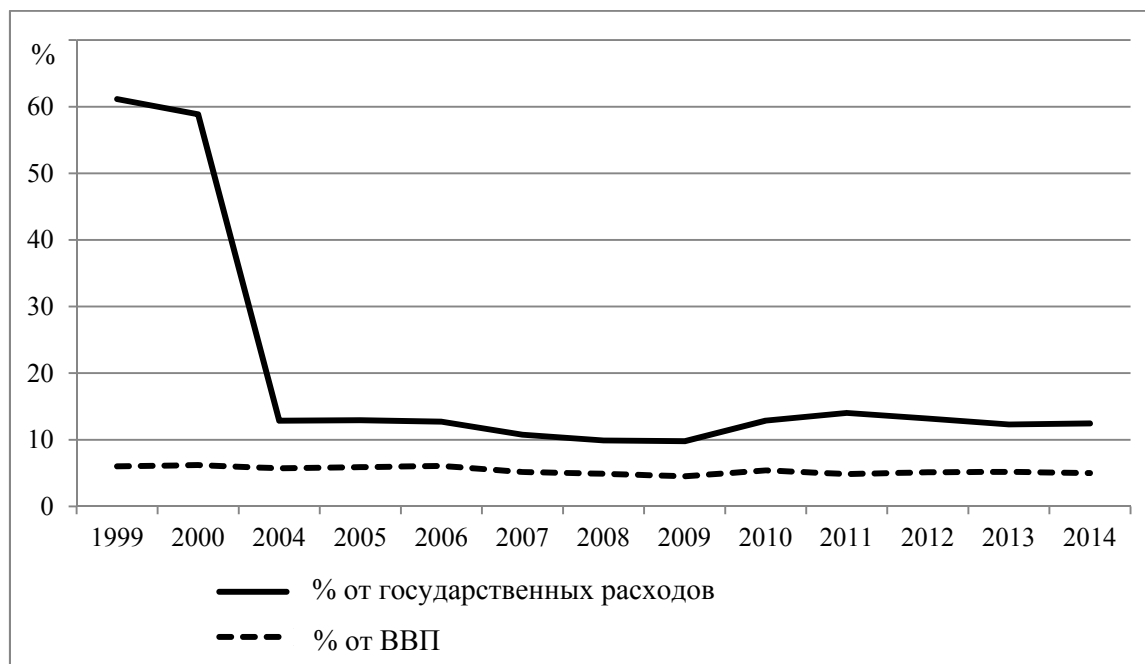

Рисунок 4. – Динамика расходов на образование в Республике Беларусь, %

Из рисунка видно, что расходы государства на образование в % от ВВП достаточно стабильны и составляют в среднем 5,4 %. Резкий спад произошел в динамике расходов на образование относительно общих расходов государства: с 61 % в 1999 г. до 12,4 % в 2014 г. (почти в 5 раз).

В таблице 2 представлены данные по расходам на НИОКР за 2013 г. [10].

Таблица 2. – Расходы на НИОКР, % от ВВП

Страна	Расходы на НИОКР	Страна	Расходы на НИОКР
Корея	4,15	Италия	1,31
Израиль	4,09	Бразилия	1,24
Япония	3,47	Новая Зеландия	1,17
Швеция	3,31	Россия	1,13
Финляндия	3,30	Литва	0,95
Дания	3,08	Турция	0,94
Австрия	2,96	Польша	0,87
Германия	2,83	Хорватия	0,82
США	2,73	Греция	0,81
Бельгия	2,43	Украина	0,76
Франция	2,24	Египет	0,68
Австралия	2,20	Беларусь	0,67
Китай	2,01	Болгария	0,64
Голландия	1,96	Латвия	0,61
Чехия	1,91	Куба	0,47
Исландия	1,87	Кипр	0,46
Эстония	1,71	Чили	0,39
Канада	1,69	Колумбия	0,26
Великобритания	1,66	Армения	0,22
Норвегия	1,65	Азербайджан	0,21
Ирландия	1,54	Казахстан	0,17
Венгрия	1,40	Кыргызстан	0,15
Португалия	1,33	Грузия	0,08

Республика Беларусь, к сожалению, не относится к лидерам по уровню расходов на НИОКР: в Беларуси они ниже, чем в Корее, в 6 раз. Это не могло не отразиться на численности ученых-исследователей. В таблице 3 приведены данные относительно численности исследователей с учеными степенями в области технических наук (как было указано выше, именно технические науки являются базисом формирования ИКТ-навыков в стране) [11].

Таблица 3. – Исследователи с учеными степенями по техническим наукам (2010–2015 гг.)

Год		2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего исследователей		12 257	12 051	11 601	11 195	10 435	9 964
В том числе	доктора наук	205	192	162	174	164	136
	кандидаты наук	945	887	829	792	767	673

Из таблицы 3 видно, что всего лишь за 5 лет численность исследователей в технических науках снизилась в 1,2 раза; при это численность докторов наук снизилась в 1,5 раза, а кандидатов – в 1,4 раза. Отметим, что эта тенденция проявляется на фоне повышенного внимания и спроса во всем мире именно на технические знания и навыки.

Такой тренд характерен не только для технических наук: за 2014–2015 гг. численность исследователей в целом по Республике Беларусь снизилась на 2,4 %. Эти негативные явления несут угрозу будущему нашей страны, ее национальной безопасности, ведь уже в ближайшем будущем человечество столкнется с необходимостью постоянного обучения в течение всей жизни, а для этого необходимы люди, способные проводить исследования и разработки и передавать свои знания другим.

Заключение

Проведенный анализ особенностей перехода к информационному обществу позволил сформулировать следующие выводы.

1. Перемены происходят быстрыми темпами (к примеру, в среднем в мире темп роста численности пользователей сети Интернет за 2000–2017 гг. составил 933,8 %).

2. Основное социально-демографическое различие между пользователями – это их возраст: более половины пользователей сети Интернет – люди в возрасте от 15 до 34 лет. Эта группа в литературе получила название «цифровые аборигены».

3. Республика Беларусь относится к странам с медианными значениями «цифровых аборигенов»; Китай – страна с самой большой численностью «цифровых аборигенов», а самая высокая доля «цифровых аборигенов» в странах с высоким доходами и доходами выше среднего уровня.

4. Показана роль образования и НИОКР в новой формации, а также проанализированы государственные расходы на образование и науку в Республике Беларусь.

Анализ показал, что произошел резкий спад в динамике расходов на образование относительно общих расходов государства: с 61 % в 1999 г. до 12,4 % в 2014 г. (почти в 5 раз). Это послужило одной из причин снижения численности исследователей в технических науках в 1,2 раза за период 2010–2015 гг., что в условиях постоянно повышающейся дигитализации мировой социально-экономической системы может привести к необратимым негативным последствиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция электронной экономики / Т. Н. Беляцкая [и др.] // Электронная экономика: теория, модели, технологии / под общ. ред. Т. Н. Беляцкой, Л. П. Князевой. – Минск : БГУИР, 2016. – 252 с.
2. Top 20 countries with the highest number of Internet users [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>. – Date of access: 14.07.2017.
3. Internet use by age group worldwide as of November 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/272365/age-distribution-of-internet-users-worldwide/>. – Date of access: 14.07.2017.
4. Average daily time spent online via mobile by internet users worldwide as of 2nd quarter 2016, by generation (in minutes) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/428425/daily-time-spent-online-mobile-age/>. – Date of access: 14.07.2017.
5. Internet usage rate worldwide in 2015, by gender and region [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/491387/gender-distribution-of-internet-users-region/>. – Date of access: 14.07.2017.
6. Измерение информационного общества, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2013/MIS2013-exec-sum_R.pdf. – Дата доступа: 14.07.2017.
7. Зодерквист, Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Я. Зодерквист, А. Бард. – СПб. : Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
8. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Академия, 1999. – 786 с.
9. Schleicher, A. PIAAC: A New Strategy for Assessing Adult Competencies [Electronic resource] / A. Schleicher // International Review of Education. – 2008. – Vol. 54, № 5. – P. 627–650. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11159-008-9105-0>. – Date of access: 23.04.2017.
10. The World Bank Databank [Electronic resource]. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>. – Date of access: 14.07.2017.
11. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2016 [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/nauka-i-in-novatsii/ofitsialnye-publikatsii-_3/-index_5129/. – Дата доступа: 14.07.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.07.2017

Belyatskaya T.N., Knyazkova V.S. E-economy Ecosystem: Intellectual Factor

The article analyzes the concept of e-economy ecosystem and its principal components. Dynamics of this concept is shown through such indicators as number of Internet users, age and gender structure of Internet users, average time spent in Internet online. The concept of «digital aboriginal» by International Telecommunication Union was analyzed along with statistical data. The importance of education and research and development was studied. The indicators such as government spending on education as percent of GDP and as percent of total government spending as well as dynamics of researches in Belarus were studied.

УДК33.338.5

Н.И. Зайцева¹, А.В. Кутень²

¹ст. преподаватель каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²студентка 4 курса юридического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ninazaits@mail.ru

АМОРТИЗАЦИОННЫЕ ОТЧИСЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕБЕСТОИМОСТИ ПРОДУКЦИИ

Амортизационные отчисления – источник дополнительных инвестиций в хозяйственную деятельность предприятия, его капитал. Рассмотрение вопросов начисления амортизации обусловлено важностью рационального управления себестоимостью, что определяет цену на товар или услугу и в конечном итоге влияет на прибыль предприятия. В статье рассмотрены методы начисления амортизации основных производственных фондов и нематериальных активов. Правильный выбор метода начисления амортизации во многом определяет качество формирования учетной политики на предприятии. В случае неверного выбора метода амортизации основных средств предприятие несет существенные потери.

Введение

Республика Беларусь – экспортно-ориентированное государство с развитой промышленностью, сектором услуг и сельским хозяйством. Беларусь придерживается модели социально ориентированной рыночной экономики, которая доказала свою состоятельность и эффективность. В целом за 2010–2016 гг. ВВП увеличился в сопоставимых ценах на 11,2 % при росте производительности труда за этот период на 17,8 % [1]. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Республике Беларусь вырос с 15,4 тыс. долл. США в 2010 г. до 17,7 тыс. долл. США в 2015 г. Среди стран СНГ по этому показателю Беларусь занимала 4 место из 11 стран, опережая такие страны, как Армения, Туркменистан, Украина [1]. Однако, оценивая эту ситуацию, не надо забывать, что большая роль в современном бизнесе принадлежит предприятию. Уровень эффективности хозяйственной деятельности предприятий во многом определяется целенаправленным формированием капитала. Одним из главных показателей работы предприятия является выручка, поэтому сложно переоценить значение цен в условиях рыночной экономики. В частности, они определяют структуру производства, оказывают воздействие на движение материальных потоков, влияют на распределение товарной массы, создают объемы производства, прибыли и рентабельности. Грамотная ценовая политика, ценовая стратегия и тактика – основа успешной деятельности любого предприятия. Формирование цены начинается в сфере производства, и одним из важных факторов, который должен учитываться в этом процессе, являются издержки изготовителя. В условиях рынка предприятие может выжить и нормально функционировать только в том случае, если будет покрывать свои расходы за счет выручки, полученной от продажи продукции.

Чтобы добиться конкурентоспособности своего товара или услуги, увеличить прибыль и объем продаж, производитель должен обращать внимание на способы снижения себестоимости продукции. Себестоимость продукции является важным показателем, характеризующим работу предприятия. Особая роль при определении себестоимости продукции принадлежит учетной политике предприятия и организации бухгалтерского учета, влияющих на принятие оптимальных решений в хозяйственной деятельности, а именно амортизационной политики.

Понятие амортизации

«Амортизация» в переводе с латинского означает «бессмертие» («морт» – смерть, «а» – отрицательная частица). «Бессмертие» основных производственных фондов достигается путем накопления денежных средств, на которые будут приобретены новые фонды, когда наступит полный износ действующих основных фондов и нематериальных активов (НА) [2]. Затраты на приобретение основных средств (ОС) и в налоговом, и в бухгалтерском учете списываются в расходы через амортизацию. В налоговом учете метод амортизации влияет на величину налогооблагаемой прибыли. От способа начисления амортизации в бухгалтерском учете зависит скорость уменьшения остаточной стоимости ОС и себестоимость выпускаемой продукции. Это может иметь значение при уплате налога на имущество и при управлении себестоимостью. Экономический смысл амортизации состоит в искусственном сокращении нормативных сроков службы основных производственных фондов (ОПФ) и НА путем уменьшения их стоимости. Это позволяет предприятию возратить в более короткие сроки вложенный капитал в форме стоимостного износа ОС и НА.

Основная цель амортизации – накопление средств, необходимых для последующего полного восстановления ОПФ и НА. Амортизация как экономическая категория выполняет следующие функции:

- денежное возмещение износа основных фондов;
- инвестирование на простое и расширенное воспроизводство;
- формирование издержек на производство и реализацию продукции;
- определение налогооблагаемой прибыли;
- экономическое обоснование инвестиций;
- предотвращение чрезмерного морального и физического износа основных фондов;
- развитие и ускорение темпов НТП и др.

Когда предприятие приобрело актив, по которому начисляется амортизация, оно тем самым привлекает финансирование от инвестора. За срок службы данного актива продукты, производимые предприятием, должны сгенерировать такой объем денежных средств, который позволит ему погасить эти вложения. Применительно к денежному потоку амортизация может рассматриваться как возврат капитала на инвестиции. Амортизация – это процесс самовозобновления фондов: она фиксирует степень их износа и одновременно накапливает денежные средства для полного обновления. Таким образом, амортизация позволяет вернуть те денежные средства, которые предприятие вложило в приобретение основных фондов [2].

Себестоимость продукции включает условно постоянные и условно переменные издержки. Амортизация включена в расчет как составляющая часть условно постоянных расходов, которые учитываются учетной политикой организации. Ее начисляют ежемесячно, при этом амортизацию по выбывшим объектам прекращают начислять начиная с первого числа следующего месяца, а по вновь вводимым начинают начислять с первого числа следующего месяца.

Норма амортизации – это установленный размер амортизационных отчислений на полное восстановление основных фондов, установленный на определенный период времени в процентах к стоимости данного вида основных фондов.

Способы начисления амортизации

Процесс амортизации осуществляется с помощью ежегодных амортизационных отчислений. Выделяют такие способы начисления амортизации, как *линейный, нелинейный (метод уменьшаемого остатка и метод суммы чисел лет)* [3].

Компания может самостоятельно выбрать метод амортизации, если иное не установлено законодательством в отношении определенных объектов. Обязательным условием является применение выбранного метода амортизации к группе однородных объектов в течение всего срока полезного использования. Метод начисления амортизации закреплен в учетной политике каждой организации. Накопление и расходование амортизационных отчислений в бухгалтерском учете отдельно не отражаются. Они расходуются на финансирование капитальных вложений. При определении метода расчета амортизации предприятию рекомендуется учитывать:

- 1) вид (группу) объекта основных средств;
- 2) вид деятельности предприятия;
- 3) интенсивность использования основного средства;
- 4) интенсивность морального износа;
- 5) степень влияния амортизационных отчислений на величину себестоимости продукции и размер налогообложения.

Линейный способ амортизации предполагает равномерный перенос стоимости фондов на стоимость готовой продукции в течение всего срока их полезного использования. Другими словами, данный метод предполагает, что каждый год на себестоимость продукции будет относиться одна и та же сумма стоимости основных фондов. Величина ежегодных амортизационных отчислений при линейном способе определяется на основании годовых норм амортизации, установленных в процентах к первоначальной стоимости ОПФ и НА. Нормы устанавливаются предприятием самостоятельно и дифференцированы по видам основных фондов.

Линейный способ применим практически ко всем группам основных средств и нематериальных активов. Этот способ начисления амортизационных отчислений является самым распространенным, а для основных средств и нематериальных активов, не используемых в предпринимательской деятельности, – единственным способом. Однако существенный недостаток данного метода заключается в том, что он не учитывает инфляции и дисконтирование денежных средств, что не может обеспечить возврат денежных вложений инвестора.

Нормы амортизационных отчислений, рассчитанные после установления срока службы (нормативного срока службы или срока полезного использования), в первом году и в каждом последующем до истечения этого срока не изменяются. При линейном способе годовая сумма амортизационных отчислений определяется исходя из амортизируемой стоимости объекта основных средств и нематериальных активов и рассчитанной линейной нормы амортизации. Годовая линейная норма рассчитывается путем деления 1 на нормативный срок службы или срок полезного использования и умножения на 100 [4]. Поделив полученную норму амортизации на 12, получим месячную норму амортизационных отчислений. Сумма амортизации рассчитывается путем умножения первоначальной стоимости основных фондов на норму амортизации (1) [4]. Из-за того, что норма амортизации рассчитывается в процентах, для получения стоимостного показателя необходимо полученную сумму амортизации поделить на 100 %.

$$A = (\Phi_{перв} \times H_a) / (100 \%), \quad (1)$$

где $\Phi_{перв}$ – первоначальная стоимость основных фондов, H_a – норма амортизации.

Начисление амортизации линейным способом по вновь введенным в эксплуатацию объектам основных средств и нематериальных активов производится с 1-го числа месяца, следующего за месяцем их ввода в эксплуатацию. Начисление амортизации прекращается:

1) по выбывшим объектам основных средств и нематериальных активов, амортизация по которым начислялась линейным и нелинейным способами, – с 1-го числа месяца, следующего за месяцем выбытия;

2) по самортизированным объектам основных средств и нематериальных активов – с 1-го числа месяца, следующего за месяцем полного включения стоимости данных объектов в издержки производства, расходы на реализацию, в состав операционных или внеоперационных расходов.

Следует отметить, что линейный способ – это единственный способ, при котором проводится индексация амортизационных отчислений основных средств, используемых в предпринимательской деятельности. Организации следует предоставить право применения различных методов начисления в учетной политике предприятия. В соответствии с законодательством Республики Беларусь амортизационные отчисления по нематериальным активам не индексируются и не переоцениваются.

Нелинейный способ амортизации заключается в неравномерном начислении амортизации в течение срока полезного использования основных производственных фондов и нематериальных активов. Это позволяет обеспечить минимальное дисконтирование перечисляемых средств, а значит, и более полный возврат приобретенных активов. Начисление амортизации нелинейным способом по объектам основных средств и нематериальных активов, вновь введенным в эксплуатацию, производится с 1-го числа месяца, следующего за месяцем их ввода в эксплуатацию.

Метод уменьшаемого остатка считается ускоренным методом начисления амортизации, так как он позволяет в первые годы эксплуатации оборудования вернуть большую часть стоимости основных фондов в виде амортизации. В данном методе расчета амортизации норма амортизации применяется не к первоначальной стоимости оборудования, а к остаточной. Остаточная стоимость определяется как разница между первоначальной стоимостью и нормой амортизации, рассчитанной за предыдущий период. Норма амортизации (2) в данном случае рассчитывается с использованием коэффициента ускорения (от 1 до 2,5), принятого организацией [4]:

$$H_a = (1 \times K_{уск}) / СПИ \times 100 \%, \quad (2)$$

где $K_{уск}$ – коэффициент ускорения, $СПИ$ – срок полезного использования объекта основных фондов и нематериальных активов.

Коэффициент ускорения позволяет быстрее вернуть вложенные средства. Амортизация рассчитывается по следующей формуле (3) [4]:

$$A = (\Phi_{ост} \times H_a) / 100, \quad (3)$$

где $\Phi_{ост}$ – остаточная стоимость объекта основных фондов, H_a – норма амортизации.

Годовая сумма амортизационных отчислений рассчитывается путем умножения амортизируемой стоимости (недоамортизированной) по состоянию на первое число каждого отчетного года на норму амортизации. Отметим, что это единственный метод, при котором амортизируемая стоимость пересчитывается ежегодно по состоянию на 1 января, т.е. амортизируемая стоимость равна фактической остаточной стоимости. Добавим, что ежемесячно пересчет амортизируемой стоимости не производится.

При использовании метода суммы чисел лет амортизация определяется путем умножения первоначальной стоимости на норму амортизации. При этом норма амортизации определяется путем деления числа лет, остающихся до конца срока полезного использования, на сумму чисел лет срока полезного использования объекта. Сумма порядковых чисел лет (СЧЛ) срока полезного использования объекта может устанавливаться сложением чисел лет или по формуле (4) [4]:

$$СЧЛ = (n(n + 1)) / 2, \quad (4)$$

где n – срок полезного использования.

Сумма амортизации в данном способе рассчитывается исходя из первоначальной стоимости основного фонда.

Третий способ начисления амортизации – *пропорционально объему выпускаемой продукции* – на предприятии используется крайне редко и только в тех случаях, когда есть возможность достоверно и точно определить объем продукции, который производится на данном оборудовании за определенный период времени. А также если есть информация об общем объеме продукции, который можно произвести на данном оборудовании за весь период эксплуатации. В этом случае сумма амортизация рассчитывается путем умножения первоначальной стоимости оборудования ($\Phi_{перв}$) на соотношение натурального показателя объема продукции в отчетном периоде ($V_{за период}$) и предполагаемого объема выпуска продукции за весь срок полезного использования объекта основных средства (V_{max}) (5) [4]:

$$A = \Phi_{перв} \times V_{за период} / V_{max}. \quad (5)$$

Преимущество данного метода заключается в том, что он позволяет учесть реальный процесс эксплуатации объекта основных средств и отразить его реальный износ за определенный промежуток времени.

Рассмотрим пример и рассчитаем амортизацию тремя способами: линейным, способом уменьшаемого остатка и пропорционально сумме чисел лет срока полезного использования. Исходные данные: амортизируется имущество первоначальной стоимостью 500 тыс. руб. Срок полезного использования – 5 лет.

1. *Линейный способ*. Рассчитаем годовую норму амортизации (H_a):

$$H_a = 1 / СПИ = 1/5 \times 100 = 20 \%$$

Годовая сумма амортизационных отчислений рассчитывается по формуле (1), и начисления амортизации в течение 5 лет занесены в таблицу 1.

Таблица 1. – Начисление амортизации в течение 5 лет (линейный способ)

Год	Первоначальная стоимость, тыс. руб.	Годовая сумма амортизационных отчислений	Амортизационный фонд	Остаточная стоимость
1	500	100	100	400
2	500	100	200	300
3	500	100	300	200
4	500	100	400	100
5	500	100	500	0

Исходя из данных расчета амортизации видно, что ежегодно на стоимость продукции будет относиться одна и та же сумма – 100 тыс. руб. Амортизационный фонд показывает, какая сумма средств путем начисления амортизации накопилась за год для полного возобновления основных фондов. Из данных таблицы 1 видно, что накопленный износ увеличивается равномерно, а остаточная стоимость равномерно уменьшается.

2. Используя исходные данные, произведем расчет амортизации методом *уменьшенного остатка* при условии, что коэффициент ускорения равен 2. Годовая норма амортизации (H_a) рассчитывается по формуле (2):

$$H_a = (1 \times 2) / 5 \times 100 \% = 40 \%$$

При использовании данного метода норма амортизации будет равна 40 %. Данные расчетов представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Начисление амортизации в течение 5 лет (метод уменьшенного остатка)

Год	Остаточная стоимость, тыс. руб.	Годовая сумма амортизационных отчислений, %	Амортизационный фонд
1	500	$(500 \times 40\%) / 100\% = 200$	200
2	$500 - 200 = 300$	$(300 \times 40\%) / 100\% = 120$	320
3	$500 - 120 = 180$	$(180 \times 40\%) / 100\% = 72$	392
4	$180 - 72 = 108$	$(108 \times 40\%) / 100\% = 43,2$	435,2
5	$108 - 43,2 = 64,8$	$(64,8 \times 40\%) / 100\% = 25,9$	461,9

Как видно из таблицы 2, фиксированная норма амортизации всегда применялась к остаточной стоимости предыдущего года. Сумма амортизации (самая большая в первый год) постепенно уменьшается. Из данных таблицы видно, что, используя этот метод, предприятие уже в первые годы сможет вернуть денежные средства, вложенные для приобретения данного оборудования. Однако часть первоначальной стоимости объекта остается недоамортизированной по истечении всего срока. Таким образом, данный метод не гарантирует полного списания стоимости: ежегодный размер износа снижается, и амортизация растягивается на много лет.

3. Рассчитаем амортизацию методом *суммы чисел лет* (СЧЛ) срока полезного использования. Сумма порядковых чисел лет рассчитывается по формуле (4):

$$\text{СЧЛ} = (5 \times (5 + 1)) / 5 = 15.$$

Сумма амортизации рассчитывается от первоначальной стоимости оборудования. Результаты расчета амортизации данным методом занесены в таблицу 3.

Таблица 3. – Начисление амортизации в течение 5 лет (метод суммы чисел лет)

Год	Первоначальная стоимость, тыс. руб.	Годовая норма амортизации, доли	Годовая сумма амортизационных отчислений, тыс. руб.	Амортизационный фонд
1	500	33,33 % (5/15)	166,667	166,667
2	500	26,67 % (4/15)	133,333	300
3	500	20 % (3/15)	100	400
4	500	13,33 % (2/15)	66,667	466,667
5	500	6,67 % (1/15)	33,333	500

Из таблицы 3 видно, что самая высокая сумма амортизации начисляется в первый год, а затем она снижается; накопленный износ возрастает незначительно, но к концу срока полезного использования предприятие полностью самортизирует первоначальную стоимость.

Таблица 4. – Сравнительный анализ начисления амортизационных отчислений

Год	Линейный способ	Нелинейный способ	
		Метод уменьшенного остатка	Метод суммы чисел лет
1	100	200	166,667
2	100	120	133,333
3	100	72	100
4	100	43,2	66,667
5	100	25,9	33,333
Итого	500	461,1	500

В таблице 4 обобщены распределения сумм начисленной амортизации в течение срока полезного использования, рассчитанные разными способами. Как видим, при одинаковой общей сумме начисленной амортизации (500 млн руб.) за весь срок полезного использования сумма амортизации, начисленной в каждом году, существенно различается в зависимости от методов начисления амортизации.

Заключение

Применение различных способов и методов начисления амортизации позволяет перераспределять суммы амортизационных начислений в каждом отчетном периоде в течение всего срока полезного использования каждого конкретного объекта. Для определения наиболее рационального метода начисления амортизации на объект основных средств и нематериальных активов был проведен сравнительный анализ разных вариантов начисления амортизации.

Для того чтобы амортизационная политика была полноценным направлением финансовой и инвестиционной политики предприятия и государства в целом, необходимо:

- 1) использовать различные методы начисления амортизации, так как постоянное использование только линейного метода не всегда приемлемо;
- 2) распространить методы нелинейной амортизации на различные виды основных средств (Инструкция о порядке переоценки основных средств, доходных вложений в нематериальные активы, оборудования к установке от 05.11.2010 № 162/131/37);
- 3) начисление амортизации нелинейным методом дает возможность предприятию увеличить собственные средства, что позволит не только направить их на реновацию, но и использовать их в качестве средств реинвестирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состояние экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/.
2. Амортизация основных производственных фондов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ta-aspect.by/Amortizaciya-osnovnyh-proizvodstvennyh-fondov>.
3. Способы и методы начисления амортизации: как выбрать оптимальный вариант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gb.by/izdaniya/glavnyi-bukhgalter/tolkun-i-sposoby-i-metody-nachisleniya-a_0000000.
4. Борсук, Н. В. Экономика предприятия : учеб.-метод. комплекс / Н. В. Борсук, И. В. Пилипчук. – Брест : БрГУ, 2013. – 166 с.
5. Об утверждении инструкции о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь, М-ва финансов Респ. Беларусь, М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь, 27 февр. 2009 г., № 37//18/6 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – № 149. – 8/21041.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.02.2018

Zaitseva N.I., Kuten A.V. Amortization Estimates as a Component of Cost of Production

Depreciation charges is a source of additional investment in the economic activities of the enterprise, its capital. The importance of considering the issues of calculating depreciation determines the possibility of rational management of prime cost, which determines the price of a product or service and ultimately affects the profit of the enterprise. In the article, methods of accrual of amortization of the basic production assets and non-material assets are considered. The correct choice of the method for calculating depreciation largely determines the quality of the formation of accounting policies in the enterprise. In case of incorrect choice of the method of depreciation of fixed assets, the enterprise incurs significant losses.

УДК 338.436:338.5(477)

А.А. Томилин¹, С.А. Коломиец²¹д-р экон. наук, доц., проф. каф. финансов и кредита

Полтавской государственной аграрной академии (Украина)

²соискатель каф. педагогического мастерства и менеджмента

Полтавского государственного педагогического университета (Украина)

e-mail: ¹ot1962@i.ua; ²sk1974@i.ua**СИСТЕМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ КООПЕРАТИВНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ**

Определены особенности и проблемы процесса ценообразования в сельском хозяйстве Украины. Исследованы теоретико-методические и прикладные аспекты формирования механизма ценообразования кооперативных отношений в агропромышленном производстве, описаны их преимущества и недостатки. Рассмотрены возможности формирования и регулирования системы ценообразования. Механизм ценообразования должен обеспечивать: объективный учет общественно необходимых затрат труда и средств на всех этапах продвижения продукции, нормативов рентабельности, прибыли, основных фондов; оценку рынка; создание условий для конкуренции, при которых товаропроизводители были бы заинтересованы производить продукцию высокого качества, а посредники, предприниматели в перерабатывающих отраслях и торговле увеличивать массу прибыли за счет снижения цены товара. Доказано, что цена и ценообразование являются важными составляющими элементами функционирования экономического механизма регулирования кооперативных отношений в агропромышленном производстве.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что на современном этапе развития аграрных предприятий Украины одной из основных задач является решение проблемы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию. Известно, что цена является денежным выражением стоимости продукции, которая определяется количеством живого и овеществленного труда, необходимого для ее производства. Цена существенно влияет на эффективность деятельности предприятия, поскольку от нее зависит и возмещение издержек производства, и прибыль предприятия. Она выполняет важные функции, которые заключаются в информировании производителя о реальной силе спроса на товар, а потребителя – о возможности удовлетворения потребности в определенной величине предложения и дохода.

Уравновешивание интересов сторон – главная проблема, которая решается рынком и государством через ценовой механизм и внедрение политики регулирования межотраслевых и рыночных отношений. Как регулятор хозяйственно-экономических отношений и процессов воспроизводства цена должна обеспечить эквивалентность обмена. Этот принцип является определяющим в развитии перспективной системы ценообразования на аграрную продукцию, которая является одним из основных компонентов экономического механизма регулирования кооперативных отношений в агропромышленном производстве. Усложнение процесса ценообразования и отсутствие теоретических и практических навыков установления цен приводит к серьезным ошибкам при их определении, негативно отражается на финансовых результатах деятельности предприятий. Поэтому насущной необходимостью является исследование проблемы регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию.

Проблемам формирования и регулирования ценообразования в агропромышленном производстве посвящены труды многих ученых: Г. Асселя, Н. Бородиной, Ю. Воскобийника, Н. Вдовенко, В. Герасименко, И. Денисовой, С. Дугиной, Дж.Р. Эванса, И. Желтяковой, М. Зубца, С. Илляшенко, Ф. Котлера, С. Кваши, И. Липсицы, В. Липчу-

ка, Ю. Мельника, В. Месель-Веселяка, Л. Молдавана, А. Павленко, Б. Пасхавера, П. Саблука, В. Ситника, Л. Худолый, Л. Шкварчука, А. Шпичака и др. Однако несмотря на глубину исследования научных основ формирования и развития кооперативных отношений, определения производственных, экономических связей, особенно в сельском хозяйстве в период рыночного реформирования, без внимания остаются вопросы ценообразования в агропромышленном производстве.

Целью статьи является оценка различных подходов к определению методологии и сущности ценовой политики в аграрном секторе экономики и механизма формирования системы ценообразования в агропромышленном производстве.

Для исследования поставленной цели решались следующие задачи:

1) научное обоснование теоретико-методологических основ и разработка практических рекомендаций по совершенствованию регулирования кооперативных отношений в агропромышленном производстве;

2) определение специфики реализации ценовой политики на предприятиях в условиях обострения конкурентной борьбы в нестабильной рыночной среде.

Ценовой механизм, существующий в сельском хозяйстве, не в состоянии обеспечить восстановление производственного потенциала отрасли в достаточных для расширенного воспроизводства объемах и тормозит рост эффективности. Поэтому вопрос особенностей формирования и регулирования цены в сельском хозяйстве и ее влияния на участников процесса распределения требует дальнейшего изучения.

Недостатки ценообразования негативно сказываются на мотивации сельскохозяйственных товаропроизводителей. Аграрная отрасль не может эффективно функционировать как высокодоходное производство без поддержки государства, а уровень экономического интереса товаропроизводителей низкий. Об этом свидетельствуют низкие цены спроса, отсутствие механизма обеспечения производителям доходов на уровне установленной цены предложения. Одновременно монополизированы предприятия промышленных и перерабатывающих отраслей, они продолжают реализовывать политику увеличения собственных доходов за счет перераспределения стоимости [1, с. 53].

Для товаропроизводителя, или продавца, цена является важным инструментом активизации спроса, обеспечения конкурентоспособности продукции, главным фактором, определяющим предельный доход. Она обеспечивает прибыль и непосредственно влияет на поведение потребителей путем ее снижения или повышения [2].

С целью применения единых методологических принципов в процессе анализа, планирования и контроля цены классифицируют по признакам в зависимости от:

- 1) вида продукции (цены на товары, тарифы на услуги);
- 2) сферы обслуживания (закупочные, оптовые, розничные);
- 3) типа рынка (конкурентные, монопольные);
- 4) роли на рынке (цены спроса, предложения, рыночного равновесия, цены сделок между субъектами рынка);
- 5) вариативности установления (твердые/фиксированные, гибкие);
- 6) степени новизны товара (на новые товары; на товары, которые производятся; на товары, снятые с производства);
- 7) порядка возмещения транспортных расходов на внутреннем рынке: системы цен «франко» различных видов [3].

Анализируя процесс ценообразования, прежде всего следует отметить природу цены, а следовательно, и формирования прибыли сельскохозяйственным производителем. Она связана с существованием т.н. дифференциальной земельной ренты, суть которой заключается в том, что цена на сельскохозяйственную продукцию формируется по затратам на худших по плодородию землях, а на лучших участках возникает сверх-

прибыль – рента. Однако в связи со сложностью определения цен на сельскохозяйственную продукцию по худшим землям, они не получили практического распространения в чистом виде, а формируются в основном по средним затратам [4, с. 5]. Это, в свою очередь, обостряет проблему диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-технические ресурсы, используемые в процессе ее производства. Как следствие, с каждым годом происходит увеличение диспаритета цен на продукцию сельскохозяйственного производства и цен на потребляемые им ресурсы промышленного производства, которые росли опережающими темпами [4, с. 7].

Цены играют важную роль экономического воздействия государства на экономику. В то же время в переходный период к рыночным отношениям нельзя обеспечить формирования цен на основе спроса и предложения [5]. Согласно концепции ценообразования на продукцию агропромышленного производства, ценовой механизм агропромышленного производства является составляющей общего ценового механизма народного хозяйства. Поэтому на всех этапах переходного периода необходимо сочетать принцип свободного формирования цен с экономическим регулированием их государством. В условиях либерализации цен важное значение имеет учет государством уровня платежеспособности населения, так как существенное отставание спроса населения на продовольствие вызывает искусственный кризис перепроизводства сельскохозяйственной продукции и сокращение ее объемов. Ценовой механизм должен стимулировать повышение качества производимой в стране продукции до уровня мировых стандартов. На первом этапе вступления Украины в мировой рынок возникает необходимость введения протекционизма цен на отечественные продукты агропромышленного производства по сравнению с импортными [6]. П. Саблук считает, что для каждого субъекта экономической деятельности целью является получение прибыли в максимальном размере при минимальных затратах. Решающую роль в получении доходов играют создаваемые государством условия экономической деятельности, чего нельзя достичь без капитализации земли и учета ее в системе ценообразования для экономического регулирования межотраслевых отношений [7].

Интересным является также проведение сравнительного анализа мнений известных зарубежных ученых насчет факторов, влияющих на формирование расчетной цены между предприятиями сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Так, Д. Аакер утверждает, что за основу определения цены и эффективности деятельности предприятия необходимо принимать структуру затрат предприятия на рынке с определением ключевых факторов успеха. Причем целесообразно провести оценку степени их реального и возможного применения. Д. Дейли определяет фактор управления процессом ценообразования как основу конкурентного преимущества предприятия, которое должно основываться на определении затрат предприятия, и пропагандирует метод учета затрат по видам деятельности предприятия. Этот метод представляет собой последовательное распределение стоимости использованных ресурсов на виды деятельности, а расходы вида деятельности – на объекты затрат (продукт, продуктовая линия, потребители). Среди других факторов влияния на процесс ценообразования сельхозпродукции Д. Леманн и Р. Винер отмечают наличие на предприятии неиспользованных ресурсов. По их теории, при наличии большего, чем у конкурентов, ресурсного потенциала есть возможность в процессе расчетов с предприятиями перерабатывающей промышленности каждый раз снижать цены, используя при этом эффект масштаба [8, с. 22].

Недостатки ценообразования негативно сказываются на мотивации сельскохозяйственных товаропроизводителей. Недостаточная покупательная способность отечественных потребителей оставляет цены на сельскохозяйственную продукцию низкими. Из-за отсутствия эквивалентности межотраслевого обмена сельское хозяйство теряет свои активы, резко снижаются возможности не только расширенного, но и простого

воспроизводства. По мнению некоторых ученых, эта тенденция требует при необходимости немедленного вмешательства на государственном уровне [9].

В последние годы в Украине ситуация характеризовалась колебанием индекса потребительских цен и цен реализации сельскохозяйственной продукции (таблица 1).

Таблица 1. – Индексы потребительских цен и цен реализации сельскохозяйственной продукции в Украине, % к предыдущему году

Год	Индексы цен	
	Потребительские цены	Цены реализации сельхозпродукции
2000	128,2	155,8
2005	113,5	108,1
2010	109,4	130,0
2011	108,0	113,6
2012	100,6	106,8
2013	99,7	97,1
2014	112,1	124,3
2015	148,7	154,5
2016	113,9	109,0
+/- 2016 к 2000 г.	-14,3	-46,8

Источник – Составлено авторами на основе [10, с. 68; 11, с. 231]

Отметим, что с 2000 по 2016 г. индексы потребительских цен и цен реализации сельскохозяйственной продукции сельхозпредприятиями колебались. Индексы потребительских цен в 2000 г. составили 128,2 %, а в 2016 г. – уже 113,9 %. Индексы цен реализации сельскохозяйственной продукции сельхозпредприятиями в 2000 г. составили 155,8 %, а в 2016 г. – 109,0 %.

Из этого следует, что средний темп уменьшения цен сельхозпредприятий равнялся 46,8 %, а по потребительским ценам средний темп уменьшения составил 14,3 %. Колебания индексов отражают динамику уровня цен на продукцию сельского хозяйства за конкретный отчетный период. Средние цены реализации отдельных видов сельскохозяйственной продукции приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Средние цены реализации сельхозпродукции сельскохозяйственными предприятиями, гривень за 1 т

Культура	Год								+/- 2016 к 2000 г.
	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	
Зерновые и зернобобовые	443,8	417,8	1 120,9	1 547,1	1 299,8	1 801,4	2 912,1	3 414,0	+2 970,2
Масличные	525,7	981,5	2 942,6	3 584,0	3 087,5	4 062,8	7 531,5	8 656,1	+8 130,4
Свекла сахарная	121,5	177,0	478,5	426,8	397,8	494,2	788,6	848,6	+727,1
Картофель	517,1	685,2	2 131,0	1 139,6	1 860,9	2 173,6	2 436,3	2 631,8	+2 114,7
Сельхозживотные (в живом весе)	2 358,0	6 909,9	10 797,1	13 456,9	12 901,3	15 736,9	21 966,2	22 468,0	+20 110,0
Молоко	536,4	1 126,9	2 938,7	2 662,2	3 364,0	3 588,4	4 347,3	5 461,8	+4 925,4
Яйца (1 тыс. шт.)	191,7	251,8	470,6	627,0	656,7	782,4	1 333,2	1 108,7	+917,0

Источник – Составлено авторами на основе [11, с. 300]

Отметим, что с 2000 г. цены на зерновые и зернобобовые культуры резко выросли: если средняя цена реализации 1 т в 2000 г. составила 443,8 грн, то в 2016 г. – уже 3 414,0 грн. По масличным культурам, в т.ч. подсолнечника, цена выросла по сравнению с 2000 г. в 16,5 раза и в 2016 г. составила 8 656,1 и 525,7 грн соответственно. Так-

же существенным ростом характеризовалось изменение цен на сахарную свеклу: она выросла по сравнению с 2000 г. более чем в 6 раз. Существенно увеличились в 2014–2016 гг. цены почти на всю продукцию животноводства, в первую очередь на мясо крупного рогатого скота. Это, безусловно, связано с дефицитом этой продукции на рынке, и, скорее всего, данная тенденция будет продолжаться. Заметим, что средние цены продажи аграрной продукции сельскохозяйственными предприятиями в 2016 г., по сравнению с 2000 г. в Украине по всем направлениям реализации выросли.

Таким образом, ценовая политика в аграрном секторе должна основываться на свободном ценообразовании в сочетании с государственным регулированием и усилением антимонопольного контроля над ценами на материально-технические ресурсы, энергетические носители и услуги для товаропроизводителей [5]. Формирование механизма ценообразования в аграрном секторе должно основываться на определении такой цены, которая бы способствовала соблюдению эквивалентности обмена и обеспечивала сельскохозяйственным производителям уровень доходов, достаточный для производства. В рыночных условиях регулятором производства выступает прибыль на весь авансированный в течение определенного периода собственный или заемный капитал [1, с. 55].

Суть формирования механизма ценообразования в кооперативе основывается на одном из основных принципов его деятельности – неприбыльной природе, когда услуги его членам предоставляют по цене, близкой к себестоимости. Себестоимость может быть определена только на конец финансового года, когда известны все расходы кооператива. Поэтому цена устанавливается в два этапа: в начале сезона (перед доставкой членами кооператива своей продукции или перед предоставлением им средств производства или услуг) кооператив устанавливает предварительные цены; в конце финансового года результат финансовой деятельности кооператива распределяется среди членов в виде кооперативных выплат, прилагаемых к предыдущим ценам, которые были выплачены им за продукцию (надбавки) или вычитаются из предыдущих цен за услуги и средства производства (скидки), что составляет конечную цену.

Мы согласны с теми учеными, которые отмечают, что исходя из сути ценообразования в кооперативе очень важно правильно определить предварительную цену, которая устанавливается с учетом ожидаемой себестоимости на услуги и продукцию, где точно должны быть оценены снабженческие закупки для кооператива, продажа продукции кооператива, накладные расходы, ситуации на рынке и прежде всего условия, которые предлагаются конкурентами [12, с. 111]. Большим преимуществом кооперативов является то, что они могут противостоять конкурентам, формируя, например, большие партии продукции. Отдельный товаропроизводитель не способен сделать это и вынужден соглашаться на цену, которую ему предлагают коммерческие посредники.

Заключение

В целом роль цен на сельскохозяйственную продукцию в обществе двоякая. Они должны, с одной стороны, выступать гарантом доходности, а с другой – стимулировать рационализацию (нормирование затрат и экономию всех видов ресурсов) сельскохозяйственного производства, тем самым «отсекая» расходы, которые не подлежат возмещению. Воздействие на механизм установления цены возможно только через функциональные связи (предложение, спрос и основу стоимости).

Таким образом, цена и ценообразование являются важными составляющими элементами функционирования экономического механизма регулирования кооперативных отношений в агропромышленном производстве. Цена активно влияет на развитие производства и на уровень жизни населения. Поэтому правильная ценовая политика является необходимым компонентом успешной деятельности каждого предприятия в современных условиях хозяйствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томилин, А. А. Особенности регулирования межотраслевых отношений в системе ценообразования / А. А. Томилин // Вестн. Донец. ун-та экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 53–57.
2. Ильяшенко, С. М. Маркетинговая товарная политика : учебник / С. М. Ильяшенко. – Сумы : Унив. кн., 2005. – 234 с.
3. Бородкина, Н. А. Маркетинг : учеб. пособие / Н. А. Бородкина. – М. : Кондор, 2007. – 362 с.
4. Шпичак, А. М. Теоретико-методологические аспекты ценообразования на сельскохозяйственную продукцию / А. М. Шпичак // Экономика АПК. – 2012. – № 8. – С. 3–10.
5. Саблук, П. Т. Аграрная экономика и политика в Украине: итоги прошлого и взгляд в будущее : в 3 т. / П. Т. Саблук. – Киев : ИАЭ, 2001. – Т. II : Аграрная экономика в условиях демократического государства. – 484 с.
6. Концепция ценообразования на сельскохозяйственную продукцию / П. Т. Саблук [и др.] // Экономика АПК. – 2008. – № 1. – С. 3–20.
7. Саблук, П. Т. Формирование рынка земли как основа эффективного аграрного производства / П. Т. Саблук // Материалы II Регион. год. собрания Сев.-Вост. отд-ния Всеукр. конгресса ученых экономистов-аграрников, Харьков, 5 февр. 2009 г. – Харьков : ХНТУСГ, 2009. – С.11–17.
8. Шумейко, В. Н. Ценообразование на продукцию масложировых предприятий Украины / В. Н. Шумейко // Маркетинг: теория и практика. – 2008. – № 14. – С. 21–30.
9. Основы экономической теории : учеб. пособие / под ред. В. А. Билык, П. Т. Саблука. – М. : ИАЭ, 1999. – 467 с.
10. Статистический ежегодник Украины за 2012 г. / под ред. А. Г. Осауленко. – Киев : Гос. служба статистики, 2013. – 552 с.
11. Статистический ежегодник Украины за 2016 г. / под ред. И. Е. Вернера. – Киев : Гос. служба статистики, 2017. – 611 с.
12. Батиг, А. И. Планирование и организация деятельности аграрного предприятия : пособие / А. И. Батиг. – М. : Аграр. образование, 2003. – 425 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.01.2018

Tomilin A.A., Kolomiets S.A. Pricing System as One of the Basic Components of Economic Mechanism of Regulation of Cooperative Relations in Agroindustrial Production

The problems and peculiarities of the pricing process in agriculture are determined. The theoretical, methodological, and applied aspects of formation of the mechanism of pricing of cooperative relations in agroindustrial production are investigated and their advantages and disadvantages are determined. The article considers the possibilities of forming and regulating the pricing system as one of the main components of the economic mechanism for regulating cooperative relations in agroindustrial production. The mechanism of pricing should provide: objective accounting of socially necessary expenditures of labor and resources at all stages of product promotion, standards of profitability, profit, fixed assets; market valuation; creation of conditions for competition, in which commodity producers would be interested in producing high-quality products, and intermediaries, entrepreneurs in processing industries and trade, increase the mass of profit by reducing the price of the goods, and not raising it as it occurs when performing calculations by individual producers. It is proved that price and pricing are important components of the functioning of the economic mechanism for regulating cooperative relations in agroindustrial production.

УДК 94(450).05+338.246

Д.В. Мазарчук¹, И.А. Мурашко²¹канд. ист. наук, доц., проректор по учебной работе
Академии управления при Президенте Республики Беларусь²преподаватель каф. экономической теории
Академии управления при Президенте Республики Беларусьe-mail: bande_nere@mail.ru**ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Проведен анализ системы организации торговых морских конвоев (инканто), существовавшей в Венецианской республике в XIV–XVI вв. Система конвоев действовала при прямом участии государства, обеспечивавшего их организационную и военную поддержку. Рассмотрены особенности формирования конвоев, проведения аукционов для привлечения капитала, маршруты следования. Проведена оценка сильных и слабых сторон системы инканто в целом и с точки зрения интересов сторон (частного сектора, властей республики). Сделан вывод о соответствии системы инканто основным принципам публично-частного партнерства. Высказано предположение о причинах упадка системы галерных конвоев в связи с общим переформатированием венецианского социума. Сделан вывод о том, что упадок системы инканто был связан с общими изменениями мировой экономической конъюнктуры.

Введение

Механизм публично-частного партнерства (ПЧП), т.е. взаимодействия государства и частного сектора в реализации социально-экономических проектов, в последнее время приобретает все большую популярность. Нормативной базой для реализации ПЧП в Республике Беларусь является Закон «О государственно-частном партнерстве» от 30.12.2015 № 345-3, призванный определить его правовые условия [1].

Конкретные формы сотрудничества публичной власти и частного бизнеса различаются в зависимости от времени и места. Тем не менее согласимся с тем, что в основе ПЧП лежит признание государством роли частного бизнеса в экономике и следующее из этого признание необходимости формирования благоприятного бизнес-климата. Согласимся также с определением, данным В.Г. Варнавским: «Хозяйственное партнерство государства и частного сектора – это институциональный и организационный альянс между государством и частным бизнесом в целях реализации масштабных, национальных и международных, общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности» [2, с. 29]. Таким образом, публично-частное партнерство осуществляется в сферах особой ответственности государства, представляющих значимость для общества. Поэтому закономерно, что истоки публично-частного партнерства обычно находят в меркантилистской политике государств Нового времени, когда оформившаяся правительственная власть оказывала активную и открытую поддержку значимым крупным предприятиям.

Ярким примером такой поддержки может быть деятельность английских каперов Елизаветинской эпохи (конец XVI в.). Так, во время борьбы с Непобедимой армадой в 1588 г. Англия снарядила лишь 34 из 197 кораблей флота Фрэнсиса Дрейка. Несмотря на наличие негативных сторон такого сотрудничества, «каперство стало социальной силой, способствовавшей оформлению экспансионистской политики государства и подчеркнувшей взаимность многих интересов государства и частного сектора» [3, с. 26].

Еще более известным примером ПЧП является колониальная экспансия, в значительной степени осуществлявшаяся в уникальной организационной форме. Речь идет о британской Ост-Индской компании, названной одним из исследователей «государством-купцом» [4]. Частный капитал и менеджмент в сочетании с военной и политиче-

ской поддержкой со стороны государства привели к появлению на колониальной карте мира Британской Индии. Примечательно, что механизм ПЧП использовался при становлении испанской колониальной системы в неменьшей степени, чем британской [5, с. 593–594].

Существующая мода на ПЧП может подталкивать к все более изощренному и глубокому поиску истоков, когда исследователь рискует поддаться «мании происхождения», от которой предостерегал Марк Блок [6, с. 20]. Наиболее известный пример: Левий Матфей – будущий апостол Матфей, как известно, занимался откупом, или сбором податей (Мф. 9:9, Лк. 5:27) [7, с. 2].

Общая характеристика системы галерных конвоев

Не вдаваясь глубоко в прошлое, коснемся одной из исторических форм сотрудничества – системы галерных конвоев, существовавшей в Венецианской республике на протяжении столетий. Наша гипотеза заключается в том, что эта система представляет собой один из ярких примеров действенного и эффективного сотрудничества институтов публичной власти и частного предпринимательства, существовавших в истории. Рассмотрим основные составляющие этой системы в кратком виде.

В Средние века и раннее Новое время Венеция представляла собой дисперсную торговую империю, которая опиралась на множество торговых факторий и опорных пунктов по всему средиземноморскому побережью. Под воздействием ряда факторов на какой-то срок торговая республика стала центром мировой экономики [8, с. 121]. Огромную роль в ее возвышении играла торговля с Левантом: фактически Светлейшая республика выступала единственным каналом поступления в европейские страны таких традиционных «восточных» товаров, как пряности и специи.

Формы ведения торговли купеческими семействами и предприятиями, как и формы организации мореходства в средневековой Венеции, отличались многообразием. Рассматриваемая нами система представляла собой использование при значительном участии государства военных и торговых галер в целях обеспечения безопасности на море на ведущих коммерческих направлениях.

Единый термин для обозначения описываемой системы в историографии не утвердился; разные авторы используют следующие понятия: *incanto* (в точном смысле – конвойные аукционы), *tuda* (галерные конвои), *galere da mercato* (торговые галеры). Полагаем, что использование первого из них вполне оправданно, поскольку именно на аукционе определялись все существенные условия предприятия, включая технические вопросы мореплавания.

У истоков системы инканто находилась частная морская торговля, которой венецианцы занимались с момента возникновения республики. С другой стороны, с созданием инканто частное коммерческое мореплавание сохранилось, оставив за собой обширный сегмент перевозки основных объемных грузов, в частности, зерна и вина. Этим занимались на большегрузных парусных судах (навах и когах), тогда как в инканто для перевозки товаров использовали галеры. Поскольку привлечение военных галер обходилось дорого, то за перевозками по системе инканто закрепились грузы, имеющие большую ценность при небольшой емкости: шелк, пряности и специи, золото и драгоценности [9, с. 125; 10, с. 122].

Проникновение государства в систему организации морской торговли началось в Венеции в 1314 г., когда первые галерные конвои под государственным покровительством ушли во Фландрию (в Брюгге). В последующие десятилетия были организованы новые регулярные маршруты, число которых к 1462 г. достигло восьми. Торговая республика оказалась связана с основными торговыми факториями как в Средиземноморье (Александрия, Бейрут, Эг-Морт, Тана и т.д.), так и за его пределами (Антверпен, Брюг-

ге, Лондон). Последней была открыта т.н. «линия» (*ligne du Trafego*); этот маршрут объединил всю торговую сеть африканского побережья Средиземного моря от Александрии через Крит и далее в порты Магриба [9, с. 339; 11, с. 85].

В середине XV в. система инканто достигла расцвета. В период с 1440 по 1455 г. общее число нанимаемых частными лицами торговых галер колебалось в год от 9 до 20, в среднем равняясь 14; общий груз этих галер составлял 3–4 тыс. т [12, с. 346]. После падения Константинополя в 1453 г. система галерных конвоев стала приходить в упадок. К четвертому десятилетию XVI в. действовали лишь два маршрута, выделившиеся из некогда единого, – бейрутский и александрийский [11, с. 85; 13, с. 88].

Формально система инканто представляла собой наем государственных военных и торговых галер. При этом первые служили охраной (конвоем) для вторых. Наем галер осуществлялся посредством аукциона (*incanto*; лат. *incantum*), давшего название всей системе. Первый такой аукцион был проведен в 1319 г., хотя пробное использование государственных галер для коммерческого плавания было осуществлено еще в 1294 г. [14, с. 49–50]. В дальнейшем аукционы стали проводиться ежегодно.

Перед аукционом венецианский Сенат определял все условия будущего плавания: число галер и состав конвоев; маршруты, включая порты захода; даты отправления, возвращения и продвижения по маршруту; перечень перевозимых товаров; стоимость паев; состав экипажа и его жалование; степень свободного усмотрения капитана судна. После этого галеры конвоя выставлялись на аукцион. Насколько походы морских галер считались значимыми для Венецианской республики, свидетельствует тот факт, что все решения по данному вопросу принимались Сенатом в присутствии не менее 80 членов (при этом по всем прочим вопросам кворум составлял 75 сенаторов).

Решения Сената (*Incanti*) заносились в реестры и объявлялись глашатаями с моста Риальто. Там же проводились первые аукционы (в последующем – на Пьяцетте Сан-Марко, рядом с колоннами). Примечательно, что длительность аукциона определялась временем горения свечи. В аукционе могли принимать участие только венецианские патриции, предварительно доказавшие перед специальной комиссией (*Avogadori de Comùn*) свою состоятельность и платежеспособность [14, с. 49–52]. Тот, кто выигрывал аукцион (патрон галеры), являлся фрахтовщиком, отвечавшим за оснащение галеры и выплату заработка экипажу. Обычно патроны принадлежали к знатнейшим венецианским семействам [15, с. 83]. Патрон, в свою очередь, взимал с купцов фрахт в соответствии с нагруженными товарами. Сделка на аукционе считалась совершившейся после того, как патроны оплачивали все галеры данного конвоя. В противном случае документы возвращались в Сенат, который менял условия выставленного на аукцион конвоя в сторону удешевления.

Контракт на перевозку груза на галере обычно делился между купцами на 16 или 24 доли-«карата». При этом участники (*parzenevoli* или *caratarii*) разделяли риски и прибыль пропорционально количеству их паев, а в случае необходимости несли солидарную ответственность [14, с. 44–49; 16, с. 137–153]. Во главе конвоя стоял капитан (*capitano*), который назначался Сенатом из числа патрициев высокого ранга. Кроме того, эти лица должны были пользоваться всеобщим уважением. Капитан выступал в качестве последней инстанции по важнейшим вопросам, которые могли возникнуть во время плавания, а также командовал военными силами конвоя. Капитан давал клятву лично венецианскому дожу и подписывал соглашение (*comissio*), оговаривавшее его права и полномочия. Перед выходом в море он был обязан проверить состояние каждой галеры и в случае необходимости отдать распоряжение об устранении недостатков. Во время плавания капитанам иногда приходилось принимать решения, противоречившие интересам купцов (вплоть до сброса товара в море во время шторма) или экипажа (отказ

в повышении жалования). Во всех случаях капитан должен был в первую очередь руководствоваться интересами государства [14, с. 56–69; 17].

Система инканто как пример публично-частного партнерства

Согласно одному из определений публично-частное партнерство представляет собой «долгосрочное сотрудничество между публичным и частным акторами, в рамках которого они совместно развивают производство и услуги и делят риски, затраты и стоимость ресурсов, связанных с этим производством» [18, с. 598]. Безусловно, она имеет свои преимущества и недостатки [19, с. 17]. К основным выгодам ПЧП относят: совместное использование возможностей публичного и частного секторов при достижении результата; распределение рисков; создание принципиально нового продукта (услуги), недостижимого сепаратными усилиями одной из сторон [7, с. 4]. Рассмотрим систему галерных конвоев с точки зрения получаемых сторонами выгод.

1. Совместное использование возможностей публичного и частного секторов при достижении результата.

1. Государственное участие.

По мнению Б. Думерка, к трем ключевым факторам, обеспечивавшим прибыльность в морской торговле Венеции, относятся регулярность, безопасность и скорость [20, с. 605–607]. Сотрудничество публичного и частного секторов, которое проявилось в организации системы инканто, позволило развить данные показатели до максимально возможного оптимума. Главной особенностью и преимуществом системы инканто была защита, которую могла обеспечить Венецианская республика, от любой формы организованного насилия [9, с. 125]. Государство, заинтересованное в защите своих торговых путей, обеспечивало их безопасность путем вооружения всех больших торговых галер. На каждом корабле размещалась артиллерия и находился небольшой отряд арбалетчиков из числа молодых нобилей. Галера конвоя также оснащалась артиллерией (из-за узкого корпуса этих галер это была куршейная пушка, дополненная орудиями меньшего калибра). Такого вооружения обычно было достаточно, чтобы отражать нападения пиратов, а иногда даже и военных кораблей противника. Кроме того, совместное плавание небольшой галерной флотилии давало дополнительные гарантии сохранности груза при штормах.

Государство также брало на себя расходы по строительству как галер конвоя, так и больших торговых галер (*galere da mercato*).

Еще одним преимуществом государственного участия в организации морской торговли было создание венецианской монополии на перевозку отдельных видов грузов. В частности, длительное время система инканто являлась единственным механизмом торговли такими ценными товарами, как восточные специи и пряности. На какое-то время венецианские купцы фактически монополизировали импорт специй в Западную Европу, получая на этом огромные доходы. Известно, что стоимость груза одной только галеры, прибывшей из Бейрута или Александрии, в континентальную Европу в XV в. могла достигать 200 тыс. дукатов (700 кг золота) [12, с. 346]. В 1414–1431 гг. галеры этих левантинских маршрутов перевозили в год товаров и драгоценных металлов стоимостью, эквивалентной 12 т серебра, в 1449–1468 гг. – 17 т серебра [21, с. 264]. Фландрский конвой 1409 г. нес грузы на общую сумму 460 тыс. дукатов, т.е. полторы тонны золота [17]. Как видно, в условиях неразвитости международного рынка монополия длительное время обеспечивала участникам огромную прибыль.

2. Частное участие.

Основные экономические выгоды государства при организации торговых галерных конвоев заключались не в доходе от фрахта, а в увеличении пошлин на ввоз и вывоз ценных товаров [22, с. 45–46]. Именно поэтому Венецианское государство было

прямо заинтересовано в осуществлении регулярных и безопасных торговых перевозок, взяв в определенный момент их организацию под свой контроль.

Интересы государства в развитии коммерческого мореплавания обеспечивались не только поступлениями от таможенных пошлин, но и развитием военного флота. Галеры были выбраны правительством для международной морской торговли и потому, что их легко можно было использовать в военных целях [9, с. 339]. Помимо наличия артиллерии и воинского отряда на каждой из галер это возможность при необходимости использовать для обороны гребцов. В результате флотилия из 5 галер означала небольшое «войско» в тысячу бойцов [3, с. 127]. Поэтому во время многочисленных войн власти Венеции привлекали торговые галеры с экипажами для военно-морских операций.

Если постройка галер шла под полным контролем государства и на государственном предприятии (Арсенал), то расходы на оплату работы экипажа, затраты на обслуживание, эксплуатационные расходы ложились на патрона, т.е. на частный капитал.

II. Распределение рисков.

Распределение рисков является одним из основополагающих принципов двусторонних отношений в ПЧП. В случае совместной организации морских торговых конвоев государство обеспечивало гарантии от возможных потерь путем тщательного контроля на разных стадиях предприятия. Во-первых, это определение условий аукциона и плавания, осуществлявшееся на самом высоком государственном уровне. Во-вторых, это правила проведения самого аукциона, включая требования к участникам. Наконец, во время подготовки к плаванию и самого плавания соблюдение государственных интересов обеспечивал капитан галерной флотилии, в руках которого были сосредоточены огромные полномочия как в отношении галер и их команд, так и в отношении перевозимых грузов.

III. Создание принципиального нового продукта.

Основным результатом сложившейся в XIV–XV вв. системы инканто явилась организованная на принципиально новом уровне морская торговля. Нигде более в средневековой Западной Европе государство не прилагало столько усилий для защиты коммерческих интересов своих подданных и нигде не задействовало для этих целей дипломатических рычагов. Можно сделать заключение, что система организованной морской торговли под государственным протекторатом явилась результатом длительных усилий, в том числе дипломатических, и территориальных присоединений [16, с. 133].

Многие исследователи отмечают, что полем применения ПЧП являются общественно значимые проекты, зачастую имеющие важное социальное значение. Эта характеристика применима и для системы инканто: в результате ее использования в Венецианской республике сложилась определенная модель социального партнерства, субъектами которого были патрициат (выступавший как с публичной, так и с частной стороны), средние слои населения, рабочий люд. Оговоримся, что система инканто являлась лишь одним из механизмов, обеспечивавших систему социальной стабильности в Венецианской республике на протяжении столетий. Доходами, поступающими за счет морской торговли, распоряжались пайщики, среди которых были как представители патрициата, так и более многочисленных средних слоев общества [20, с. 606; 23, с. 81].

Как уже было сказано, система галерных конвоев обеспечивала занятостью молодых нобилей из малообеспеченных семейств. С учетом того, что они составляли наиболее «беспокойный» в политическом отношении слой общества, это был действенный механизм поддержания стабильности. Ежегодно на бортах галер находилось до 150 представителей этого слоя венецианского общества [9, с. 344–346]. Как заключает К. Жюдде Ларивьер, в результате многомесячного плавания на борту «создавалась символическая связь между членами команды, купцами и нобилиями» [22, с. 46].

Система торговых галер в начале XIV в. оказала прямое влияние на рост производительности венецианского Арсенала, который представлял собой комплекс мастерских, где производили военные корабли, отливали пушки, изготавливали порох [24, с. 130–131]. С 1328 г. помимо традиционных военных галер власти республики начали строить в Арсенале большие торговые галеры (*galere da mercato*). Благодаря размерам и низкой осадке эти корабли были способны нести груз до 750 т [12, с. 343]. На строительстве и снаряжении галер было занято более 2 тыс. человек – целый социальный слой арсеналотти. Обеспечение их работой, а семей пропитанием было еще одним элементом венецианского социального контракта [25, с. 150].

Упадок системы инканто и трансформация венецианского общества

На протяжении более чем двух столетий система инканто являлась эффективным механизмом организации морской торговли товарами, имеющими большую ценность. Неслучайно правила, установленные для нее в середине XIV в., действовали без существенных изменений вплоть до середины XVI в. Более того, «к 1420-м гг. венецианские торговые галеры считались столь успешными, что у них появилось несколько подражателей» [9, с. 125]: система галерных конвоев была заимствована у Венеции другими итальянскими республиками – Генуей и Флоренцией.

Однако во второй половине XV в. система галерных конвоев уже вступила в период упадка [9, с. 348–352]. Для анализа причин этого следует понимать, что система галерных конвоев под патронатом государства сложилась в конкретных условиях: она сформировалась как ответ на затяжной кризис, позволив Венеции стать монополистом в импорте восточных пряностей и специй. До определенного момента система инканто оставалась прогрессивной и благоприятствовала развитию коммерции [14, с. 89]. В результате в Венеции сформировался целый слой купцов, занимавшихся международной торговлей и тесно связанных с республиканской политической элитой. Они «столь полно доминировали... что им не было необходимости в отдельной организационной структуре для этой деятельности» [9, с. 125]. С учетом того, что патроном галеры мог стать только патриций, можно постулировать, что коммерческая и политическая элиты Светлейшей республики по сути представляли собой единое целое. Примечательно, что серрата («закрытие» доступа в Большой совет, т.е. фактическое закрепление наследственного слоя патрициата) относится к тому же периоду времени, что и формирование системы инканто, – между 1280 и 1320 гг. [26, с. 67–84].

Признаками изменения конъюнктуры и начала упадка системы инканто стало сокращение количества маршрутов, а затем и частоты рейсов. Первыми Венеция утратила торговые маршруты в страны северной Европы, что было связано с изменением экономической и политической конъюнктуры. К определяющим кризисным факторам следует отнести перенос основных торговых путей в Атлантику, а также османские захваты в Средиземноморье. После падения Константинополя в 1453 г. восточные маршруты также постепенно приходят в упадок. Количество купеческих галерных конвоев из Венеции резко сокращается, утрачивается прежняя регулярность рейсов. Так, за три года – с 1513 по 1515 – в море вышел только один конвой из двух галер в Бейрут. Последний конвой (в Бейрут) был сформирован в 1569 г. [23, с. 83].

Кроме изменения мировой хозяйственной инфраструктуры на упадок инканто повлиял также ряд внутренних факторов. Детальное исследование Б. Думерка показало, что в системе галерных конвоев накопилось множество практически неразрешимых трудностей. Главной проблемой было несоблюдение сроков походов, все более частые задержки [20, с. 608–612]. При этом одной из главных причин несоблюдения сроков были участвовавшие реквизиции кораблей для государственных нужд, военных и дипломатических [14, с. 78–79; 20, с. 615]. Еще одной трудностью были проблемы, возника-

вше с экипажами галер. Среди корабельных команд нередки были волнения, бегство с корабля из-за чумы, требование повышения зарплаты. С другой стороны, качество нанимаемых команд понизилось, а патроны часто нарушали условия перевозки, перегружая галеры [20, с. 612–613, 615–617; 22, с. 179–236].

Следствием описанных явлений был разлад самой системы партнерских отношений частного и публичного секторов. В результате один из их участников – венецианский патрициат, утратил заинтересованность в системе. Инканто утратила свою прежде безупречную репутацию. Сложилась ситуация, когда арендованные частными лицами государственные галеры чаще нарушали установившиеся правила торгового оборота; сама система стала создавать препятствия для успешного развития торговли.

Доверие к государственным галерам было подорвано, а для конкурентов, напротив, сложились благоприятные условия [20, с. 614–615; 23, с. 87]. В итоге «к концу XVI в. патроны и купцы из числа венецианских патрициев отказались от общих интересов в пользу преумножения частного капитала» [20, с. 619]. Поскольку венецианский Сенат, в чьем ведении находилась система инканто, не мог разрешить накопившихся проблем без нарушения социального равновесия, то следствием стала переориентация патрициата с морской торговли на другие сферы коммерческой деятельности. Теперь патриции стали активно вкладывать свои капиталы в торговые и промышленные предприятия в Терраферме (сухопутная территория Венецианской республики). Известно, что на протяжении XVI в. инвестиции в Терраферму непрерывно росли [21, с. 267]. С другой стороны, государство отказалось от своего участия в морской коммерции. Теперь торговля стала рассматриваться как исключительно частное дело.

Согласимся с утверждением Клэр Жюдд де Ларивьер, что «история публичной навигации и, более широко, венецианской экономики, определялась трансформацией публичной и частной сфер, которая происходила в раннее Новое время» [23, с. 77]. Таким образом, отказ от системы торговых галер был результатом постепенного их разграничения [23, с. 78–90]. Прежняя нерасчлененность публичных и частных интересов у патрициата – одновременно политической и экономической (патроны) элиты – исчезла. На смену ей пришла более бюрократизированная система государственного управления, четко отграниченная от частной сферы. В этой системе не было и не могло быть места инканто.

Заключение

Таким образом, закат системы инканто связан с общим изменением конъюнктуры мировой экономики, потому что инканто была плохо адаптирована к новой социально-экономической ситуации. В этих условиях власти Светлейшей республики уже могли вкладывать значительные ресурсы в коммерческие предприятия. В результате Венеция сузила свои претензии, ограничив их Средиземным морем [20, с. 620]. Морская гегемония в мире перешла от Венеции к новым игрокам, а в рамках самой республики – от государства к частными лицам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Варнавский, В. Г. Партнерство государства и частного сектора: теория и практика / В. Г. Варнавский // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2002. – № 7. – С. 28–37.

3. Wettenhall, R. The Public-Private Interface: Surveying the History / R. Wettenhall // Challenge of Public-Private Partnerships: Learning from International Experience / ed. by G. Hodge, C. Greve. – Northampton : MA : Edward Elgar Publishing Limited, 2005. – S. 22–43.
4. Фурсов, К. А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями / К. А. Фурсов. – М. : КМК, 2006. – 364 с.
5. Кеймен, Г. Испания: дорога к империи / Г. Кеймен. – М. : АСТ, 2007. – 764 с.
6. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М. : Наука, 1973. – 232 с.
7. Greve, C. Introduction / C. Greve, G. Hodge // Challenge of Public-Private Partnerships : Learning from International Experience / ed. by G. Hodge, C. Greve. – Northampton : MA : Edward Elgar Publishing Limited, 2005. – S. 1–21.
8. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс : Весь мир, 1986–1992. – Т. 3 : Время мира. – 1992. – 679 с.
9. Lane, F. Ch. Venice, a Maritime Republic / F. Lane. – Baltimore : MD : The Johns Hopkins University Press, 1973. – 459 s.
10. Карпов, С. П. Венецианский документ XV в. о торговой навигации в Восточном Средиземноморье / С. П. Карпов // Латинская Романия / С. П. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 121–127.
11. Tenenti, A. Le film d'un grand système de navigation: les galères marchandes vénetiennes, XIV–XVI siècles / A. Tenenti, C. Vivanti // Annales E.S.C. – 1961. – № 1. – S. 83–86.
12. Луццатто, Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века / Дж. Луццатто. – М. : Изд-во иностр. лит., 1954. – 455 с.
13. Fournier, M. Venetian Maritime Supremacy through Time. A Visualization Experiment / M. Fournier // Maritime Networks: Spatial Structures and Time Dynamics / ed. by C. Ducruet. – New York : Routledge, 2016. – S. 77–91.
14. Stöckly, D. Le système de l'Incanto des gales du marché à Venise (fin XIIIe milieu – XVe siècle) / D. Stöckly. – Leiden ; New York ; Köln ; Brill, 1995. – 434 s.
15. Карпов С. П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. / С. П. Карпов. – М. : Вост. лит., 1994. – 158 с.
16. Doumerc, B. L'évolution du capitalisme marchand a Venise: le financement des galere da marcato à la fin du XVe siècle / B. Doumerc, D. Stöckly // Annales H.S.S. – 1995. – № 1. – S. 133–157.
17. Doumerc, B. Le rôle du capitano vénitien: défendre l'équipage ou l'armateur (1480–1520) / B. Doumerc // Actes du 128 congrès national des sociétés historiques et scientifiques. – Paris : Comité des travaux historiques et scientifiques, 2004. – 491 s.
18. Van Ham, H. Building Public-Private Partnerships: Assessing and Managing Risks in Port Development / H. Van Ham, J. Koppenjan // Public Management Review. – 2001. – Vol. 3, № 4. – S. 593–616.
19. Мажинская, М. А. О содержании понятия «государственно-частное партнерство» / М. А. Мажинская // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 12–17.
20. Doumerc, B. La crise structurelle de la marine vénitienne au XVe siècle: le problème du retard des mude / B. Doumerc // Annales E.S.C. – 1985. – № 3. – S. 605–623.
21. Pezzolo, L. The Venetian Economy / L. Pezzolo // Companion to Venetian History / ed. by E. R. Dursteler. – Leiden : Brill, 2013. – S. 255–289.
22. Judde de Larivière, C. Naviguer, commercer, gouverner. Économie maritime et pouvoirs à Venise (XIVe–XVIe siècles) / C. Judde de Larivière. – Leiden : Brill, 2008. – 362 s.

23. Judde de Larivière, C. The «Public» and the «Private» in Sixteenth-Century Venice: From Medieval Economy to Early Modern state / C. Judde de Larivière // Historical Social Research. – 2012. – № 4. – S. 76–94.

24. Lane, F. Ch. Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance / L. F. Lane. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1934. – 296 s.

25. Davis, R. C. Shipbuilders of the Venetian Arsenal: Workers and Workplace in the Preindustrial City / R. C. Davis. – Baltimore : MD : The Johns Hopkins University Press, 1991. – 280 s.

26. Rösch, G. The Serrata of the Great Council and Venetian Society, 1286–1323 / G. Rösch // Venice Reconsidered: the History and Civilization of an Italian City-State, 1297–1797 / ed. by J. Martin and D. Romano. – Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 2000. – S. 67–88.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.09.2017

Mazarchuk D.V., Murashko I.A. Public-Private Partnership in the Sphere of Marine Trade: Historical Experience (on the Material of the Venez Republic)

The article deals with an analysis of the system of trade sea convoys (incanto) existed in the Venetian republic in 14–16th centuries. The system was operated under the direct intervention of the state provided logistical and military support. The formation of convoys, rules of carrying out of the auctions and ways of attraction of the funds, routes of traffic are considered. The article reveals the advantages and disadvantages of the incanto system in general and in terms of the interests of the parties (the private sector / the authorities of the republic). A conclusion is made about the conformity of the incanto system to the basic principles of public-private partnership. Also the article suggests the reasons for the collapse of the system of the galley convoys in connection with the general reformatting of the Venetian society. The conclusion is made about the connection between the decay of the incanto system and general changes in the world economic situation.

УДК 338.48

О.А. Ковалевич

аспирант каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета
e-mail: kavalevka@mail.ru

ТУРИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ И ЕГО ОЦЕНКА

Рассматриваются различные подходы к трактовке туристского потенциала, его составляющие, а также методики оценки. На основе проведенного анализа отечественных и зарубежных теоретико-методических и прикладных аспектов формирования и исследования туристского потенциала территории, критериев оценки отдельных видов туристских ресурсов предложена методика оценки, которая учитывает и сопоставляет семь выделенных составляющих потенциала: природно-ресурсную, культурно-историческую, трудовую, экономическую, материально-техническую, информационную и институциональную. Теоретической основой исследования является разнообразие туристских ресурсов и методы их изучения. Для решения поставленных задач применялись методы сравнительного, факторного анализа, ориентированные на оценку основных направлений развития туризма.

Введение

Важным условием для развития туризма в регионе является наличие туристского потенциала. Под потенциалом чаще всего понимают имеющиеся на определенной территории резервы (возможности), которые при определенных условиях могут быть использованы для достижения поставленных целей.

В настоящее время существует проблема разработки единой методики оценки туристского потенциала. Это связано с многоаспектностью туризма, сложностью его как социально-экономического явления, собирательным компонентным составом туристского потенциала, разнообразием туристских ресурсов и видов туризма. В большинстве экономических оценок туристского потенциала в первую очередь рассматривается не привлекательность дестинации, а возможность принимать туристов (пропускная способность объекта) и другие экономические факторы, связанные с туристской деятельностью. При анализе на основе географических методов используют опыт и практику туристской деятельности исследуемой территории и акцентируют внимание на оценке туристских ресурсов.

На сегодняшний день туризм оказывает все большее влияние на формирование валового национального продукта, бюджета страны, положительно влияет на уровень занятости населения, способствует развитию инфраструктуры региона. Оценка туристского потенциала помогает не только определить степень обеспеченности территории туристскими ресурсами и инфраструктурой, но и выявить приоритетные направления развития туризма с учетом существующих проблем, ограничивающих использование имеющихся ресурсов.

Целью статьи является анализ трактовок туристского потенциала и методик его оценок. Актуальность исследования объясняется быстрым развитием индустрии туризма и возрастающим интересом к вопросам оценки туристского потенциала.

Понятие туристского потенциала

Наличие туристского потенциала – необходимое условие для развития индустрии туризма. Под туристским потенциалом понимается вся совокупность природных,

Научный руководитель – Ю.А. Власюк, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, маркетинга, инвестиций Брестского государственного технического университета

культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации туристской деятельности на определенной территории [1]. Среди других трактовок туристского потенциала следует отметить такие:

1) разница между фактической и предельно возможной численностью туристов по отношению к туристской дестинации;

2) наличие объектов туристского показа, уникальных или вызывающих интерес не только у местных жителей.

Такие определения туристского потенциала не отражают всей сложности и многогранности рассматриваемого понятия.

Специалисты, исследующие вопросы туристского потенциала, отмечают тесную взаимосвязь между понятиями «туристский потенциал» и «туристский ресурс». Понятие потенциала более широкое и помимо ресурсов включает в себя условия и факторы развития индустрии туризма. А.С. Кусков отмечает, что общепринятых трактовок потенциала не существует. По его мнению, в структуру туристского потенциала входят туристские ресурсы и туристская инфраструктура. Ресурсы подразделяются на три составляющие: природные, культурно-исторические и социально-экономические. Причем социально-экономические ресурсы имеют двойственный характер, так как включают элементы туристской инфраструктуры. А.В. Дроздов считает, что туристский ресурс – это совокупность характеристик, предметов и явлений, а потенциал предполагает оценку или сравнение. Д.С. Ушаков туристский потенциал предлагает рассматривать как совокупность туристских ресурсов и факторов туристского производства.

Большинство авторов сходятся во мнении, что ресурс – это уже используемый или планируемый к использованию в ближайшее время туристский предмет (явление, средство), а потенциал – оценка туристских ресурсов комплексно или по отдельности.

Туристский потенциал предлагается рассматривать как совокупность следующих составляющих-потенциалов:

1) природно-ресурсный потенциал (совокупность природных богатств и компонентов природной среды, пригодных для использования в туристской деятельности);

2) культурно-исторический потенциал (исторические ценности, культурное наследие, в том числе современное, искусственно созданное, – все, что может быть использовано для развития туризма);

3) трудовой потенциал (возможности региона по подготовке квалифицированных кадров, соответствующих требованиям отрасли и рынка, необходимых для осуществления туристской деятельности);

4) материально-технический потенциал (составная часть экономического (хозяйственного) потенциала региона, характеризующаяся способностью региона в области воспроизводства туристского продукта);

5) экономический потенциал (возможности основных и дополнительных предприятий индустрии по обеспечению необходимых условий для осуществления туристской деятельности и удовлетворения потребностей клиентов);

6) информационный потенциал (комплекс организационно-технических и информационных возможностей, которые влияют на характер (специфику) производства туристского продукта путем распространения информационных ресурсов);

7) институциональный потенциал (все уровни управления с целью создания благоприятных условий для функционирования сферы туризма).

Все элементы, входящие в состав частных потенциалов, являются туристскими ресурсами.

А.В. Кусков отмечает, что выявить туристский потенциал значительно проще, чем произвести его оценку. Привлекательность территории для развития туризма традиционно связывают с культурно-историческим наследием (достопримечательности,

памятники архитектуры и др.) и природными богатствами. В последнее время популярные туристские объекты имеют не только естественный характер происхождения: они могут создаваться искусственно (например, тематические развлекательные парки-аттракционы). Встречаются и туристские объекты комплексного характера, имеющие одновременно естественное и искусственное происхождение (пляжи). При оценке туристских объектов следует учитывать все области жизнедеятельности, которые могут повлиять на развитие туризма: культура, образование, здравоохранение, политическая и экономическая ситуация, социальная сфера, т.е. должно учитываться состояние и развитие дополнительных предприятий индустрии туризма.

Оценка туристского потенциала

Для определения направлений и перспектив развития туризма традиционно оценивают современное состояние объектов и степень их использования; также делается прогноз возможностей более эффективного использования туристских ресурсов, и анализируются факторы, сдерживающие развитие туризма.

В специализированной литературе выделяют два подхода к оценке туристского потенциала. Первый подход заключается в проведении оценки имеющихся туристских ресурсов в совокупности. Второй подход основывается на оценке отдельных составляющих потенциала территории. Оценка отдельных составляющих потенциала позволяет сравнивать туристские ресурсы со схожими ресурсами других территорий.

Традиционно при оценке туристского потенциала рассчитываются и анализируются такие показатели, как количество, плотность размещения и разнообразие объектов индустрии туризма, уникальность и ценность этих объектов, их значение в развитии туризма в регионе, сохранность и современное материальное состояние объектов, их доступность для целей туризма, степень эффективности использования и пропускная способность объектов, максимальное количество туристов для размещения на определенной территории и др. [2].

В современной экономической литературе наиболее часто упоминаются следующие методики оценки туристского потенциала:

1. Интегральный метод оценки совокупного туристского потенциала, предложенный Е.И. Богдановым. Методика предполагает анализ всех туристских ресурсов, расположенных на конкретной территории; расчет максимально возможного объема предоставляемых услуг при наиболее полном использовании всех имеющихся ресурсов; сравнение максимально возможного объема туристских услуг с фактической величиной.

2. Оценка туристского потенциала территории, предложенная А.В. Дроздовым (методика описывает оценку туристского потенциала национальных парков, но может быть применена и к другим объектам). Согласно этой методике оценки все объекты делятся на две группы: «природные и культурные ландшафты» и «средства и условия осуществления туров». Оценка объектов первой группы происходит по критериям истории и происхождения, уникальности, сохранности и др. Вторая группа оценивается по таким показателям, как нормы ресурсопользования, экологической безопасности, выброс вредных веществ, расход топлива и др.

3. Оценка туристского потенциала, предложенная Е.Ю. Колбовским. Оценка туристского потенциала по данной методике заключается в выявлении и анализе объектов исторического наследия, уникальных природных и связанных с культурным ландшафтом объектов, мест самостоятельного или неорганизованного отдыха и составлении заключения на основе проведенного исследования. В заключении делаются выводы о туристско-рекреационном потенциале территории: наличии и возможности использования имеющихся туристских ресурсов; видах туризма, присущих для региона

и перспективных для развития; новых туристских маршрутах; факторах и проблемах, препятствующих развитию туристского потенциала.

4. Оценка туристско-рекреационного потенциала территории, предложенная Ю.А. Худеньких. Согласно данной методике оцениваются основные составляющие туристского потенциала (культурно-исторические, природные и социально-экономические ресурсы) по балльной шкале относительно наиболее массовых видов туризма, присущих данному региону. Культурно-исторические и природные ресурсы оцениваются относительно ценности наследия территории. В основе оценки социально-экономических ресурсов – инфраструктура, оказывающая влияние на развитие туризма. Заключительным этапом оценки является определение доли конкретной территории в соответствующей составляющей потенциала на основе проведенной балльной оценки и корректирующих коэффициентов.

5. Оценка рекреационного потенциала территории, предложенная К.В. Кружалиным. Оценка туристского потенциала, согласно данной методике, состоит из следующих этапов: определение основных видов туризма, которые характерны или планируется развивать в регионе, на основе чего формируется набор показателей оценки; создание карт комплексной оценки природных ресурсов. Каждому выбранному показателю эксперты присваивают весовой коэффициент, затем рассчитывают средневзвешенные значения, отражающие интегральную оценку потенциала региона.

6. Оценка туристского потенциала, разработанная А.В. Логиновым. Методика заключается в анализе имеющихся туристских ресурсов, оценке потребностей в них и прогнозировании возможностей более эффективного их использования. Основными критериями оценки потенциала выступают количество туристских объектов, количество койко-мест, благоприятность природно-климатических условий, степень удаленности территории от моря и качество жизни населения. В результате выделяют территории с положительным и отрицательным балансом туристских потоков.

7. Оценка комплексного рекреационного потенциала территории, предложенная В.А. Рубцовым и С.А. Шабалиной. Методика заключается в определении конечной цели исследования (исходя из которой определяются и упорядочиваются по значимости характеристики оценки), делении территории анализа на операционно-территориальные единицы и составлении карт.

8. Оценка природно-рекреационного потенциала территории, предложенная И.А. Башалхановым и Л.Б. Башалхановой. Оценка потенциала территории, согласно данной методике, начинается с определения основных свойств территории (наличие ресурсов, их востребованность и др.). Каждая составляющая природно-рекреационного потенциала оценивается по балльной шкале.

9. Оценка туристского качества, разработанная А.С. Кусковым. Туристское качество автор методики определяет как интегральную совокупность ряда количественных и качественных характеристик определенной территории, позволяющих сделать вывод о ее туристской привлекательности, а также степени обеспеченности туристскими ресурсами и инфраструктурой. А.С. Кусков предлагает оценивать туристское качество территории по выделенным им количественным и качественным критериям, объединенным в такие группы, как параметры оцениваемой территории, природные, культурно-исторические и социально-экономические ресурсы, доступность территории, современное состояние туризма, факторы развития туризма и др.

10. Методика оценки потенциала культурного туризма, разработанная П.С. Ширинкиным (может применяться не только для расчета потенциала указанного вида туризма). Методика подходит для расчета потенциала территории с одним главным туристским центром и несколькими неосновными, которые обладают набором туристских ресурсов. В основе методики – анализ достопримечательностей, расположенных

на анализируемой территории. При оценке потенциала учитываются транспортная доступность, разнообразие мест размещения, питания, наличие центров досуга и развлечений, шопинга, проведение фестивалей и туристских событий, известность территории, а также время, за которое можно добраться от главного до периферийных центров.

11. Расчет индекса T&T (Travel and Tourism Competitiveness Index), который состоит из трех субиндексов (регулирующий рамки туризма и путешествий; предпринимательской деятельности и инфраструктуры; природных ресурсов, культуры и людей).

Основываясь на работах специалистов и учитывая традиционные методы оценки, предлагается интегральный метод оценки туристского потенциала на основе анализа его составляющих. Для оценки туристского потенциала были выделены две группы факторов (неуправляемые, или объективные, и управляемые, т.е. те, на которые можно воздействовать), в состав которых входят семь составляющих-потенциалов: природно-ресурсный, культурно-исторический, трудовой, экономический, материально-технический, информационный и институциональный. Данные для расчетов показателей выделенных потенциалов предлагается брать в ежегодно публикуемых статистических сборниках в натуральных показателях, а так же на основе проводимых маркетинговых исследований в балльных показателях для получения наиболее точной и всесторонней оценки. Данная методика лучше всего подходит для оценки туристского потенциала страны или региона. Если сравниваются регионы с большими различиями по территории, по объемным показателям, то предпочтительно привести показатели в относительную форму с числом жителей или объемом выпускаемой продукции.

Оценка потенциала состоит из трех этапов. Ее предлагается рассчитывать индексным методом. Индексы нужны для сопоставления разно размерных показателей натуральной формы. Индексы показателей рассчитываются по следующей формуле:

$$I = \frac{\text{факт} - \min}{\max - \min}, \quad (1)$$

где *факт* – фактическая величина исследуемого показателя, *max* – его максимальная величина, а *min* – минимальная величина.

Полученное по формуле расчета индексов показателей значение является количественной характеристикой потенциала по конкретному показателю, а сумма индексов по всем показателям отдельной составляющей, деленная на число используемых для оценки составляющей показателей, является оценкой потенциала по анализируемой составляющей туристского потенциала (индекс потенциала).

$$I_n = \frac{\sum I_i \cdot k_i}{n}, \quad (2)$$

где k_i – коэффициент весомости i -го показателя в группе, n – количество показателей измерения в группе.

Индекс туристского потенциала территории (интегральный индекс) соответственно включает 7 компонентов и определяется по формуле простой средней арифметической, т.к. составляющие для характеристики совокупного потенциала равны.

$$I = \frac{\sum I_{ni}}{m}, \quad (3)$$

где m – количество блоков показателей.

Коэффициенты весомости для индексов потенциалов не вводятся. Можно достаточно объективно характеризовать туристский потенциал территории при равных коэффициентах весомости для частных потенциалов. Это связано с научно-техническим, экономическим и социальным развитием общества в целом. Если раньше туристский потенциал в значительной мере определялся неуправляемыми факторами (природно-ресурсным и культурно-историческим потенциалом), то в настоящее время все важнее становятся экономическая и материально-техническая составляющие. Объекты туристского показа могут создаваться искусственно, в том числе и целенаправленно.

Тем не менее коэффициенты весомости были введены для некоторых частных показателей оценки. Например, для показателей культурного наследия были введены баллы от 1 до 4 для разграничения объектов местного, регионального, национального и международного значения соответственно. Для отражения привлекательности объектов для различных групп потребителей также были введены коэффициенты весомости. Баллы для коэффициентов варьируются от 0 до 4 в зависимости от степени востребованности объекта различными категориями туристов. Сумма оценок всех категорий потребителей характеризует важность показателя.

Все коэффициенты весомости включаются в диапазон от 1 до 2. Баллы записываются в качестве десятых коэффициента.

Индекс туристского потенциала составляет величину от 0 до 1. Чем ближе полученное значение к 1, тем выше уровень развития туристского потенциала региона.

В зависимости от полученного значения индекса туристского потенциала территории можно разделить на пять групп: территории с низким, средним и высоким уровнем развития, а также территории с уровнем развития выше и ниже среднего.

Предлагаемая методика носит обобщающий характер. Она учитывает историю формирования подобных исследований и опыт оценочных подходов. Главным достоинством методики является попытка учета многообразия факторов, влияющих на формирование и развитие туризма в регионе. Показатели оценки подобраны таким образом, чтобы можно было сделать выводы о приоритетных для развития видах туризма.

Заключение

Вопросы оценки туристского потенциала становятся все более актуальными в связи с быстрым развитием индустрии туризма, становлением ее одной из ведущих отраслей экономики. Развитие туризма в регионе способствует развитию таких отраслей, как транспорт, общественное питание, торговля, связь, строительство и др. Оценка эффективности отрасли туризма позволяет определить ее вклад в общую экономическую эффективность региона. Оценка туристского потенциала территории позволяет выявить факторы, влияющие на развитие отрасли, и прогнозировать и регулировать развитие сферы туризма.

Методики оценки туристского потенциала, а также туристских ресурсов можно разделить на три основных группы: количественные, качественные и смешанные, сочетающие в себе два предыдущих подхода.

Основная сложность оценки туристского потенциала территории заключается в том, что разные виды туризма требуют для своего развития различных ресурсов и условий. При проведении оценки необходимо производить группировку критериев соответственно поставленным целям анализа. Особое внимание следует уделять не только положительным факторам развития туристской деятельности, но и отрицательным, которые оказывают негативное влияние на развитие туризма в регионе.

Несмотря на большое количество работ, связанных с оценкой туристского потенциала, отсутствует общепринятый метод оценки. Отсутствие универсального метода оценки затрудняет сравнение туристских потенциалов различных регионов [2].

Наиболее полной и объективной оценкой потенциала считается комплексная оценка, которая предполагает составление общей интегральной характеристики на основе суммирования оценок основных компонентов. Интегральная оценка не только дает полную информацию об имеющихся туристских ресурсах, но и может браться в качестве первичной информации при стратегическом планировании туристского бизнеса, а также использоваться при осуществлении территориального управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кусков, А. С. Основы туризма : учебник / А. С. Кусков, Ю. А. Джаладян. – М. : КНОРУС, 2008. – 400 с.
2. Ковалевич, О. А. Методологические основы оценки туристского потенциала / О. А. Ковалевич // Сталій розвиток територій: проблеми та шляхи вирішення : матеріали VII Міжнар. наук.-практ. конф., Дніпро, 21 жовт. 2016 р. – Дніпро : ДРІДУ НАДУ, 2016. – С. 146–149.
3. Дроздов, А. В. Основы экологического туризма : учеб. пособие / А. В. Дроздов. – М. : Гардарики, 2005. – 271 с.
4. Ушаков, Д. С. Стратегическое планирование в туризме / Д. С. Ушаков. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 285 с.
5. Кусков, А. С. Туристское ресурсоведение : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / А. С. Кусков. – М. : Академия, 2008. – 280 с.
6. Рубцов, В. А. Оценка рекреационного потенциала и развитие внутреннего туризма в Республике Татарстан / В. А. Рубцов, С. А. Шабалина // Туризм и региональное развитие : материалы III Международ. науч.-практ. конф. – Смоленск : Универсум, 2004. – С. 376–381.
7. Колбовский, Е. Ю. Экологический туризм и экология туризма : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е. Ю. Колбовский. – М. : Академия, 2006. – 256 с.
8. Худеньких, Ю. А. Подходы к оценке туристского потенциала территории на примере районов Пермского края / Ю. А. Худеньких // География и туризм : сб. науч. тр. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 217–230.
9. Кружалин, К. В. Экономико-географическая оценка рекреационного потенциала России для развития международного туризма : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / К. В. Кружалин. – М. : Дрофа, 2002. – 141 с.
10. Ширинкин, П. С. Оценка потенциала культурного туризма в Пермском крае: проблемы и решения / П. С. Ширинкин // Вестн. ассоц. вузов туризма и сервиса. – 2015. – № 3, т. 9. – С. 21–30.
11. Сафарян, А. А. Подходы к оценке туристского потенциала территории / А. А. Сафарян // Геогр. вестн. – 2015. – № 1 (32). – С. 89–102.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.09.2017

Kovalevich O.A. Tourist Potential and its Evaluation

The article considers different approaches to the interpretation of the tourist potential, its components and evaluation methods. Based on the analysis of domestic and foreign theoretical and methodological and applied aspects of formation and study of the potential, criteria for the assessment of individual types of tourist resources, an algorithm for assessing the tourist potential of the territory is proposed. It considers and compares seven components of the potential: natural and resource, cultural and historical, labor, economic, material and technical, information and institutional.

УДК 339.944.2

М.М. Шупенько

*ведущий переводчик отдела экономических связей и переводов
Гомельского отделения Белорусской торгово-промышленной палаты
e-mail: marishka_fned@mail.ru*

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Предлагается анализ возможных сфер сотрудничества между Республикой Беларусь и Республикой Индия. Рассматривается динамика экспорта товаров и услуг. Предлагаются варианты возможных инвестиционных проектов с участием белорусской и индийской сторон. Анализируется деятельность организаций, созданных на территории Республики Беларусь с участием индийского капитала с точки зрения динамики их количества, вкладов в уставные фонды, накопления инвестиций в реальном секторе экономики. Рассмотрение отраслей Индии может быть полезно для обмена опытом между странами и развития взаимовыгодного сотрудничества. Сравнительная характеристика двух стран по некоторым аспектам в социальной сфере, промышленности и сельском хозяйстве дает возможность увидеть реальные перспективы взаимодействия.

Введение

Индия является седьмым по величине (после Российской Федерации, Канады, США, Китая, Бразилии и Австралии) и вторым по численности населения государством мира. По плотности населения Индия стоит на пятом месте после Сингапура, Мальты, Республики Корея, Нидерландов. Индия относится к крупнейшим производителям текстиля, кожи, изделий из кожи, обуви, резиновых и пластмассовых изделий, медицинской техники, измерительных и оптических приборов, аппаратуры, часов, офисного оборудования, вычислительной техники, транспортных средств. Индия известна своими традиционными отраслями экономики: легкой, пищевой и алмазной промышленностью. Особое место традиционно здесь занимает текстильная промышленность – производство хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и других тканей. Ремесленники Индии хранят и развивают давние традиции обработки драгоценных и полудрагоценных камней, выделки узорных тканей, резьбы по слоновой кости и росписи керамических изделий, чеканки и ковроткачества, изготовления золотых украшений и оружия из булатной стали.

Торговые отношения

Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Республикой Индия установлены 17 апреля 1992 г. С этого момента начинается официальная история белорусско-индийских торгово-экономических отношений. Индия – один из важнейших партнеров Республики Беларусь в азиатском регионе. Она занимает 14 место во внешнем товарообороте Республики Беларусь. В 2016 г. товарооборот между двумя странами составил 402,22 млн долл. США. Белорусский экспорт в Индию доминирует над импортом. Положительное сальдо Беларуси в 2016 г. составило 133,93 млн долл. США. Белорусский экспорт товаров в Индию формируют в основном калийные удобрения, антидетонаторы, антиоксиданты, ингибиторы, загустители. Беларусь импортирует из Индии лекарственные средства, расфасованные для розничной продажи, филе рыбное и прочее мясо рыбы (включая фарш), инсектициды, гербициды, электрические трансформаторы, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, телекоммуникационную аппаратуру и части к ней, пищевые продукты. Однако динамика экспорта и импорта нестабильна и требует дополнительных стимулирующих мер (рисунок 1) [1].

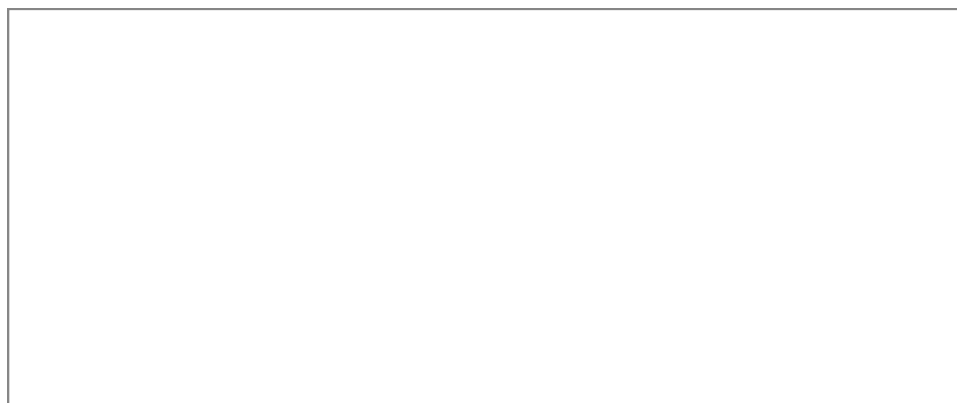

Рисунок 1. – Экспорт и импорт Республики Беларусь, млн долл. США

В 2015 г. индекс экономической сложности экспортируемых товаров Индии равнялся 0,392, что обуславливало ее 49 место из 124 стран с ассортиментом 395 продуктов, продаваемых на экспорт. Индекс экономической сложности Республики Беларусь составлял 0,856, что позволяло ей, экспортируя 210 продуктов, занимать 30 место [2].

Одним из основных белорусских товаров на экспорт в Индию являются калийные удобрения. Анализируя экспорт удобрений, следует отметить, что Беларусь стоит на 10 месте среди стран, экспортирующих данный продукт, после Китая, Саудовской Аравии, Российской Федерации, Ирана, Омана, США, Канады, Иордании и Литвы [3, с. 195]. При этом китайская продукция составляет около 40 % объемов импорта Индии (таблица 1).

Таблица 1. – Импортёры удобрений в Индию в 2015 г., тыс. долл. США

Китай	3 530 376	Израиль	113 675
Саудовская Аравия	736 441	Германия	69 773
Российская Федерация	653 799	Эстония	68 676
Оман	378 473	Индонезия	38 376
США	336 465	Украина	37 480
Канада	315 370	Латвия	34 769
Иордания	187 710	ОАЭ	29 361
Литва	137 289	Узбекистан	25 458
Беларусь	130 128		

Вместе с тем в Индии достаточно хорошо развито производство минеральных удобрений, и в 2014 г. превышало оно производство Беларуси в пересчете на 100 % питательных веществ в 14,6 раза.

Можно предположить, что страны импортируют больше у тех партнеров, которые находятся ближе в географическом плане. Однако на практике оказывается, что логистическая составляющая уступает маркетинговой: Китай является экспортером № 1 в мире, хотя среднее расстояние до его торговых партнеров и импортирующих рынков составляет 6 411 км (для Беларуси – 1 903 км) [4]. Для сравнения: самые большие расстояния до своих партнеров имеют Новая Зеландия (11 143 км), Чили (11 455 км), Либерия (11 456 км). Корреляционный анализ выявил отсутствие связи между объемом поставляемого экспорта и расстоянием между торгующими рынками.

По объему экспорта Беларуси в Индию значительное место занимают органические химикаты, однако среди импортёров данного вида продукции Беларусь занимает 42 место. Лидирующими же являются Китай, Сингапур, Саудовская Аравия, США, Кувейт, Германия, Корея, Иран.

Изучив торговлю услугами двух стран, отметим, что экспорт услуг Индии в 26,9 раза превышает экспорт услуг Беларуси, а экспорт услуг информационно-коммуникационных технологий – в 148,5 раза. Удельный вес экспорта услуг информационно-коммуникационных технологий в общем объеме экспорта услуг Индии также высок (таблица 2).

Таблица 2. – Удельный вес экспорта услуг информационно-коммуникационных технологий в общем объеме экспорта услуг, %

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Беларусь	8,1	9,4	9,9	11,4
Индия	66,6	68,6	68,1	67,5

Совместные проекты

На территории Беларуси имеются организации, созданные с участием индийского капитала, однако количество за последние годы стало уменьшаться (рисунок 2).

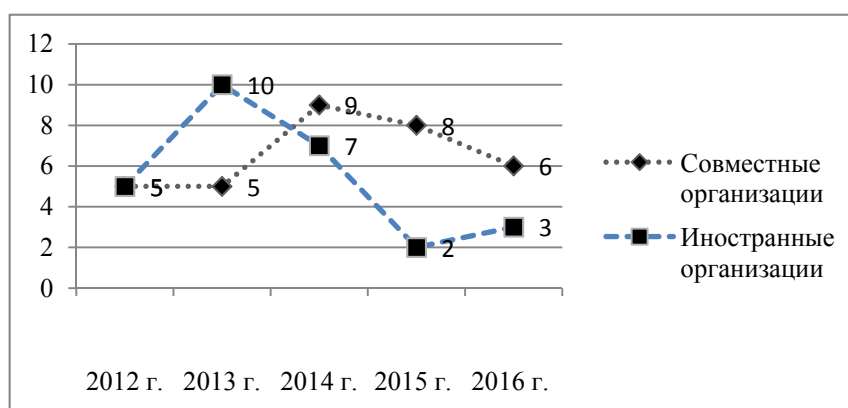

Рисунок 2. – Количество организаций с индийскими инвестициями (на 1 января)

По вкладам в уставные фонды просматривается следующая динамика: иностранные организации после сильного роста начали их сокращать, совместные организации стремятся их нарастить (рисунок 3).

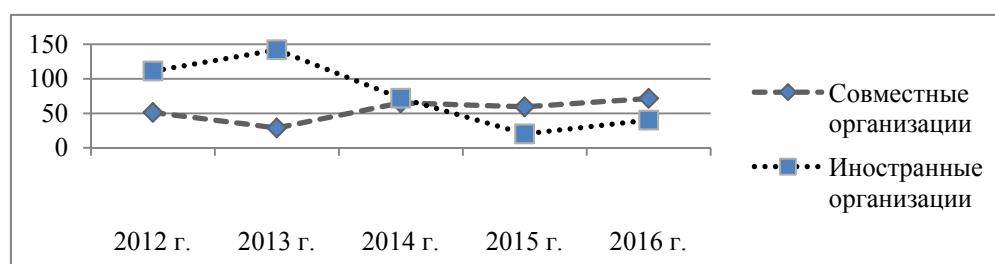

Рисунок 3. – Вклады в уставные фонды организаций с индийским капиталом (на 1 января), тыс. долл. США

В реальном секторе экономики накапливают иностранные инвестиции в основном совместные организации. Иностранные организации в этом плане слишком нестабильны (рисунок 4).

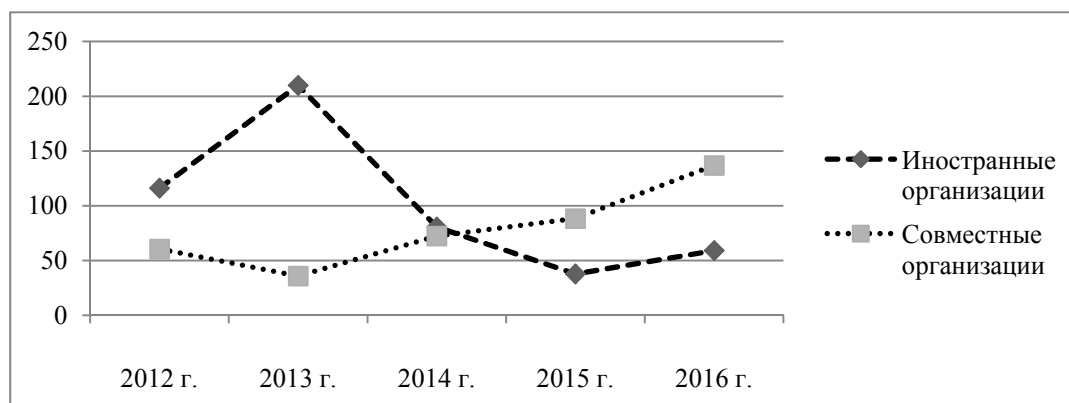

Рисунок 4. – Индийские инвестиции в реальном секторе экономики (на 1 января), тыс. долл. США

Одним из значимых инвестпроектов с участием индийских бизнесменов является строительство фармацевтического завода «Нативита» в Бешенковичах [5]. Технологии для нового производства с долей в этом бизнесе предоставляет индийская компания Natco Pharma. В качестве основы для перспективных проектов могут также стать совместные разработки в области нано- и биотехнологий, микроэлектроники, машиностроения, возобновляемых источников энергии. Такие производства могут быть созданы в индустриальном парке «Великий камень», где резиденты пользуются поддержкой правительства Беларуси, беспрецедентными льготами и беспрепятственным выходом на рынок Евразийского экономического союза, а также Европейского союза.

Индийские инвесторы заинтересованы в сотрудничестве в рамках «зеленых» проектов, например, в области альтернативной энергетики, строительстве домов, окруженных зеленью [6]. Выдвинутая правительством Индии инициатива «Сделано в Индии» (Make in India) [7] направлена на привлечение многонациональных, а также национальных компаний производить свою продукцию в Индии. Данная инициатива была объявлена премьер-министром Нарендра Моди 25 сентября 2014 г., что способствовало росту прямых иностранных инвестиций в Индию. Возможность сотрудничества по этому проекту открыта и для инвесторов из Беларуси. Товарооборот между двумя странами в последние годы становится все более активным. Однако, если посмотреть на товарооборот совместных и иностранных организаций, то видно, что эти организации не способствуют его росту (рисунки 5, 6). Снижение импорта является положительной тенденцией, но экспорт следует наращивать. Совместные организации интенсивно участвуют в торговых отношениях. Их доля в общем экспорте Республики Беларусь составила 2,2 %, доля иностранных организаций – 0,6 % [8, с. 8].

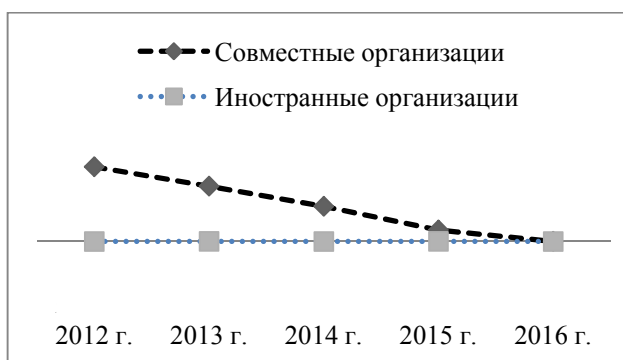

Рисунок 5. – Экспорт товаров (на 1 января), тыс. долл. США

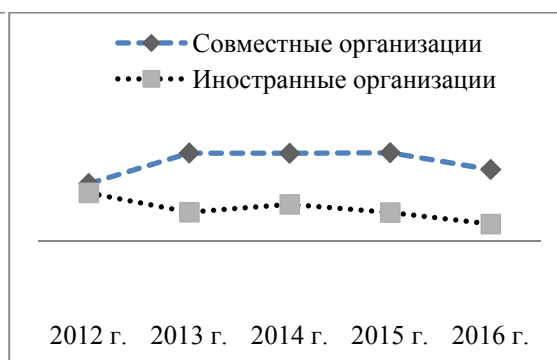

Рисунок 6. – Импорт товаров (на 1 января), тыс. долл. США

Совместные проекты могут быть не только в сфере торговли. По словам Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, наше государство, располагая современными технологиями, оборудованием, имеет возможность участвовать в модернизации горнодобывающей отрасли Индии, повышении продуктивности ее нефтегазового сектора [9]. В Индии пользуются спросом большегрузные автомобили БелАЗ на добыче угля. В связи с этим создание собственного центра сервисного обслуживания таких сложных машин позволит обеспечить полноценную цепочку своевременного, качественного и эффективного обслуживания белорусской карьерной техники от ее продажи до эксплуатации. Также в перспективе рассматривается совместное производство автобусов, грузовых автомобилей, коммунальной и дорожно-строительной техники и развитие товаропроводящих сетей для выхода на новые рынки. Возможным является взаимодействие в области тракторостроения в рамках совместного проекта по производству техники под брендом «Беларус». Для ее обслуживания рассматривается создание в Индии технических учебных центров для подготовки специалистов. Немаловажным для реализации проектов является укрепление связей между банками и финансовыми организациями двух стран.

Население

Индия привлекательна для Беларуси не только в аспекте торговых и экономических отношений. Территория Индии в 15,8 раза превышает площадь Беларуси, а население Дели в 9,5 раза превышает население г. Минска. В отличие от Беларуси население Индии сконцентрировано в сельских населенных пунктах. В структуре населения (2015 г.) мужчины превышают женщин на 3,6 % (в Беларуси отмечается обратная тенденция: женщин на 7 % больше). Относительно возрастной структуры населения выявлено, что в 2015 г. удельный вес лиц 0–14 лет в Беларуси равнялся 16,3 %, в Индии – 28,8; удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше – 14,4 и 5,6 % соответственно. Мировые тенденции возрастной структуры населения характеризуются следующим: на категорию лиц в возрасте до 15 лет приходится 30 % всего населения, 15–60 лет – 60, более 60 лет – 10 % [10].

Экономические показатели

В 2015 г. по сравнению с предыдущим годом ВВП Индии увеличился на 7,6 %, составив 2 073, 5 млрд долл. США; ВВП Беларуси снизился по сравнению с 2014 г. и составил 53,5 млрд долл. США (рисунок 7).

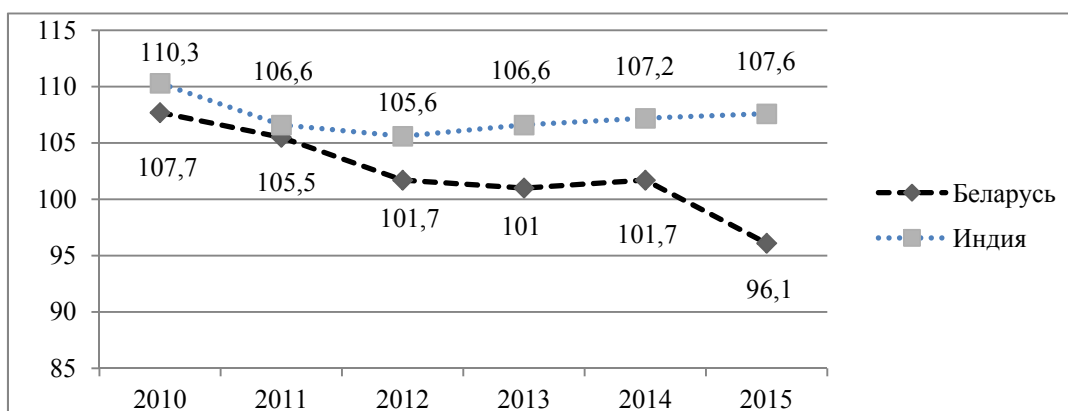

Рисунок 7. – Динамика ВВП (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году

Правительству Индии удастся сдерживать уровень инфляции: потребительские цены в 2015 г. увеличились на 5,9 %. В Беларуси же цены на потребительские товары

растут более высокими темпами – 13,5 %. Индекс цен индийских производителей промышленной продукции составил 99,1, белорусских – 116,8 %.

Явным преимуществом Индии является добыча нефти (включая газовый конденсат). Для сравнения: в Беларуси в 2015 г. было добыто 1,6 млн т, в Индии – 41,2 млн т. Добыча природного газа в Индии в 146 раз превышает объемы добычи в Беларуси (29,2 и 0,2 млрд м³ соответственно).

Особое внимание следует уделить производству Индией электроэнергии, объем которой в 2014 г. в 37,1 раза превышал объем Республики Беларусь, при том что потребление электроэнергии на душу населения в Индии в 4,6 раза ниже, чем в Беларуси. Также Индия продвинулась вперед, производя 15,41 % электроэнергии из возобновляемых источников (в Республике Беларусь – 0,72 %), а это обеспечивает энергетическую самостоятельность на уровне 0,66 (в Республике Беларусь – 0,13). Под энергетической самостоятельностью понимается отношение производства (добычи) первичной энергии из природных источников к общему объему потребления первичной энергии).

Сельское хозяйство

Несмотря на то, что Индия входит в первую двадцатку стран по добыче угля, железной руды, по выработке цемента, стали, электроэнергии, развитию основных отраслей машиностроения [11], она остается сельскохозяйственной страной: около 50 % населения заняты в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве (в Республике Беларусь 9,7 %). Индия относится к странам с наибольшей площадью сельскохозяйственных земель (3,7 % мировых площадей земель). Сельское хозяйство Индии отличается высокой эффективностью. Посевные площади находятся в прибрежных низменностях, засушливых и слабо орошаемых районах [12]. Для небольших по размерам участков земли, находящихся в частном владении, требуется специально адаптированная техника. Индийская компания «DVR Infratech Private Limited» сотрудничает с ОАО «Гомсельмаш» по совместному производству для индийского рынка сельскохозяйственной техники [13], отличающейся небольшими габаритами и высокой маневренностью.

Производство продукции сельского хозяйства Индии в 2013 г. на 24,1 % превышало сельхозпроизводство в Беларуси. При этом внесение минеральных удобрений на 1 га пахотных земель в Индии в 1,7 раза меньше, чем в Беларуси. Индия является лидером по производству зерновых культур, пшеницы, картофеля. В 2014 г. производство зерновых и зернобобовых культур в Индии в 30,6 раза превышало объемы производства в Беларуси. Однако урожайность данных культур в Беларуси в 1,2 раза выше, чем в Индии; такая же тенденция наблюдается в производстве овощей и бахчевых. Несмотря на то, что картофель считается основной овощной культурой Беларуси, его производство, как и урожайность, уступает по сравнению с Индией в 7,4 и 1,1 раза соответственно.

Индия занимает первое место в мире по поголовью крупного рогатого скота (200 млн голов), что в 40 раз превышает поголовье Беларуси. Однако дело тут не в интенсивном животноводстве, а в религиозных верованиях индийцев, считающих корову священным животным и не употребляющих говядины. В Индии широко развито выращивание свиней, домашней птицы. Производство мяса в 2014 г. составило 6,6 млн т (для сравнения: в Беларуси – 1,1 млн т).

Существует мнение, что индийцы не пьют молока, однако это не так. В Индии считается, что молоко делает человека спокойным и гармоничным, дает силу и способно положительно влиять на судьбу в целом. В 2014 г. производство молока составило 146,3 млн т. (в Беларуси 6,5 млн т). По качественным характеристикам (средний удой молока) Беларусь опережает Индию на 311,8 %.

Заключение

Индия является привлекательным для Беларуси рынком. В 2015 г. экспорт Республики Беларусь в Индию составил 2,5 % от общего объема. Однако необходимо не только увеличить имеющиеся экспортные объемы, но и изучить категории товаров, наиболее импортируемых Индией. Такими товарами являются: минеральное топливо, минеральные масла и продукты их перегонки; битуминозные вещества; драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные и другие металлы; электрические станки и оборудование, их части; звукозаписывающая аппаратура, репродукторы и телевизоры; оборудование, механические приборы, ядерные реакторы, котлы, их части; органические химические соединения; животные и растительные жиры и масла и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; удобрения; оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские и хирургические приборы.

Индийские инвесторы предпочитают совместные организации как форму ведения бизнеса в Республике Беларусь. Наш анализ показал, что таких структур больше по количеству, они накапливают больше инвестиций в реальном секторе экономики, активно участвуют в экспорте продукции.

Индия представляет явный интерес для Республики Беларусь не только для расширения рынков сбыта, но и для обмена опытом. В частности, изучение условий, способствующих увеличению коэффициента рождаемости (12,5 в среднем для Республики Беларусь и 20 для Индии), привлечения иностранных туристов (в 2014 г. в Беларусь поступило 1 230 млн долл. США от международного туризма, в Индию – 20 756 млн долл.). Беларусь тесно взаимодействует с индийскими компаниями по реконструкции и строительству объектов электроэнергетики Беларуси. Углубление кооперации в этой сфере, как и в осуществлении других инфраструктурных проектов, выгодно двум странам.

В свою очередь, для Индии важен опыт Беларуси в поддержании высокой продолжительности жизни (в среднем 73,9 года, в Индии – 68 лет), достижении практически нулевого коэффициента материнской смертности (в Индии в 2015 г. – 174), уменьшении заболеваемости туберкулезом (в 2014 г. 34 человека на 100 000 человек в Беларуси; в Индии – 167 человек).

Изучение методов и приемов ведения сельского хозяйства в Беларуси, в частности, способов достижения высокой урожайности зерновых и зернобобовых, овощей и бахчевых культур, пшеницы, позволило бы Индии добиться увеличения валового сбора продукции. В животноводстве опыт Беларуси в получении высоких показателей по среднему удою молока для Индии также был бы интересен. Индия отстает от Беларуси в обеспечении доступа к сети Интернет, поэтому обсуждение используемых в Беларуси технологий могло бы стать полезным для индийской стороны.

Таким образом, обе страны, будучи столь разными, имеют точки соприкосновения и заинтересованы в плодотворном и долгосрочном сотрудничестве. Индийский потенциал в области медицины, развития туризма, сельскохозяйственного производства, опыт в достижении энергетической самостоятельности может быть применен в Беларуси и даже усовершенствован при помощи белорусских инновационных разработок в сфере информационных технологий и машиностроения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экспорт из Республики Беларусь по отдельным странам вне СНГ [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 1998–2014. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i>

okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/osnovnye-pokazateli-za-period-s-pogo-dy_-10/eksport-tovarov-respubliki-belarus-po-stranam-s_2/. – Дата доступа: 03.03.2017.

2. The Observatory of Economic Complexity [Electronic resource]. – Mode of access: <http://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country/ind/>. – Date of access: 17.04.2017.

3. Беларусь и страны мира : стат. сб. / И. В. Медведева [и др.]. – Минск, 2016. – С. 195.

4. Расстояние калькулятор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.distance.to/Беларусь/Индия>. – Дата доступа: 03.03.2017.

5. Роман Абрамович инвестирует в фармацевтический завод в Бешенковичах [Электронный ресурс] // Marketing.by. – Режим доступа: <http://marketing.by/novosti-gynka/roman-abramovich-investiruet-v-farmatsevticheskiy-zavod-v-beshenkovichakh/>. – Дата доступа: 26.04.2017.

6. Our projects [Electronic resource] // India Green Reality Limited. – Mode of access: <http://www.indiagreenreality.com/project.html>. – Date of access: 26.04.2017.

7. Make in India [Electronic resource] // Wikipedia. The free Encyclopedia. – Date of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Make_in_India. – Date of access: 26.04.2017.

8. Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь, созданных с участием иностранных юридических или физических лиц за 2015 г. : стат. бюл. – Минск, 2015. – С. 8.

9. Официальный визит Президента Индии Пранаба Мукерджи в Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ofitsialnyj-vizit-prezidenta-indii-pranaba-mukerdzhi-v-belarus-11477/. – Дата доступа: 26.04.2017.

10. Состав (структура) населения мира [Электронный ресурс] // География. – Режим доступа: <https://geographyofrussia.com/sostav-struktura-naseleniya-mira/>. – Дата доступа: 03.03.2017.

11. Общая характеристика хозяйства Индии [Электронный ресурс] // Республиканская научно-техническая библиотека Беларуси. – Режим доступа: <http://rlst.org.by/belindzentr/inform/akonomik/1597-2013-06-21-09-47-12.html>. – Дата доступа: 03.03.2017.

12. Сельское хозяйство Индии [Электронный ресурс] // География. – Режим доступа: <https://geographyofrussia.com/indiya-selskoe-hozyajstvo/>. – Дата доступа: 03.03.2017.

13. Белорусско-Индийский бизнес-форум с участием Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко и Президента Республики Индии Пранаба Мукерджи [Электронный ресурс] // Белорусская торгово-промышленная палата. – Режим доступа: <https://www.cci.by/ru/content/15/02/04-132>. – Дата доступа: 26.04.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.04.2017

Shupenko M.M. Prerequisites for Development and Strengthening of the Belarusian-Indian Relations

The article suggests an analysis of possible areas of cooperation between the Republic of Belarus and the Republic of India. The dynamics of exports of goods and services is considered. The article offers possible options for collaboration under investment projects with the participation of both Belarusian and Indian parties. The activity of companies established on the territory of the Republic of Belarus with the participation of Indian capital is analyzed from the point of view of the dynamics in number, contributions to statutory funds, and accumulation of investments in the real sector of the economy. The consideration of Indian industries can be useful for sharing experience between countries and developing mutually beneficial cooperation. Given comparative characteristics of both countries of some aspects in the social sphere, industry and agriculture allow to see the real opportunities for interaction. This material can be of interest to bodies controlling the stimulation of exports and the development of foreign economic relations.

ПРАВА

УДК 340.131.2

Г.А. Василевич

*д-р юрид. наук, проф., зав. каф. конституционного права
Белорусского государственного университета,
почетный доктор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Gregory_1@tut.by*

ОСОБЕННОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Статья посвящена правовой регламентации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Анализируется белорусское законодательство и практика, обращается внимание на опыт Российской Федерации. Подчеркивается ее важность, а также необходимость развивать антикоррупционный мониторинг с целью преодоления коррупции. Отмечается целесообразность расширения круга специалистов, участвующих в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, и повышения их ответственности.

Введение

Преодоление коррупции предполагает применение комплекса мер, среди которых в последние годы все большее внимание стали обращать на экспертизу правовых актов, прежде всего нормативных правовых актов. Заметим, что антикоррупционная экспертиза не панацея против коррупции, но важное средство противодействию ей, ведь она способствует предотвращению коррупциогенности законов и иных правовых актов. Вообще, правовая экспертиза нацелена на создание в целом качественного по содержанию и юридической технике нормативного акта, на предупреждение негативных явлений, которые могут наступить в связи с его принятием, на достижение социально полезного результата.

Выделяют различные виды экспертиз нормативных правовых актов. Например, Ю.А. Тихомиров называет экономическую, финансовую, юридическую, экологическую, техническую и др. [1, с. 21]. Противодействие коррупции требует применения системных мер, и среди них одно из основных мест занимает механизм предотвращения коррупциогенности законов и иных правовых актов.

В числе юридических технологий противодействия коррупции выделяют антикоррупционное правовое прогнозирование, антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов, антикоррупционное правовое моделирование, антикоррупционный правовой мониторинг [2, с. 38].

Объектом антикоррупционной экспертизы являются общественные отношения, регулирование которых осуществляется правовым актом, подлежащим проверке на предмет выявления в нем коррупциогенных факторов. Определяя содержание понятия «антикоррупционная экспертиза», ученые часто рассматривают ее как разновидность правовой экспертизы [3, с. 26]. Ведь в результате ее проведения проверяется качество проекта или уже принятого акта, его согласованность с системой законодательства. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов не является судебной экспертизой.

Эксперти́за (от лат. *expertus* – опытный, сведущий) – исследование, проводимое лицом, сведущим в науке, технике, искусстве или ремесле, привлеченным по поручению заинтересованных лиц в целях получения ответа на вопросы, требующих специ-

альных познаний [4]. В разных словарях под экспертизой в основном понимается исследование какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения [5, с. 787]. Правовая экспертиза является исследованием эксперта, обладающего специальными знаниями, с целью использования полученных результатов в юридической деятельности. Такое исследование проводится в силу указания на его проведение либо по решению или поручению уполномоченных на то лиц, либо в силу прямого указания нормативных правовых актов, основанных на применении [6, с. 17].

Правовую основу антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов составляют Конституция Республики Беларусь, международные договоры в сфере противодействия коррупции, закон «О борьбе с коррупцией», иные законы и нормативные правовые акты Беларуси.

В нашей республике и Российской Федерации приняты и действуют акты различной юридической силы, в которых идет речь о необходимости проведения экспертизы подготовленных проектов. Этот вопрос имеет даже наднациональный характер: принято несколько решений органов Союзного государства. Обратим внимание также на то, что противодействие коррупции давно вышло на международный уровень: приняты и действуют множество международных документов. В частности, Конвенция ООН против коррупции (заключена в Нью-Йорке 31.10.2003) предусматривает необходимость государств-участников регулярно проводить оценку юридических актов с точки зрения их соответствия их требованиям по предупреждению коррупции (ст. 5).

Комплекс приемов и методов, других правовых инструментов и процедур составляют суть правовой экспертизы, которая имеет целью обеспечить оптимальное использование ресурсов посредством принятия эффективного правового решения [7].

Для проведения любого вида экспертизы необходимо обладать специальными знаниями, в том числе иметь теоретические знания и практические навыки в соответствующей области. Как справедливо замечает А.В. Филатова, экспертная деятельность – это целенаправленная, квалифицированная, характеризующая удовлетворение спроса процедура оценки ситуации (явления, действия), определения закономерностей ее развития с последующим выявлением тенденций и построением прогноза на основе собственной и (или) заимствованной методики [8, с. 5].

В чем же сущность антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов? Благодаря ей обеспечивается содействие внедрению научных достижений и лучших образцов практики в законодательство. Тем самым достигается большая эффективность нормативного правового регулирования общественных отношений, уменьшаются негативные проявления, интенсифицируется процесс становления и развития правового государства [9, с. 14]. Мы разделяем позицию тех ученых, которые считают, что антикоррупционная экспертиза не только средство выявления коррупциогенных факторов, сопряженное с технологией правового мониторинга, но и дополнительный инструмент обеспечения качества актов, их большей эффективности. Методические основы антикоррупционной экспертизы могут быть оценены как отсутствие в тексте нормативных правовых актов положений, способствующих проявлениям коррупции при их применении [10, с. 8; 11, с. 35]. Целью антикоррупционной экспертизы является обнаружение и устранение правовых предпосылок коррупции (коррупциогенных факторов), т.е. устранение дефектов правовой нормы, правовой формулы [12, с. 20]. Как отмечается в литературе, в большинстве европейских стран и в США оценка проектов правовых актов на коррупциогенность специально не предусматривается регламентами парламентов или актами правительства, однако фактически она проводится в комитетах парламента, аппарате правительства, а также министерством юстиции [13, с. 212].

В соответствии со ст. 47 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» подготовка проекта нормативного правового акта может включать проведение юридической и иных необходимых экспертиз. Согласно ст. 49 названного закона проект нормативного правового акта подлежит обязательной юридической экспертизе. По решению нормотворческого либо иного уполномоченного законодательными актами Республики Беларусь государственного органа (должностного лица) проект нормативного правового акта может быть подвергнут иной экспертизе (финансовой, экономической, экологической, криминологической и т.д.), за исключением случаев, когда настоящим Законом и иными законодательными актами Республики Беларусь предусмотрено проведение экспертизы в обязательном порядке.

Наряду с этим в Беларуси предусмотрено проведение также криминологической экспертизы. Она впервые введена законом Республики Беларусь от 1 ноября 2004 г. № 321-З О внесении изменений и дополнений в закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (ст. 49-1). В настоящее время в нашей стране (в отличие, например, от России) нет специального законодательства, посвященного антикоррупционной экспертизе, и она проводится в рамках криминологической экспертизы. В действующей редакции ст. 49-1 упомянутого закона предусмотрено, что проекты нормативных правовых актов подлежат криминологической экспертизе в случаях и порядке, установленных Президентом Республики Беларусь.

Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» (в редакции Указов Президента Республики Беларусь от 30.12.2011 № 621, от 24.01.2014 г. № 49, от 17.07.2015 № 38) [14] утверждено Положение о порядке проведения криминологической экспертизы. Указом № 230 определены виды актов, которые подлежат криминологической экспертизе, и сроки ее введения относительно актов различного уровня и содержания. В настоящее время такая экспертиза охватывает все основные нормативные правовые акты. Что же касается криминологической экспертизы ранее принятых (изданных) правовых актов, то она проводится по решению Президента Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры.

Согласно Положению криминологическая экспертиза – это исследование содержания проекта правового акта (самого правового акта) в целях выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений (далее – возникновение рисков криминогенного характера).

Основными задачами криминологической экспертизы являются:

1) объективное и всестороннее прогнозирование возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правовых актов, соответствующее современному развитию криминологической науки;

2) подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера;

3) формирование предусмотренного в правовых актах системно согласованного правового регулирования, исключая возникновение рисков криминогенного характера.

Криминологическая экспертиза проводится государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – Научно-практический центр).

Обязательной криминологической экспертизе подлежат проекты законов, правовых актов Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Пре-

зидента Республики Беларусь, если иное не предусмотрено п. 6 Положения о порядке проведения криминалогической экспертизы. Она проводится с учетом п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминалогической экспертизы».

Положение определяет, в отношении каких актов не проводится криминалогическая экспертиза, а также кто инициирует проведение криминалогической экспертизы, кому и в отношении каких актов представляются заключения по результатам криминалогической экспертизы.

Установлено, что проведение криминалогической экспертизы проекта правового акта осуществляется после проведения его обязательной юридической экспертизы, предусмотренной законодательными актами, если иное не определено настоящим Положением. Криминалогическая экспертиза проекта закона, вносимого на рассмотрение Президента Республики Беларусь для направления (согласования направления) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, проекта правового акта Президента Республики Беларусь, других проектов правовых актов, вносимых на рассмотрение Президента Республики Беларусь, должна быть проведена перед их внесением в установленном порядке на рассмотрение Главы государства (п. 8 Положения).

В соответствии с п. 10 Положения к направляемому для проведения криминалогической экспертизы проекту правового акта прилагаются:

- 1) сопроводительное письмо;
- 2) обоснование необходимости принятия (издания) правового акта, включая финансово-экономическое обоснование;
- 3) аналитические и статистические материалы, обосновывающие необходимость принятия (издания) правового акта, если они имеются;
- 4) сведения о согласовании и визировании проекта правового акта, в том числе о неучтенных замечаниях и предложениях, если они имеются;
- 5) заключение по результатам проведения обязательной юридической экспертизы, иные экспертные заключения по проекту правового акта, если они имеются.

Однако полагаем, что **в качестве важнейшего сопроводительного документа в данном случае должна быть информация о прогнозе ожидаемых последствий принятия нормативного правового акта, его регулирующем воздействии.** Это вряд ли профессионально могут сделать те, кто призван проводить криминалогическую экспертизу.

В качестве основного критерия оценки правового акта (проекта правового акта) при проведении криминалогической экспертизы Положение определяет возможность возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правового акта, в том числе обусловленных его социальной неадаптированностью, неоднозначностью его норм, неполнотой правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений (ст. 12).

Положение устанавливает сроки, в течение которых проводится криминалогическая экспертиза. По результатам проведения криминалогической экспертизы составляется заключение, в котором должны содержаться:

- 1) информация о том, когда и кем проект правового акта представлен на криминалогическую экспертизу (когда и кем правовой акт принят (издан) и представлен на криминалогическую экспертизу);
- 2) информация об участии в проведении криминалогической экспертизы специалистов государственных органов и иных организаций (в случае их привлечения в установленном порядке Научно-практическим центром);
- 3) общая криминалогическая оценка проекта правового акта (правового акта);

4) вопросы, рассмотренные при проведении криминологической экспертизы, и криминологические критерии их оценки;

5) указание на наличие в проекте правового акта (правовом акте) норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение рисков криминогенного характера, с обоснованием соответствующего вывода либо на отсутствие таких норм (при изложении позиции о возможных рисках, на наш взгляд, следует избегать общих рассуждений; было бы полезно, чтобы лица, проводившие экспертизу, указали возможные варианты действий должностных лиц и какие меры следует предпринять на практике);

6) обоснованные предложения об устранении выявленных в проекте правового акта (правовом акте) недостатков (при наличии норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение рисков криминогенного характера).

Данное заключение может содержать иную информацию, связанную с проведением криминологической экспертизы.

Положением предусмотрена обязательность рассмотрения заключения криминологической экспертизы по проекту правового акта уполномоченным субъектом (например, субъектом, направившим проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, Администрацией Президента Республики Беларусь и др.).

Положение предусматривает соответствующую процедуру реагирования на заключение криминологической экспертизы и реагирования на ее выводы при несогласии с ними. Так, в случае, если в заключении криминологической экспертизы отмечено наличие в проекте правового акта норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, субъектом (субъектами), направившим проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, организуется доработка данного проекта. В случае, если в заключении криминологической экспертизы указывается на наличие в проекте закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь и направленными в установленном порядке на согласование субъекту права законодательной инициативы, норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, соответствующим субъектом права законодательной инициативы (уполномоченным структурным подразделением Администрации Президента Республики Беларусь – по проекту закона, по которому субъектом права законодательной инициативы является Президент Республики Беларусь) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь направляются замечания и предложения о доработке соответствующих положений проекта закона (об исключении из проекта закона отдельных положений). Указанные замечания и предложения направляются в течение 10 рабочих дней (двух рабочих дней в отношении проекта закона, рассмотрение которого в Палате представителей и Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь объявлено срочным) со дня получения заключения криминологической экспертизы (п. 18).

При несогласии субъекта (субъектов), направившего проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, с выводами (их частью), содержащимися в заключении криминологической экспертизы, он обращается в Генеральную прокуратуру с мотивированным обоснованием своего несогласия с этими выводами (их частью), приложением проекта правового акта, заключения криминологической экспертизы и документов, которые представлялись для проведения криминологической экспертизы. Срок рассмотрения данного обращения не должен превышать 10 рабочих дней (в случае, указанном в ч. III настоящего пункта, – 15 рабочих дней) со дня его поступления.

По результатам рассмотрения поступившего обращения Генеральной прокуратурой принимается одно из следующих решений:

1) о признании обоснованными выводов (их части), содержащихся в заключении криминологической экспертизы, о наличии в проекте правового акта норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, и направлении проекта правового акта соответствующему субъекту (субъектам) для доработки;

2) о признании необоснованными выводов, содержащихся в заключении криминологической экспертизы, о наличии в проекте правового акта норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, и целесообразности принятия (издания) проекта правового акта в представленной редакции.

Решение, указанное в ч. II настоящего пункта, в отношении проекта закона, правового акта Президента Республики Беларусь принимается Генеральной прокуратурой по согласованию с Администрацией Президента Республики Беларусь.

После доработки в соответствии с заключением криминологической экспертизы (решением Генеральной прокуратуры) проект правового акта подлежит согласованию с заинтересованными государственными органами и иными организациями, повторно направлению на обязательную юридическую экспертизу, а также криминологическую экспертизу, проводимую в порядке, установленном Положением. Направление на согласование и экспертизу после доработки проекта правового акта, принимаемого (издаваемого) несколькими нормотворческими органами, осуществляется в порядке, согласованном этими органами. Криминологическая экспертиза повторно направленного проекта правового акта проводится в течение 5 рабочих дней со дня получения Научно-практическим центром проекта правового акта с необходимыми сопроводительными материалами к нему.

Положением предусмотрено также проведение антикоррупционной экспертизы вступивших в действие нормативных правовых актов. Как уже было отмечено, согласно Положению о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденному Президентом Республики Беларусь, обязательной криминологической экспертизе подлежат, как правило, проекты законов, правовых актов Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз.

Что же касается криминологической экспертизы актов министерств, иных республиканских органов государственного управления, областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов, Минского горисполкома, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов базового уровня, то ее проведение прямо не предусмотрено. Однако в определенной мере этот пробел восполняет Указ Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 711 «О некоторых вопросах осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов» (в редакции Указов Президента Республики Беларусь от 24.02.2012 № 106 и от 23.08.2016 № 316) [15]. Он предусматривает проведение юридической экспертизы, составной частью которой может быть криминологическая (антикоррупционная) экспертиза.

В упомянутом выше Указе предусмотрено, что при проведении Министерством юстиции, главными управлениями юстиции облисполкомов (далее – управления юстиции) обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов Национального банка, Комитета государственного контроля, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Управления делами Президента Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, министерств, иных республиканских органов государственного управления, областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов, Минского горисполкома, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов базового уровня критериями оценки являются:

- 1) соответствие Конституции Республики Беларусь;
- 2) соответствие нормативным правовым актам Президента Республики Беларусь, законам Республики Беларусь, иным нормативным правовым актам большей юридической силы по отношению к оцениваемому нормативному правовому акту, в том числе устанавливающим требования нормотворческой техники.

Однако было бы полезно, на наш взгляд, руководствоваться теми ориентирами, которые рассматриваются как коррупциогенные факторы, указанные в модельном законе «О государственной экспертизе». К таковым, например, отнесены:

- 1) широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);

- 2) определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций;

- 3) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящих к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

- 4) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – превышение компетенции органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) при принятии нормативных правовых актов;

- 5) отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;

- 6) отказ от конкурсных (аукционных) процедур – закрепление административного порядка предоставления права и (или) блага и др.

В свою очередь, этот модельный закон отнес к коррупциогенным факты, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям. Это также необходимо учитывать на уровне подзаконного нормотворчества.

Полностью поддерживаем подход, сформулированный в данном Указе: при проведении юридической экспертизы Министерством юстиции, управлениями юстиции не осуществляется оценка установленных в нормативных правовых актах финансовых показателей, индексов, коэффициентов, нормативов, лимитов и иных показателей, а также формул их расчета, за исключением оценки их соответствия показателям, установленным нормативными правовыми актами большей юридической силы; соответствия нормативных правовых актов техническим нормативным правовым актам. Однако относительно запрета на оценку необходимости, приоритетности и полноты правового регулирования нормативными правовыми актами соответствующих общественных отношений, за исключением оценки полноты правового регулирования в части соответствия нормативным правовым актам большей юридической силы, это положение следовало бы исключить, предоставив право Министерству юстиции (управлениям юстиции) осуществлять соответствующие оценки и на этой основе вносить предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Значительную помощь в подготовке актов национального уровня оказывают модельные законы, принятые Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. Так, модельный закон «О государственной экспертизе», принятый Межпарла-

ментской Ассамблеей государств – участников СНГ 7 сентября 2002 г. [16], предусмотрел отнесение к коррупциогенным факторам (ст. 5) те из них, которые устанавливают для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. Среди них:

1) широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);

2) определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций;

3) выборочное изменение объема прав – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);

4) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящих к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

5) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – превышение компетенции органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) при принятии нормативных правовых актов;

6) нормативные коллизии – противоречие нормативного правового акта полностью или в части другому нормативному правовому акту, создающее для должностных лиц и служащих государственных органов возможность произвольного выбора акта, подлежащего применению в конкретном случае;

7) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий – установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона;

8) отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;

9) отказ от конкурсных (аукционных) процедур – закрепление административного порядка предоставления права и (или) блага.

Этот модельный закон отнес к коррупциогенным факторам, содержащим неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, например, наличие завышенных требований, предъявляемых к лицу, которое реализует принадлежащее ему право, установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям и др.

Обратимся к принципу компетентности лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу, который непосредственно связан с обоснованностью результатов антикоррупционной экспертизы. Для достижения целей модельного закона антикоррупционную экспертизу должны проводить специалисты в области применения анализируемого законодательного акта, квалификация которых позволит на основе общетеоретических и специальных познаний, в том числе знаний практики применения законодательства, как позитивной, так и связанной с правонарушениями в данной области, осмыслить реальную степень возможности использовать соответствующие особенности нормативно-правовых формул в коррупционных целях [17, с. 29]. Как отмечает А.Э. Бикмухаметов,

«компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (их проектов), означает, что данный вид деятельности должны осуществлять специалисты, имеющие необходимую квалификацию. Важность этого принципа заключается в том, что уровень знаний эксперта является одним из существенных элементов антикоррупционной экспертизы. Несоответствие уровня компетентности эксперта степени сложности экспертизы может привести к ошибочному (недостоверному) заключению. Принцип компетентности непосредственно связан с принципом объективности, предполагающим применение научно обоснованных методов получения и интерпретации результатов исследования» [18, с. 21]. Считаем важным усилить значение принципа ответственности уполномоченных субъектов антикоррупционной экспертизы, в компетенцию которых входит ее организация и проведение, за качество антикоррупционной экспертизы. Пока, к сожалению, ни разработчики проектов нормативных правовых актов, ни лица, осуществляющие антикоррупционную и иную правовую экспертизу, не несут надлежащей ответственности за плохую подготовку актов и за их низкое качество.

Повысить умение и навыки в проведении антикоррупционной экспертизы может овладение правовым мониторингом, в том числе антикоррупционным мониторингом. Антикоррупционный мониторинг, как определено в модельном законе об антикоррупционном мониторинге, – это научно обоснованная комплексная плановая деятельность уполномоченных субъектов и участников по сбору, обобщению, анализу и оценке информации, касающейся эффективности антикоррупционного законодательства и принимаемых государством мер против коррупции, состояния правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции, восприятия и оценки уровня коррупции институтами гражданского общества и гражданами, а также деятельность по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Было бы правильно, чтобы к анализу результатов правового (антикоррупционного) мониторинга были активно и целенаправленно подключены Конституционный Суд, парламент (при разработке и реализации мер по совершенствованию законодательного регулирования проведения антикоррупционного мониторинга; разработке рекомендаций по совершенствованию законодательных актов, в том числе касающихся порядка и методики антикоррупционного мониторинга), правительство (при разработке и реализации плана законопроектной деятельности правительства государства; разработке и реализации мер по повышению эффективности деятельности органов государственной власти в сфере противодействия коррупции; разработке предложений и реализации мер по изменению структуры и полномочий органов государственной власти; организации взаимодействия с оценочными миссиями международных антикоррупционных инстанций), органы исполнительной власти в сфере юстиции (при разработке рекомендаций по совершенствованию порядка и методики проведения антикоррупционного мониторинга и др.), прокуратура.

В свою очередь, Правительство Российской Федерации в развитие Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [20] приняло постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») [19].

Утвержденными Правительством Российской Федерации Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных

правовых актов определен порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, осуществляемой Министерством юстиции Российской Федерации, и независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов содержит детальное определение коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. К ним отнесены:

а) широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц);

б) определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций;

в) выборочное изменение объема прав – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц);

г) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или организации, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

д) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – нарушение компетенции государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов;

е) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий – установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона;

ж) отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;

з) отказ от конкурсных (аукционных) процедур – закрепление административного порядка предоставления права (блага);

и) нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае.

Заключение

На основе проведенного анализа актов национального и зарубежного законодательства отметим, что следует повысить эффективность и качество антикоррупционной экспертизы. Назрела необходимость дополнения криминологической экспертизы антикоррупционным мониторингом, что позволило бы более оперативно реагировать на имеющиеся дефекты в актах законодательства, содержащие угрозу совершения коррупционных и иных корыстных правонарушений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров, Ю. А. Эффективность закона и мониторинг : лекции / Ю. А. Тихомиров. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 54 с.
2. Власенко, Н. В. Правовые основы противодействия коррупции : учеб. пособие / Н. А. Власенко, С. А. Грачева, Е. Е. Рафалюк ; отв. ред. Н. А. Власенко. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Полиграф-Плюс, 2013. – 310 с.
3. Кудашкин, А. В. Проблемы организации и проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы / А. В. Кудашкин // Журн. рос. права. – 2011. – № 2. – С. 26.
4. Экспертиза [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: – <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>. – Дата доступа: 10.11.2017.
5. Современный словарь иностранных слов. – М. : Рус. яз., 1993. – 704 с.; Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
6. Бикеев, И. И. Коррупциогенность и коррупциогенные сферы в современном российском обществе / И. И. Бикеев // Следователь. – 2009. – № 2. – С. 15–17.
7. Хабриева, Т. Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения / Т. Я. Хабриева // Эффективность законодательства и современные юридические технологии : материалы заседания Междунар. шк.-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 29–31 мая 2008 г. – М., 2009. – С. 3–11.
8. Филатова, А. В. Экспертиза регламентов и процедур исполнения государственных функций в системе экспертной деятельности России / А. В. Филатова ; под ред. Н. М. Кониная. – М. : ДМК Пресс, 2009. – 120 с.
9. Кудашкин, А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : науч.-практ. пособие / А. В. Кудашкин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 368 с.
10. Хабриева, Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / Т. Я. Хабриева // Журн. рос. права. – 2009. – № 10. – С. 5–13.
11. Правовые акты: антикоррупционный анализ / под ред. В. Н. Найденко, Ю. А. Тихомирова, Т. Я. Хабриевой / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, Науч.-исслед. центр ФСБ России. – М. : КОНТРАКТ : Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
12. Талапина, Э. В. Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков ; под ред. В. Н. Южакова. – М. : Центр стратег. разработок : Статут, 2007. – 96 с.
13. Правовые средства противодействия коррупции : науч.-практ. пособие / Н. А. Власенко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Юриспруденция, 2012. – 344 с.
14. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 6 июня 2011 г., № 230 : в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г., № 621, 24.01.2014 г., № 49, 17.07.2015 г., № 328 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
15. О некоторых вопросах осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 106 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23 авг. 2016 г. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
16. О государственной экспертизе [Электронный ресурс] : модельный закон : принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 7 сент. 2002 г. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

17. Матковский, С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы / С. В. Матковский // Рос. следователь. – 2008. – № 24. – С. 29.

18. Бикмухаметов, А. Э. Принципы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: понятие и содержание / А. Э. Бикмухаметов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 18–22.

19. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 июля 2009 г., № 172-ФЗ : в ред. от 21 окт. 2013 г. : принят Гос. Думой 3 июля 2009 г. : одобрен Советом Федерации 7 июля 2009 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

20. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации, 26 февр. 2010 г., № 96 : с изм. и доп. от 10 июля 2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2018

Vasilevich G.A. Peculiarities of Anti-Corruption Expertise and its Problems of its Efficiency

The article is devoted to one of the topical problems – legal regulation of anti-corruption expert examination of normative legal acts and their projects. The Belarusian legislation and practice is analyzed, attention is drawn to the experience of some other countries. It stresses its importance, as well as the need to develop anti-corruption monitoring in order to overcome this phenomenon. It is noted that it is advisable to expand the circle of specialists involved in conducting anti-corruption expertise and increase their responsibility. Keywords. Corruption, anti-corruption expertise, legal expertise, corruption-related legislation.

УДК 342.7

Е.А. Коротич

канд. юрид. наук, доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: karotsich@mail.ru

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Представлен анализ практики закрепления принципов международного права, которые составляют основу правового регулирования отношений в сфере создания и применения современных медицинских технологий. На основе изучения наиболее значимых международных актов правового и неправового характера в данной области автор приходит к выводу об отсутствии системности в части юридического оформления рассматриваемой категории принципов, равно как и формулирования их содержания. Проведенное исследование позволило указать на конкретные недостатки действующих международных актов, в которых так или иначе получили закрепление принципы правового регулирования в области обеспечения безопасности человека в связи с использованием современных медицинских технологий, а также сделать вывод об актуальности разработки специального международного акта в данной сфере.

Введение

Современный этап развития общественных отношений характеризуется активным внедрением в различные сферы жизнедеятельности человека, общества и государства разнообразных по своему содержанию и функциональному назначению достижений научно-технического прогресса. С этой точки зрения не стала исключением и область здравоохранения. Разработка и использование новых прогрессивных методов лечения и диагностики заболеваний, проведения клинических испытаний, применения вспомогательных репродуктивных технологий и других достижений медицинской науки позволили поднять на значительно более высокий и качественно новый уровень оказываемые медицинские услуги и в целом состояние современной медицины. Следует обратить внимание и на такой аспект значимости современных медицинских технологий, как высокая степень их экономической востребованности.

Вместе с тем применение современных медицинских технологий открыло широкие возможности для неконтролируемого вмешательства в саму сущность человека, осуществления разнообразных манипуляций с его организмом, появления ряда негативных побочных эффектов, а также нарушения физической и психической безопасности человека, его прав и свобод. Не случайно, что «значимость здоровья нашла отражение в документах, принятых в рамках ООН на рубеже тысячелетий», а органы и институты этой организации «выразили озабоченность реализацией этого права» [1, с. 3]. В контексте сказанного принципиально важной задачей становится создание необходимых и достаточных правовых и организационных барьеров, препятствующих злоупотреблениям в данной сфере. Причем правовое обеспечение безопасности человека при применении к нему достижений современной медицины должно развиваться не только на национальном, но и на международном уровне. Как представляется, определяющим фактором такого развития должно быть формирование унифицированных законодательных подходов различных государств в данной области, что может быть обеспечено посредством усиления компаративной составляющей процессов национального правотворчества и правоприменения, а также выработкой согласованных международных стандартов в этой сфере, подлежащих безоговорочному применению при создании соответствующих внутригосударственных правовых норм.

Как показывает состояние правового обеспечения рассматриваемой проблематики и на международном, и на внутригосударственном уровне, юридическая наука

и практика оказались не в полной мере готовы противостоять современным угрозам безопасности человека в связи с применением современных медицинских технологий. В этих условиях особое значение в системе правового регулирования соответствующих отношений приобретают принципы международного права, которые позволяют восполнить существующие в данной области правовые пробелы, а также служат своего рода ориентиром как для развития национального законодательства, так и для создания норм международного права. Следует отметить и такую важную практическую составляющую принципов международно-правового регулирования использования современных медицинских технологий, как выполнение ими системообразующей функции.

Источники закрепления принципов международно-правового обеспечения безопасности человека в современной медицине

Принципы международно-правового обеспечения безопасности человека в сфере современной медицины могут быть определены как совокупность юридических норм императивного характера, которые, с одной стороны, регламентируют сотрудничество государств и международных (межправительственных и неправительственных) организаций в сфере разработки и применения достижений медицинской науки; с другой стороны, они гарантируют возможность реализации права каждого человека на охрану здоровья и обеспечения его физической и психической безопасности, а также безопасности его прав и свобод в связи с реализацией указанного права.

Несмотря на значимость принципов международного права в рассматриваемой сфере, в настоящее время, к сожалению, не приходится говорить об их системном юридическом оформлении. Данное суждение основывается, с одной стороны, на отсутствии в перечне источников международного права акта кодифицирующего характера, в котором были бы сгруппированы исследуемые категории норм и принципов правового регулирования, а с другой стороны, на практике достаточно редкого использования самой конструкции «принципы правового регулирования» в тех документах, которые в настоящее время формируют правовую основу обеспечения безопасности человека в сфере современной медицины.

При всей множественности источников закрепления рассматриваемой категории принципов содержание соответствующих международных актов, а также специфика их юридической природы позволяют подразделить данные источники на две группы (подсистемы): акты, предусматривающие общие принципы уважения и соблюдения прав и свобод человека, через призму которых, собственно, должны толковаться и применяться исследуемые нами принципы международного права, и документы, закрепляющие специальные юридические нормы – правовые принципы, непосредственно регулирующие отношения в сфере применения достижений современной медицины и защиты человека, его прав и свобод в контексте такого применения.

1. Международные документы, гарантирующие соблюдение и защиту принципа уважения прав и основных свобод человека, а также закрепляющие нормы, призванные конкретизировать его содержание и механизмы реализации. Характерно, что состав документов данной категории формируют акты как универсального, так и регионального характера, многие из которых имеют договорную форму, что является своего рода юридической гарантией обязательности их исполнения государствами-участниками.

Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. является основой построения системы источников международного права, закрепляет намерение государств-участников «утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности» (абз. 2 преамбулы Устава ООН) и формулирует в качестве одной из ключевых целей международного сотрудничества государств поощрение и развитие уваже-

ния к правам человека и основным свободам без различия расы, пола, языка и религии (ст. 1 Устава ООН).

Дальнейшее развитие норма об уважении и соблюдении прав и свобод человека получила в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях (1975): именно в Декларации положение об уважении прав человека и основных свобод приобрело качество юридического принципа.

Не менее значимым с точки зрения содержания, однако уступающим Уставу ООН по юридической силе, является такой универсальный международный акт, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., ст. 25 которой закрепляет право каждого человека на такой жизненный уровень, включая медицинский уход, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния. В развитие положений Всеобщей декларации прав человека в 1966 г. были приняты два международных пакта: Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах. Указанные документы значительно усилили (и с точки зрения содержательного наполнения, и с позиции юридической силы) основополагающие нормы-принципы, которые получили закрепление во Всеобщей декларации и которые заложили основы правового статуса человека независимо от его субъективных характеристик, а также круга общественных отношений, участником которых является или может стать индивид. С этой точки зрения и положения Всеобщей декларации, и тем более нормы указанных пактов, как правило, выполняют роль исходных документов, от которых должны отталкиваться субъекты как международного, так и национального правотворчества. Причем, говоря об обеспечении безопасности человека в сфере современной медицины, следует особо подчеркнуть значение Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 12 которого закрепляет право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья.

На региональном уровне соответствующие положения получили отражение в таких актах общего характера, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 3), Хартия Европейского союза об основных правах 2000 г. (статьи 1, 3, 35 и др.), Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. (статьи 3, 15 и др.).

2. Международные документы, непосредственно закрепляющие нормы-принципы, гарантирующие безопасность человека в сфере современной медицины. Данную категорию документов отличает, с одной стороны, множественность составляющих ее актов, а с другой стороны, значительная их бессистемность и отчасти фрагментарность в регулировании соответствующих отношений. Обращает на себя внимание и такая характеристика рассматриваемой категории документов, как преобладание в их системе (прежде всего в числе актов договорного характера) региональных международных актов, принимаемых в рамках Совета Европы и Европейского союза, что, в свою очередь, может свидетельствовать и об пространственной ограниченности соответствующего международно-правового регулирования.

Одним из наиболее значимых международных актов, относящихся ко второй категории источников закрепления рассматриваемых принципов, является Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения 1946 г. К числу данных принципов отнесены такие нормы, как:

1) здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов (принцип-дефиниция);

2) обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения;

3) здоровье всех народов является основным фактором в достижении мира и безопасности и зависит от самого полного сотрудничества отдельных лиц и государств;

4) достижения любого государства в области улучшения и охраны здоровья представляют ценность для всех;

5) неравномерное развитие в разных странах мер в области здравоохранения и борьбы с болезнями является общей опасностью;

6) здоровое развитие ребенка является фактором первостепенной важности;

7) предоставление всем народам возможности пользования всеми достижениями медицины, психологии и родственных им наук является необходимым условием достижения высшего уровня здоровья;

8) просвещенное общественное мнение и активное сотрудничество со стороны общества крайне важны для улучшения здоровья народа;

9) правительства несут ответственность за здоровье своих народов, и эта ответственность требует принятия соответствующих мероприятий социального характера в области здравоохранения.

Реализованный в Уставе Всемирной организации здравоохранения подход к закреплению принципов международно-правового регулирования в сфере медицины заставляет обратить внимание на несколько существенных, с нашей точки зрения, моментов. Во-первых, исследуемые нормы-принципы предусмотрены в преамбуле Устава, что порождает некоторую неопределенность относительно их юридической природы и значимости в системе иных норм международного здравоохранительного права. Во-вторых, перечисленные выше принципы, как видно из их содержания, имеют характер общих положений, которые должны в целом определять направления развития не только медицины, но и в целом области здравоохранения. С этой точки зрения они могут служить лишь отправным моментом для развития специальных принципов международно-правового обеспечения безопасности человека в сфере медицины. В-третьих, принципы Устава Всемирной организации здравоохранения ориентированы в большей степени на обеспечение безопасности общественного здоровья (здоровья населения), в связи с чем их связь с защитой человека в контексте достижений современной медицины не столь очевидна.

Заметным актом в сфере закрепления рассматриваемой категории международно-правовых принципов может быть признана и Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г. В отличие от предыдущего документа Всеобщая декларация предусматривает принципы, которые могут иметь непосредственное отношение к правовому обеспечению безопасности человека в рассматриваемой области. В их числе, например: самостоятельность и индивидуальная ответственность (ст. 5); согласие (статьи 6, 7); признание уязвимости человека и уважение неприкосновенности личности (ст. 8); неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность (ст. 9); недопущение дискриминации и стигматизации (ст. 11); уважение культурного разнообразия и плюрализма (ст. 12); совместное использование благ (ст. 15); защита будущих поколений (ст. 16) и др.

Многие положения, получившие закрепление во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека в качестве принципов международно-правового регулирования, были предусмотрены в Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины – Конвенции о правах человека и биомедицине 1997 г. Несмотря на то, что в данном акте понятие «принципы» не используется, однако значимость закрепленных в нем положений дает основание го-

ворить о возможности признания за соответствующими нормами качества правовых принципов в исследуемой области: добровольность согласия лица на медицинское вмешательство, уважение права на частную жизнь и на ознакомление с информацией о своем здоровье, недопустимость вмешательства в геном человека, когда оно направлено на изменение генома наследников, и т.д.

С точки зрения закрепления исследуемой категории принципов (более точно – одной из ее составляющих) определенный интерес представляет Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г.: фактически все нормы, предусмотренные в данном акте, определены в качестве принципов правового регулирования в соответствующей сфере, что подтверждает стремление участников Генеральной конференции ЮНЕСКО придать данным нормам основополагающий характер. Однако декларативная форма данного документа в некоторой мере нивелирует прогрессивный характер закрепляемых в нем положений. Примечательно, что принципы научных исследований генома человека и практического применения их результатов в декларации структурированы относительно следующих ключевых аспектов:

- 1) человеческое достоинство и геном человека;
- 2) права соответствующих лиц;
- 3) исследования, касающиеся генома человека;
- 4) условия осуществления научной деятельности;
- 5) солидарность и международное сотрудничество.

Представленная характеристика декларации является по своей сути не чем иным, как фактом реализации на международном уровне системного подхода к определению принципов правового регулирования (правда, относительно достаточно узкой сферы общественных отношений).

Достаточно разработанной может быть признана система принципов, касающихся вопросов регулирования отдельных сфер оказания медицинской помощи. В данном случае следует прежде всего упомянуть такой акт, как Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, который был утвержден Резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1991 г. Помимо общих принципов оказания медицинской помощи, в том числе в контексте применения медицинских технологий (принципы гуманизма, уважения человеческого достоинства, недискриминации, особой защиты несовершеннолетних, конфиденциальности и т.д.), в указанном документе получили закрепление и специальные принципы-нормы, которые касаются диагностики психического заболевания, медицинского осмотра, лечения, применяемых медикаментов, физического умирения и принудительной изоляции, стерилизации, условий содержания в психиатрических учреждениях и т.д.

Попытка систематизации принципов правового регулирования была предпринята и некоторыми неправительственными международными организациями. Так, в 1963 г. Всемирная медицинская ассамблея приняла 12 Принципов предоставления медицинской помощи в любой системе здравоохранения. Несмотря на то, что данный документ не имеет договорного характера, он заслуживает внимания с точки зрения юридического оформления системного подхода к закреплению принципов международного правового регулирования и в сфере обеспечения безопасности человека при применении к нему достижений современной медицины.

Заключение

Построение системы принципов международного правового регулирования в области использования современных медицинских технологий и закрепление элементов данной системы в рамках относительно однородных актов (преимущественно кодифицирующего характера) является важным условием обеспечения безопасности человека,

его прав и свободы. При этом независимо от того, какой критерий может быть положен в основу построения системы принципов международного правового обеспечения безопасности человека в сфере современной медицины, основополагающим началом должен быть признан принцип уважения прав и свобод человека, на основе которого должны формулироваться и толковаться и положения национального законодательства.

С этой точки зрения заслуживает внимания законодательный опыт Российской Федерации, а именно наличие в Федеральном Законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нормы, закрепляющей правило, согласно которому мероприятия по охране здоровья человека должны проводиться на основе признания, соблюдения и защиты прав граждан и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права (ст. 5). Представляется, что подобного рода норма вполне органично могла бы дополнить ст. 3 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (с изменениями и дополнениями). Следует отметить и научное подтверждение значимости указанной нормы [2, с. 71].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев, Д. Г. Право на охрану здоровья в международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Д. Г. Бартенев ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 22 с.

2. Романовская, О. В. Правовые основы международного сотрудничества в области биомедицины / О. В. Романовская, О. В. Безрукова // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 1. – С. 71–82.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.02.2018

Korotich E.A. Principles of International Legal Ensuring of Person's Safety in the Area of Contemporary Medicine: Sources and Types

In the article the attempt to develop the system conception of the principles of international legal regulation in the area of modern medical technology applying is presented. On the basis of studying the most significant international acts (as legal, and not legal character) the conclusion about the absence of systematic approach in the area of legal regulation of a considered category of principles, are formulated. The conducted research has allowed to make a conclusion about internal discrepancy within the international legal regulation in considered area and to specify the certain lacks in the system of international treaties that stipulate the principles under review.

УДК 342

Д.Г. Василевич

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. конституционного права
Белорусского государственного университета
e-mail: Gregory_1@tut.by

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭВТАНАЗИИ

Анализируется законодательство и практика в области осуществления эвтаназии. Раскрывается понятие эвтаназии, ее правовая регламентация, основания и причины ее применения в зарубежных странах. Проводится разграничение между активной и пассивной эвтаназией. Различие между эвтаназией и самоубийством заключается в способах ухода из жизни и субъектах, которые в этом участвуют, соблюдении установленной процедуры осуществления эвтаназии включая уведомление соответствующих органов о производстве эвтаназии. При эвтаназии, как следует из западной практики, уход из жизни осуществляется с помощью уполномоченного законодателем на то лица (врача). Критически относятся к предложениям об использовании всех «западных» подходов в данной сфере, автор высказывает идею о необходимости учета позитивного опыта во благо лиц, подверженных неизлечимыми заболеваниями и испытывающих страдания. Вносится предложение провести широкий обмен мнениями специалистов (психологов, медиков, юристов и др.) с участием тех лиц, которые желали бы осуществить эвтаназию по причине болезненного состояния и тех страданий, которые оно доставляет.

Введение

Слово «эвтаназия» имеет греческое происхождение и означает легкую, спокойную, безболезненную смерть. Указанный термин введен в науку Ф. Бэконом, согласно которому «долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями... даже и в том случае, когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия... уже сама по себе является немалым счастьем» [1, с. 269].

Как указывается в Новой философской энциклопедии [2, с. 412], термин «эвтаназия» в настоящее время используется как ускорение смерти тех, кто испытывает тяжелые страдания; прекращение жизни «лишних» людей; забота об умирающих; предоставление человеку возможности умереть. В первобытном обществе практика умерщвления стариков и больных была распространенной. Многие древнегреческие философы (Платон, Сократ, Сенека и др.) оправдывали умерщвление людей, которые были больны, культивировали в качестве морального долга идею необходимости покончить с собой человеку, который стал обузой для общества.

Ситуация начала меняться с принятием христианства, которое выступало против самоубийства и признавало жизнь человека как Божий дар. Так, Августин вслед за Аристотелем осудил самоубийство как проявление трусости и презренной слабости [3].

Позиция бескомпромиссного отвержения самоубийства и эвтаназии никем не оспаривалась вплоть до эпохи Просвещения, когда некоторые медики вслед за Бэконом стали говорить о необходимости облегчения страданий умирающих. В конце XIX в. идеи эвтаназии вновь получают распространение. А в 1930-е гг. эвтаназия осуществлялась в массовых масштабах в нацистской Германии по отношению к тем, кто признавался экономическим «бременем для общества», кто жил «жизнью, которая не стоит того, чтобы ею жить». В 1939 г. Гитлер издал указ о регистрации детей, страдающих монголоидностью, гидроцефалией, параличом и уродствами (5 тыс. из них были подвергнуты эвтаназии). Впоследствии, по другому указу, были подвергнуты принудительной эвтаназии десятки тысяч людей с умственными расстройствами [2, с. 411].

По данным Ф. Фута, всего вследствие применения эвтаназии в Германии было умерщвлено около 275 тыс. человек [4, с. 63].

После Второй мировой войны эвтаназия долгое время повсеместно считалась абсолютно недопустимой. Однако развитие новых биомедицинских технологий (прежде всего жизнеподдерживающего лечения) наряду с утверждением в медицинской практике ценности автономного выбора привело к тому, что тема эвтаназии во многих странах перестала быть табу. При этом эвтаназия теперь понимается как ускорение смерти тяжело и неизлечимо больного, осуществляемое по его воле или по воле уполномоченных им близких [2, с. 412].

В литературе выделяются два вида эвтаназии: пассивная эвтаназия (намеренное прекращение медиками поддерживающей терапии больного либо ограничение лечения) и активная эвтаназия (введение умирающему медицинских препаратов либо другие действия, которые влекут за собой быструю и безболезненную смерть). К активной эвтаназии часто относят и самоубийство с врачебной помощью (предоставление больному по его просьбе препаратов, сокращающих жизнь).

Кроме того, необходимо различать добровольную и недобровольную эвтаназию. Добровольная эвтаназия осуществляется по просьбе больного или с предварительного его согласия (например, в США распространена практика заранее и в юридически достоверной форме выражать свою волю на случай необратимой комы). Недобровольная эвтаназия осуществляется без согласия больного, находящегося, как правило, в бессознательном состоянии. Она производится на основании решения родственников, опекунов и т.п. Совет по этике и судебным делам Американской медицинской ассоциации допускает при этом, что такие решения могут быть «необоснованными». Однако люди имеют право принимать решения, которые другие считают неразумными, поскольку их выбор проходит через компетентно обоснованный процесс и совместим с их личными ценностями [5].

При активной эвтаназии исключается принятие решения об уходе из жизни «третьими» лицами без выражения на то воли самого пациента либо его близких. Это ключевой момент для применения эвтаназии. В тех случаях, когда отключается медицинская аппаратура и прекращается поддержание жизнедеятельности человеческого организма по причине бесперспективности оказания такой помощи, речь не может идти об эвтаназии пассивной, так как при этом не преследуется цель избавления человека от ненужных страданий.

Различие между активной и пассивной эвтаназией заключается в форме деяния – действии либо бездействии. Различие между эвтаназией и самоубийством заключается в способах ухода из жизни и субъектах, которые в этом участвуют, соблюдении установленной процедуры осуществления эвтаназии, включая уведомление соответствующих органов о производстве эвтаназии. При эвтаназии, как следует из западной практики, уход из жизни осуществляется с помощью уполномоченного законодателем на то лица (врача). В этих целях уголовные кодексы часто содержат нормы, исключающие уголовную ответственность такого врача. Например, законодательство Нидерландов исключает осуществление эвтаназии для лиц, которые именно с этой целью могут специально приехать в данную страну. Особый конфликт возникает, когда решение об эвтаназии принимается в отношении ребенка. Так, в 2009 г. неизлечимо больного младенца в Великобритании подвергли эвтаназии по решению лондонского суда, в то время как родители выступали категорически против умерщвления ребенка. Однако по британским законам судьи имеют право принимать такие решения. В данной ситуации они восприняли мнение врачей, которые считали, что шансов выжить у девятимесячного ребенка практически не было. Поэтому они обратились в суд с просьбой разрешить эв-

таназию. Суд стал на сторону врачей [6]. Эта практика имеет свое продолжение. Так, Чарли Гард, десятимесячный мальчик из Англии смертельно болен, как считают врачи. Единственный шанс на спасение – экспериментальное лечение в США стоимостью полтора миллиона долларов. Хотя эта сумма и была собрана, но английские врачи посчитали бессмысленным везти Чарли в США и приняли с согласия суда решение отключить его от аппарата жизнеобеспечения, чтобы прекратить страдания ребенка [7].

Основным аргументом сторонников активной эвтаназии является право человека на самоопределение, вплоть до того, чтобы самому распорядиться собственной жизнью и отказаться от негуманного, унижающего его достоинство лечения (в этой связи иногда говорят о рациональном, т.е. тщательно обдуманном, самоубийстве, позволяющем прекратить бесполезные мучения). Против активной эвтаназии приводятся следующие аргументы:

- 1) восходящий к теологии аргумент о святости человеческой жизни;
- 2) возможность врачебной ошибки при констатации безнадежного диагноза;
- 3) опасность злоупотреблений, если эвтаназия будет узаконена;
- 4) феномен «наклонной плоскости»: коль скоро эвтаназия будет узаконена,

то даже при самых жестких требованиях к ее проведению в реальной жизни будут возникать ситуации «на грани» узаконенных требований, при этом незначительные отступления будут размывать строгость закона, так что в конечном счете эвтаназия будет осуществляться не из сострадания, а ради совсем других целей [2, с. 412].

В конце XX в. отношение к эвтаназии меняется в сторону ее признания, и эта идея получает все большую поддержку, закрепление в законодательстве ряда государств. Первыми легализовали эвтаназию как добровольную смерть Нидерланды: Верховный Суд королевства в 1984 г. признал добровольную эвтаназию допустимой. В 2002 г. эвтаназия была узаконена в Бельгии. В 2003 г. посредством эвтаназии расстались с жизнью 200 смертельно больных пациентов, а в 2004 г. – 360. В США закон, разрешающий оказание медицинской помощи в осуществлении самоубийства больным в терминальной стадии, был принят (с рядом ограничений) в ноябре 1994 г. в штате Орегон, а в ноябре 2008 г. в штате Вашингтон. В марте 2012 г. губернатор штата Джорджия Натан Дил подписал законопроект, запрещающий эвтаназию. В Люксембурге также разрешено помогать безнадежно больным людям уходить из жизни.

Общественно-политическая деятельность, направленная на убеждение общественного мнения в допустимости эвтаназии, т.е. в удовлетворении просьбы смертельно больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, проводится во многих странах. Сторонники эвтаназии аргументируют свою позицию соображениями гуманности, противники же считают ее легализацией содействия в самоубийстве. В некоторых странах (например, в Австралии) пропаганда эвтаназии влечет уголовное наказание по статьям «доведение до самоубийства», «содействие в самоубийстве» и др. [8].

Обратим внимание на то, что в законодательстве зарубежных стран по-разному решается вопрос об ответственности за эвтаназию. В одних странах такие действия квалифицируются как самостоятельное преступное деяние, в других – как умышленное убийство. Так, в Азербайджане эвтаназия наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. В России эвтаназия квалифицируется как умышленное убийство в соответствии с ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. При назначении наказания может быть, однако, учтен мотив сострадания [9].

В законодательстве Республики Беларусь, в частности в Законе «О здравоохранении», в той или иной степени затрагиваются вопросы эвтаназии. Так, в ст. 31 этого

Закона наряду с определением эвтаназии как удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием, прямо указано, что на территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских (фармацевтических) работников, запрещено. Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Исходя из анализа приведенной законодательной нормы, можно сделать вывод о том, что эвтаназия как прекращение жизни пациента в Беларуси недопустима, но граждане Республики Беларусь могут осуществить ее в других странах, где она легализована. Если же речь идет не о «пациенте», то, полагаем, эвтаназия на территории нашей республики также недопустима. Об ответственности за нарушение данного запрета будет сказано ниже.

Как отмечается в литературе, пассивная эвтаназия – это отказ от жизнеподдерживающего лечения, когда оно либо прекращается, либо вообще не начинается. Пассивная эвтаназия (например, выписка из больницы безнадежно больного пациента) в медицинской практике встречается довольно часто. С точки зрения нравственности существует важное различие между ситуацией, когда принимается решение не начинать лечение, и ситуацией, когда прекращается уже начатое лечение. Моральное бремя, ложащееся на врача, во втором случае будет более тяжким. Однако если врач будет опасаться начать жизнеподдерживающее лечение, чтобы не попасть в ситуацию, когда его придется прекращать, то это может оказаться еще большим злом для пациента, которого такое лечение могло бы спасти [2, с. 412].

В ст. 20 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» содержится общая формулировка: пациентам, находящимся в критическом для жизни состоянии, медицинская помощь оказывается в объеме лечебно-диагностических возможностей организации здравоохранения с проведением необходимых организационных и консультативных мероприятий. Не существует оснований упрекать законодателя в таком подходе, поскольку действительно могут возникать такие ситуации, в которых современная медицина бессильна оказать помощь. Если же было начато оказание медицинской помощи, то, как предусмотрено в ст. 21 Закона «О здравоохранении», проведение реанимационных мероприятий пациенту, а также мероприятий по поддержанию жизни пациента прекращается после констатации его смерти. Порядок констатации смерти определяется Министерством здравоохранения. При этом в соответствии со ст. 43 указанного Закона одним из прав пациентов является право на отказ от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, за исключением случаев, предусмотренных данным Законом.

В законе определены условия оказания медицинской помощи пациенту. Согласно ст. 44 необходимым условием оказания медицинской помощи пациенту является наличие предварительного согласия совершеннолетнего пациента, если иное не предусмотрено законом, или лиц, указанных в части второй ст. 18 Закона (имеются в виду родители, опекуны, супруги, близкие родственники и др.), ознакомленных с целью медицинского вмешательства, прогнозируемыми результатами и возможными рисками. Согласие на простое медицинское вмешательство дается устно пациентом или лицами, указанными в части второй ст. 18 Закона. Отметка о согласии на простое медицинское вмешательство делается медицинским работником в медицинских документах. Несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет имеют право самостоятельно давать согласие на простое медицинское вмешательство. Отзыв согласия на простое медицинское вмешательство осуществляется лицами, давшими его. Отметка об отзыве согласия

на простое медицинское вмешательство делается медицинским работником в медицинских документах. Перечень простых медицинских вмешательств определяется Министерством здравоохранения.

Обязательным условием проведения сложного медицинского вмешательства является наличие предварительного письменного согласия совершеннолетнего пациента или лиц, указанных в части второй ст. 18 Закона «О здравоохранении». Перечень сложных медицинских вмешательств утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 26 декабря 2005 г. № 619 [10]. Согласие пациента на сложное медицинское вмешательство вносится в медицинские документы и подписывается пациентом либо лицами, указанными в части второй ст. 18 Закона «О здравоохранении», и лечащим врачом. В случае, если сложное медицинское вмешательство должно быть выполнено срочно (неотложно), а лица, указанные в части второй ст. 18 Закона, отсутствуют или установить их местонахождение невозможно, решение принимается врачебным консилиумом, а при невозможности его проведения – лечащим врачом с оформлением записи в медицинских документах. Лечащий врач (врачебный консилиум), принявший решение и осуществивший неотложное сложное медицинское вмешательство, при первой возможности должен уведомить об этом руководителя организации здравоохранения, а также лиц, указанных в части второй ст. 18 Закона. Согласие на сложное медицинское вмешательство может быть отозвано пациентом либо лицами, указанными в части второй ст. 18 Закона, за исключением случаев, когда медицинское вмешательство уже началось и его прекращение либо возврат к первоначальному состоянию невозможны или связаны с угрозой для жизни или здоровья пациента. Отзыв согласия на сложное медицинское вмешательство и информация о невозможности удовлетворения отзыва с указанием причин оформляются записью в медицинских документах и подписываются пациентом либо лицами, указанными в части второй ст. 18 Закона, и лечащим врачом. Согласие на оказание психиатрической помощи дается и оформляется в соответствии с законодательством Республики Беларусь об оказании психиатрической помощи.

В ст. 45 Закона «О здравоохранении» предусмотрен отказ пациента от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства: пациент либо лица, указанные в части второй ст. 18 Закона, имеют право отказаться от оказания медицинской помощи, в том числе от медицинского вмешательства, за исключением случаев, предусмотренных Законом. При отказе от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, пациенту либо лицам, указанным в части второй ст. 18 Закона, лечащим врачом в доступной форме должны быть разъяснены возможные последствия отказа. Отказ от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, оформляется записью в медицинских документах и подписывается пациентом либо лицами, указанными в части второй ст. 18 Закона, и лечащим врачом.

Вопрос о легализации эвтаназии в Республике Беларусь, на наш взгляд, остается открытым. При этом аргументы можно привести как в «за», так и «против». Из работ белорусских авторов, посвященных проблеме эвтаназии, можно указать диссертационное исследование С.М. Сивца [11]. В российской юридической литературе данный вопрос исследован в большей степени, ведется научная дискуссия [12, с. 68–75; 13, с. 50–59]. Как считают некоторые российские ученые, «конституционное установление права на жизнь логически означает юридическое закрепление права человека на смерть. Очевидно, раз право на жизнь относится к числу личных прав человека, его реализация осуществляется им индивидуально и самостоятельно, независимо от воли других... Вопрос жизни и смерти юридически должен решаться человеком самостоятельно. Исключение составляет смертная казнь... Во всех остальных случаях вмешательство других лиц в самостоятельное решение человеком вопроса жизни и смерти следовало бы признать юридически недопустимым» [14, с. 52].

Ю.А. Дмитриева и Е.В. Шленева полагают, что в случае наступления потребности в эвтаназии право на охрану здоровья (это право часто противопоставляется праву на добровольный уход из жизни – эвтаназию) оказывается исчерпанным, а дальнейшее оказание больному медицинской помощи только усугубляет его страдания [60, с. 53]. Указанные авторы отстаивают позицию, согласно которой право на жизнь предполагает и право на самоубийство [14, с. 53]. Считаем, что настолько широкая трактовка права на жизнь, которая по существу поощряет право на самоубийство, уязвима для критики. Конечно, замалчивать данную тему не следует, тем более что проблема самоубийств актуальна и для нашей республики, и для других государств.

Возвращаясь к проблеме эвтаназии, отметим, что ее сторонники обосновывают необходимость распространения эвтаназии на пациентов, биологическая смерть которых неминуема и которые испытывают тяжелые физические страдания [14, с. 53]. Вместе с тем необходимо учитывать и религиозный аспект эвтаназии. Христианство исходит из того, что жизнь дарована человеку и прекращать ее насильственно нельзя [15].

Эвтаназию следует отличать от суицида, который реализуется непосредственно самим человеком, посчитавшим необходимым прекратить свою жизнь, причем не всегда это обусловлено какими-либо непреодолимыми страданиями.

По мнению Ю.А. Дмитриева и Е.В. Шленевой, отказ в эвтаназии следует рассматривать как применение к человеку пыток, насилия, жестокого или унижающего человека достоинство обращения [14, с. 58–59]. Эту позицию подверг критике В.И. Крусс, который обоснованно считает, что приобщение к западным традициям права должно осуществляться с учетом предшествующего духовно-культурного развития [16, с. 50]. С такой точкой зрения, в свою очередь, категорично несогласен Ю.А. Дмитриев, который полагает невозможным в многоконфессиональном государстве руководствоваться только позицией Русской Православной Церкви, осуждающей самоубийство [17, с. 127].

Следует поддержать позицию В.И. Крусса о неоправданности безоглядного «копирования» западных подходов. По мнению А.И. Ковлера, который солидарен в этом вопросе с В. Сибирским, «задача современного законодателя состоит в том, чтобы учитывать изменения представлений о гуманизме: если раньше гуманизмом считалось поддержание жизни человека любой ценой, даже ценой его страданий, то сейчас, видимо, имеет право на существование и понятие о гуманизме как об облегчении страданий неизлечимо больного по его просьбе: вопрос в расширении пределов свободы выбора человека, особенно если он атеист» [18, с. 448; 19, с. 11].

Вот несколько примеров применения эвтаназии в странах Западной Европы и США.

В Бельгии, где эвтаназия разрешена с 2002 г., врачи отказались проводить процедуру эвтаназии осужденному на пожизненное заключение за убийства и изнасилования 51-летнему Франку ван ден Блекену. Тогда осужденный, хотя и не страдал неизлечимым заболеванием, добился проведения эвтаназии, обратившись в суд. Он сам признал себя опасным для общества и сообщил, что испытывает психологические страдания из-за совершенных преступлений. Вначале он был приговорен к пожизненному заключению за изнасилование и убийство 19-летней девушки более 20 лет назад. Тогда его признали невменяемым. Спустя семь лет, выйдя из больницы, он совершил еще три убийства, после чего был осужден на пожизненный срок. По законодательству Королевства Бельгия, эвтаназию применяют в случаях, когда пациент страдает неизлечимой и постоянной физической болезнью или заболеванием психики [20].

Когда мы говорим об эвтаназии, то можно предположить, что в первую очередь речь идет о неизлечимо больных или тех, кто сильно страдает и ждет помощи от врача в уходе из жизни. В Бельгии 24-летняя женщина по имени Лаура добилась права на эвтаназию из-за депрессии, которой страдала на протяжении последних несколько лет. Ее просьба была удовлетворена, несмотря на то, врачи что не обнаружили у нее смертель-

ного заболевания. По словам Лауры, ее с шести лет преследовали мысли о суициде. С 21 года она совершила несколько попыток самоубийства, став пациенткой психиатрической клиники [21].

В конце 2014 г. стала известной история 29-летней Бриттани Мейнард, страдавшей от неизлечимой и неоперабельной опухоли головного мозга и выбравшей эвтаназию. Она была хедлайнером большинства значимых англоязычных СМИ. Например, журнал *People* назвал ее «крестоносцем» за огромный вклад в борьбу за право терминальных больных на «смерть с достоинством» и включил в число 25 самых интригующих людей года, разместив портрет на своей обложке. По поводу этого прецедента резко высказывались представители Ватикана. Из-за колоссального резонанса в прессе и соцсетях трагическая история молодой женщины получила продолжение и после ее ухода из жизни. Мейнард с мужем проживали в Калифорнии, где эвтаназия законодательно запрещена, поэтому им пришлось переехать в Орегон. Там Мейнард обратилась в организацию *Compassion & Choices*, консультирующую смертельно больных по вопросам добровольного ухода из жизни. Рассмотрев ее случай, врачи выписали лекарство, позволяющее уйти из жизни в любой момент без мучений [22].

В приведенных примерах речь шла о взрослых людях. Однако есть парадоксальные случаи, когда родители выступают за сохранение жизни больному ребенку, стараются его лечить, а «государственная машина» считает иначе.

Как сообщает британская *The Sun*, Европейский суд по правам человека отклонил прошение супругов Кристофера и Конни Гард с просьбой позволить им отправить своего тяжелобольного 10-месячного ребенка Чарли на экспериментальное лечение в США. У ребенка редкое генетическое нарушение, и жить ему, по прогнозам врачей из лондонской больницы *Great Ormond Street Hospital*, оставалось недолго. Но в США есть врачи, которые проводят экспериментальное лечение этой болезни. Они ничего не обещали, но родители Чарли собрали в Интернете больше миллиона фунтов на то, чтобы увезти ребенка в Америку и попытаться вылечить. Однако проблема заключалась в том, что ребенка им не отдавали. До решения ЕСПЧ и лондонские медики, и суды считали, что продлевать жизнь маленькому Чарли – значит причинять ему «существенный вред», и младенцу лучше умереть, чтобы прекратить страдания, связанные с его болезнью. В этой связи справедливо замечено, что формулировка «права ребенка важнее, чем права родителей» была бы уместна, если бы ребенка могло спасти лечение, а родители от него отказывались. Но дело обстоит ровно наоборот [23].

Одной из стран, где практикуется эвтаназия, является Швейцария. Для сведения заметим, что в Швейцарии за четыре тысячи евро любому желающему помогут уйти из жизни. Как сообщает газета «Известия», российская компания «Мегаполис-курорт» предлагает россиянам туры в Швейцарию с целью эвтаназии. Генеральный директор компании Анатолий Аронов рассказал, что базовая путевка обойдется примерно в пять тысяч евро. В нее войдут оформление всех необходимых документов, билет в Швейцарию, оплата нескольких дней проживания и услуги врачей. По данным издания, фирма уже подала заявку в Роспатент по регистрации товарного знака «Эвтаназия-тур». Аронов отметил, что «Мегаполис-курорт» планирует заключить партнерский договор с одной из швейцарских клиник, где проводят эвтаназию, а также взять в аренду дом с видом на Женевское озеро, в котором клиенты фирмы смогут провести последние дни жизни. «Сама идея подобных туров не нова. Известно, что многие европейцы, решившие уйти из жизни, едут в Швейцарию или Бельгию, где эвтаназия легальна. Вполне возможно, что и некоторые россияне уже прибегали к этому. Мы просто окажем помощь в оформлении документов и создадим наиболее комфортные условия». При этом Аронов добавил, что перед процедурой эвтаназии клиентов компании ждут две встречи с психологом, который оценит серьезность намерений человека и попытается понять,

не принял ли он решение уйти из жизни под давлением родственников. После эвтаназии тело клиента может быть кремировано или транспортировано обратно в Россию [24].

Полагаем, что в силу запрета белорусским законодательством эвтаназии регистрация и деятельность подобного рода фирм для оказания таких «услуги» незаконна и может повлечь ответственность.

Швейцария в настоящее время «пошла еще дальше». Как сообщают информационные агентства, маленькое альпийское государство превратилось в Мекку для европейцев, которые хотят свести счеты с жизнью при помощи врачей. Согласно статистике, число подобных случаев за последние пять лет удвоилось: в 2011 г. на территории Швейцарии эвтаназию совершили несколько сотен человек, а в 2016 г. – уже больше тысячи. И это, судя по всему, не предел: компания Exit задумалась о том, чтобы ассистировать добровольный уход из жизни не только смертельно больным и страдающим людям, но и просто пожилым, решившим, что им пора покинуть этот мир. С предложением легализовать эвтаназию пожилых, но здоровых людей выступила группа врачей из компании Exit. Примечательно, что среди авторов инициативы нет граждан моложе 70 лет. В течение этого года должна быть сформирована комиссия, которой предстоит изучить комплекс этических, юридических и теологических аспектов, прежде чем принять окончательное решение и начать предоставлять подобные услуги. Однако уже сейчас известны случаи, когда швейцарские клиники разрешали эвтаназию людям, не страдающим смертельными заболеваниями. Например, 85-летний британский дирижер сэр Эдвард Даунс решил уйти из жизни в одной из клиник Швейцарии вместе с 74-летней супругой, у которой была терминальная стадия рака. Эта история взбудоражила противников эвтаназии. Они стали обвинять клиники и врачей в снижении моральной планки. «Получается, что если ты стар... и тебе нелегко, то эвтаназия оправдана. Мужей и жен могут склонить к эвтаназии их партнеры даже в том случае, если те еще могли бы жить и жить», – писала по этому поводу The Times. В Великобритании, где ассистированный уход из жизни вне закона, выражение «поехать в Швейцарию» приобрело зловещий смысл: его используют, имея в виду эвтаназию [25].

Заключение

Таким образом, вопрос об эвтаназии, ее легализации или запрете является дискуссионным. Полагаем полезным провести широкий обмен мнениями среди специалистов (психологов, медиков, юристов) с участием тех лиц, которые желали бы осуществить эвтаназию по причине болезненного состояния и тех страданий, которые оно доставляет. Полностью отвергать позитивный опыт западных стран в данной сфере не следует. И дискуссия на данную тему позволила бы решить ряд назревших медицинских проблем, в том числе проблем доступа к обезболивающим лекарствам. Ведь не редки случаи, когда люди совершают самоубийства по причине невозможности терпеть страдания. Следовало бы также более основательно проанализировать законодательное регулирование пассивной эвтаназии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1977–1978. – Т. 2. – 1978. – С. 269.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль, 2000–2001.
3. Августин, А. О предопределении святых [Электронный ресурс] / А. Августин. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-predopredelenii-svjatykh/.

4. Фут, Ф. Эвтаназия / Ф. Фут // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки, 1990. – № 6. – С. 63.
5. Петросян, М. Е. Эвтаназия как моральная и правовая проблема [Электронный ресурс] / М. Е. Петросян. – Режим доступа: <http://fraudcatalog.com/?p=4875>.
6. Британские власти подвергли ребенка эвтаназии вопреки воле родителей. Суд решил лишить ребенка жизни [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/tech/medicine/780255-britanskie-vlasti-podvergli-rebenka-evtanazii-vopreki-vole-roditelej>.
7. Спасти Чарли Гарда: Младенца отключают аппарата дыхания вопреки воле родителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.com/f/index.php?/topic/12229-%B9/>. – Дата доступа: 06.07.2017.
8. Эвтаназия [Электронный ресурс] // Электронный словарь «Википедия». – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвтаназия>. – Дата доступа: 06.07.2017.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 16.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
10. О совершенствовании материального стимулирования отдельных категорий медицинских работников [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 дек. 2005 г., № 619 : в ред. от 01 дек. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
11. Сивец, С. М. Конституционные основы права человека на жизнь: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. М. Сивец. – Минск, 1999. – 106 л.
12. Ковалев, М. И. Право на жизнь и на смерть / М. И. Ковалев // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 68–75.
13. Линник, Л. Н. О праве на жизнь / Л. Н. Линник // Государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50–59.
14. Дмитриев, Ю. А. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии / Ю. А. Дмитриев, Е. В. Шленева // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 52–59.
15. Харакас, С. Православие и биоэтика / С. Харакас // Человек. – 1994. – № 2. – С. 91–100.
16. Крусс, В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В. И. Крусс // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 46–53.
17. Дмитриев, Ю. А. Отклики / Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 126–127.
18. Ковлер, А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М. : Норма, 2002. – 467 с.
19. Сибирский, В. Право на легкую смерть / В. Сибирский // Лит. газ. – 1989. – 16 авг. – С. 16.
20. Врачи отказали бельгийскому серийному убийце в эвтаназии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.charter97.org/ru/news/2015/1/7/134132/>.
21. В Бельгии разрешили эвтаназию страдающей от депрессии женщине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2015/07/02/euthanasia/>.
22. Дело Бриттани Мейнард. Самая громкая история об эвтаназии-2014 получила продолжение в новом году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/01/16/dignity/>. – Дата доступа: 16.01.2015.
23. Сергей Худиев: Учителя смерти 4 июля 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/columns/2017/7/4/877176.html>.
24. Россиянам предложат туры в Швейцарию для эвтаназии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/05/18/deathtour/>.

25. Мельникова, К. Старикам здесь не место. В Швейцарии хотят разрешить эвтаназию пожилым людям [Электронный ресурс] / К. Мельникова. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/06/22/suicide_tour/. – Дата доступа: 22.06.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2018

Vasilevich D.G. The Legal Aspects of the Euthanasia

The legislation and practice in the field of exercise of an euthanizing is analyzed at the article. The concept of an euthanizing, its legal regulation, the bases and the reasons of its realization of foreign countries reveals. Difference between an active and passive euthanizing is carried out. Difference between an euthanizing and suicide consists in ways of death and subjects which participate in it, keeping of the established procedure of exercise of an euthanizing, including the notification of appropriate authorities of production of an euthanizing. At an euthanizing, proceeding from the western practice, death is carried out by means of the representative by the legislator on that faces, the doctor means. Critically estimating offers on copying of all western approaches in this sphere, in article the author the idea expresses need of use of positive experience for the good of the persons having incurable diseases and experiencing sufferings. The offer to carry out broad exchange of opinions among experts (psychologists, physicians, lawyers, etc.) with participation of those persons who would wish to carry out an euthanizing because of disease state and those sufferings which it brings is made.

УДК 349.2

Н.Н. Маслакова

*магистр юрид. наук, аспирант 1 года обучения
отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права
Национального центра законодательства и правовых исследований
e-mail: natashama@tut.by*

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ РАБОТНИКОВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Освещаются вопросы правового регулирования отношений, связанных с профессиональной подготовкой работников на производстве, в том числе для собственных нужд нанимателя, обусловленные воздействием норм разной отраслевой принадлежности. Анализируются в ретроспективе нормы кодифицированного акта трудового законодательства, регулирующие указанные отношения. Выявлено отсутствие в действующем трудовом законодательстве Республики Беларусь правовой формы опосредования отношений, возникающих в связи с профессиональным обучением непосредственно на производстве. Делается предположение, что такой правовой формой их правового регулирования может быть исторически апробированный и доктринально признанный ученический договор.

Введение

В подпрограмме 1 «Содействие занятости населения» Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. в качестве актуальных отмечаются вопросы качества трудовых ресурсов и конкурентоспособности рабочей силы, недостаточного внимания, уделяемого нанимателями профессиональному обучению работников, а также снижения охвата работников обучением из года в год [1]. Так, например, по данным Национального статистического комитета за 2016 г. в Республике Беларусь прошли обучение по образовательной программе профессиональной подготовки рабочих 18 417 человек [2, с. 184] (для сравнения отметим: в 2014 г. по указанной программе обучение прошли 30 845 человек [3, с. 190]). Полагая, что в условиях недостаточной эффективности использования трудовых ресурсов представляется особенно актуальным обеспечение обучения профессии непосредственно на производстве для собственных нужд соответствующими правовыми инструментами, учитывающими специфику производства и потребности в квалифицированных кадрах каждого конкретного нанимателя.

Отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, в соответствии со ст. 4 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), отнесены к предмету правового регулирования [4]. Однако правовая регламентация указанных отношений имеет фрагментарный характер и реализована на уровне единичных норм (статьи 205, 220¹, 278, 280), правовой механизм реализации которых либо содержится в национальных подзаконных актах либо законодательных актах иной отраслевой принадлежности, что не соответствует требованию о полном и системном правовом регулировании.

В настоящее время в Республике Беларусь правовое регулирование профессионального обучения рабочих (в том числе для собственных нужд организации) в значи-

Научный руководитель – Е.В. Чичина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета

тельной мере осуществляется согласно нормам административного права, содержащимся в Кодексе Республики Беларусь об образовании [5], Положении о непрерывном профессиональном обучении по профессиям рабочих, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 954 (далее – Положение) [6], Перечне профессий для подготовки рабочих, утвержденном постановлением Министерства образования Республики Беларусь, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от 8 августа 2011 г. № 221/74/73/129, а также в иных нормативных правовых актах.

Вместе с тем обучение профессии непосредственно на производстве достаточно давно известно науке трудового права. Так, в Кодексе Законов о Труде БССР 1929 г. (далее – КЗоТ БССР 1929 г.) Раздел XII «Ученичество», состоявший из 8 статей, содержал общие нормы, регулировавшие такое обучение [7]. Концептуально этот раздел с некоторыми изменениями был перенят из ранее действовавшего в Беларуси КЗоТ РСФСР 1922 г. Рассматривая КЗоТ БССР 1929 г. следует отметить некоторые его достоинства, например, регламентацию ученичества Наряду с другими дефинитивными нормами законодатель определил правовое понятие «ученик». Так, согласно ст. 121 к ученикам относились лица, состоящие в школах ученичества, учебных бригадах и мастерских, а также проходящие индивидуальное обучение на производстве под руководством квалифицированных работников. Примечательно, что в вышеприведенной дефиниции индивидуальное обучение проходит «на производстве» в отличие от предшествовавшего КЗоТ РСФСР 1922 г., который содержал формулировку нормы о прохождении индивидуального обучения «в процессе производства». По нашему мнению, в редакции КЗоТ БССР 1929 г. была заложена нормативная основа разграничения трудовых отношений (по поводу применения наемного труда) и отношений по профессиональному обучению, впоследствии названных в юридической литературе учебно-трудовыми, или ученическими.

Безусловным положительным моментом КЗоТ БССР 1929 г. была гарантия ученичества, установленная ст. 124, в соответствии с которой ученикам не предоставлялась работа, не относящаяся к изучаемой ими специальности. Помимо того, нормы КЗоТ БССР 1929 г. определяли предельный срок ученичества, составлявший не более 4 лет для наиболее высокой квалификации, а также обязанность прохождения испытания как досрочно, так и после окончания обучения. Ученичество у кустарей, ремесленников, в промышленной кооперации и трудовых артелях было урегулировано бланкетной нормой. Указанное положение вообще отсутствовало в ранее действовавшем КЗоТ РСФСР 1922 г. Также положениями КЗоТ БССР 1929 г. установлен орган специальной компетенции, осуществлявший контроль и надзор за правильной постановкой ученичества, – Народный комиссариат труда.

Во введенном в действие с 1 октября 1972 г. Кодексе законов о труде Белорусской ССР (далее – КЗоТ 1972 г.) присутствовала иная систематизация правовых норм и вопросы профессионального обучения на производстве на уровне отдельной главы более не регулировались [8]. Также в составе терминологического аппарата КЗоТ 1972 г. отсутствовал термин «ученичество», фактически замененный понятием «производственное обучение».

Гл. 13 КЗоТ БССР 1972 г. была призвана регулировать порядок предоставления льгот для рабочих и служащих, совмещавших работу с обучением. Анализ текста гл. 13 показывает, что в ней законодатель объединил нормы, регулирующие обучение на производстве, обучение без отрыва от производства (предполагающее обучение в общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведениях), а также особен-

ности регулирования труда работников, обучающихся в вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведениях.

В сравнении с ранее действовавшим КЗоТ БССР 1929 г. в новом КЗоТ БССР 1972 г. формы производственного обучения определялись так: индивидуальное, бригадное, курсовое и иное обучение. Расширился перечень гарантий, предоставляемых обучающимся работникам: присвоение квалификации в соответствии с тарифно-квалификационным справочником; создание условий для совмещения работы с обучением; поощрение в форме повышения квалификационного разряда или продвижения по работе (при успешном обучении); броня приема молодежи на производственное обучение и др.

В связи с утверждением новой редакции Закона БССР «О народном образовании» от 30 мая 1987 г. № 1518-XI и внесением изменений в законодательные акты было введено новое понятие – «профессиональное обучение на производстве», заменившее термин «производственное обучение».

Таким образом, ретроспектива правового регулирования обучения работников на производстве позволяет сделать вывод о том, что исследуемые отношения исторически были предметом трудового права.

На сегодняшний день, составляя предмет трудового права, отношения по профессиональной подготовке работников на производстве не находят полного и системного регулирования в законодательных актах трудового права. В них нашли отражение некоторые гарантии реализации конституционного права на образование в части профессионального обучения на производстве. Например, нормами ТК предусматриваются следующие гарантии: сохранение места работы (должности) и выплат, установленных Правительством Республики Беларусь при профессиональном обучении по направлению нанимателя (ст. 102); при продвижении по работе учет успешного прохождения работниками профессиональной подготовки, повышения квалификации, прохождения переподготовки, стажировки работников и др. (ст. 205); создание нанимателем необходимых условий для совмещения работы с получением соответствующего образования работникам, проходящим профессиональную подготовку, повышение квалификации, стажировку и переподготовку (ст. 220¹); запрет отказа в приеме на работу и профессиональном обучении направленным в счет брони лицам, впервые ищущим работу в возрасте до 21 года, лицам из числа детей-сирот и детям, оставшимся без попечения родителей (ст. 278).

В настоящее время отношения по организации самого обучения, в соответствии с действующими правовыми реалиями при существующей регламентации профессиональной подготовки рабочих, находятся вне трудового права. Об этом свидетельствуют положения нормы ст. 59 Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании), в соответствии с которыми при заключении договора о профессиональной подготовке рабочего на платной основе возникают образовательные отношения [8]. В развитие приведенных выше норм Кодекса об образовании предусматривается возможность профессионального обучения по профессиям рабочих в организациях (а не в учреждениях образования) в случае необходимости данного обучения для собственных нужд этой организации в соответствии с коллективным договором, соглашением, трудовым договором (п. 4 Положения). Т.е. законодательство об образовании допускает возможность профессиональной подготовки нанимателем работников для собственных нужд. В данном случае наниматель выступает как организация, которой в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность и реализовывать программы дополнительного образования взрослых (т.е. выступает как субъект образовательных правоотношений). Следует отметить, что само Положение разработано на основании ст. 250 Кодекса об образовании, устана-

вливающей общие требования к организации образовательного процесса при реализации образовательных программ.

Методическими рекомендациями Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 25.09.2012 «Организация непрерывного профессионального обучения по профессиям рабочих (служащих) на производстве» допускается прием на работу лиц, не имеющих профессии. Так, лицо, не имеющее профессии, квалификации, принятое на работу, в день приема направляется на обучение для получения необходимой квалификации по соответствующей профессии, что оформляется приказом (распоряжением).

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время в Республике Беларусь общественные отношения, связанные с профессиональной подготовкой нанимателем работников (рабочих) для собственных нужд, включаются в сферу действия норм как административного, так и трудового права и возникают на основании состава следующих юридических фактов:

- 1) заключение трудового договора;
- 2) издание приказа (распоряжения) о направлении на обучение;
- 3) заключение договора о профессиональной подготовке рабочего за счет средств республиканского (местного) бюджета либо на платной основе.

Основным юридическим фактом, на основании которого возникают отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников, является договор о профессиональной подготовке рабочего (за счет средств республиканского/местного бюджета либо на платной основе), типовая форма которого утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 21 июля 2011 г. № 99 [9]. Конструкция указанного договора тяготеет к гражданско-правовой и может быть как двусторонней, так и трехсторонней. При этом существенными условиями данного договора являются:

- 1) предмет договора;
- 2) профессия, по которой будет осуществляться профессиональная подготовка;
- 3) квалификация (присваиваемый квалификационный разряд по профессии);
- 4) срок получения образования;
- 5) стоимость обучения, порядок ее изменения;
- 6) порядок расчетов за обучение;
- 7) ответственность сторон.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, что избранная законодателем конструкция договоров о профессиональной подготовке работника за счет средств республиканского/местного бюджета либо на платной основе, не может в полной мере соответствовать природе указанных отношений. Учитывая исторически сложившуюся законодательную практику, а также включенность, в соответствии со ст. 4 ТК Республики Беларусь, в предмет его правового регулирования, общественные отношения по профессиональной подготовке на производстве, по нашему мнению, должны быть в определенной части опосредованы правовыми формами трудового характера, представляющими собой самостоятельный источник их правового регулирования, которые на сегодняшний день в национальном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют. Считаем, что такой правовой формой должен быть ученический договор – соглашение сторон, отличное от трудового договора, – на необходимость регламентации которого неоднократно указывали белорусские ученые в области трудового права (Л.Г. Березовская [10], В.И. Кривой [11], Е.В. Мотина [12], К.Л. Томашевский [13], Е.А. Волк [14] и др.).

Представляется, что в основе профессионального обучения на производстве должно лежать добровольное соглашение сторон (нанимателя и работника), облеченное в правовую форму трудового характера и отличную от трудового договора, в свя-

зи с опосредованием иных, чем трудовые, отношений. В пользу тезиса о добровольности принимаемых сторонами обязанностей свидетельствуют отсутствие в нормах трудового законодательства (в том числе и в нормах ст. 53 ТК) обязанности работников проходить профессиональную подготовку или переподготовку; отказ работника от профессиональной подготовки не обладает признаками дисциплинарного проступка; в законодательстве отсутствует основание для расторжения (прекращения) трудового договора в случае отказа работника от профессиональной подготовки на производстве.

В наиболее общем виде под ученическим договором понимается соглашение между учеником (работником или лицом, ищущим работу) и нанимателем, по которому ученик обязуется пройти обучение с целью приобретения новой профессии, специальности, квалификации и в случае успешного завершения обучения заключить с нанимателем трудовой договор по приобретенной профессии, специальности, квалификации, а наниматель обязуется обеспечить обучение ученика по обусловленной договором профессии, специальности, квалификации и в случае успешного завершения обучения предоставить ученику работу по приобретенной им профессии, специальности, квалификации, т.е. заключить с ним трудовой договор [15, с. 11].

Для сравнения следует указать, что Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) в действующей редакции включает отдельную гл. 32 «Ученический договор», содержащую 11 статей [16]. Российский законодатель в результате четвертой кодификации по прошествии почти 80 лет (с момента издания КЗоТ РСФСР 1918 г.) возвращается к данному институту и вводит его в Трудовой кодекс в раздел IX «Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников». Это представляет собой пример возвратной преемственности в трудовом праве [17].

С учетом подвергшихся регламентации отношений по ученичеству законодателем воспринято позитивное значение положений ранее действовавшего КЗоТ РСФСР 1918 г. Хотя нормы ТК РФ не содержат дефиниции ученического договора, вместе с тем в статьях 198–208 ТК РФ определены его содержание, срок, форма, действие, основания прекращения и иные условия. В связи с этим следует обратить внимание на закрепление в ст. 197 ТК РФ права работника на профессиональное обучение, повышение квалификации, подготовку, дополнительное профессиональное образование, а также на прохождение независимой оценки квалификации. Это право работника реализуется посредством заключения договора между работодателем и работником. Отметим, что такое право работника в национальном законодательстве Республики Беларусь не регламентировано.

Полагаем, что при наличии соответствующего научного обоснования для комплексного и системного правового регулирования законодателю следует переосмыслить имеющийся положительный опыт регламентации отношений по профессиональной подготовке работников на производстве на уровне законодательного акта и воспроизвести преемственные нормы с учетом их соотношения с правовой действительностью.

Заключение

В действующем Трудовом кодексе Республики Беларусь отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, не находят полного и системного правового регулирования, которое он призван обеспечить. Единственной регламентирующей правовой формой указанных отношений на данный момент является договор о профессиональной подготовке рабочего (за счет средств республиканского/местного бюджета либо на платной основе), на основании которого возникают образовательные отношения согласно правилам ст. 59 Кодекса Республики Беларусь об образовании. Так, профессиональная подготовка работников для собственных нужд на-

нимателя подлежит воздействию норм права разной отраслевой принадлежности, преимущественно норм законодательства об образовании.

Ретроспективный анализ законодательства советского периода (КоТ БССР 1929 г., КЗоТ 1972 г.) показал, что обучение профессии на производстве исторически являлось предметом трудового регулирования: на уровне кодифицированных актов о труде закреплялись гарантии и формы ученичества, существовала норма-дефиниция «ученик», были установлены органы контроля и надзора за правильной постановкой ученичества. С учетом исторического опыта предлагается переосмыслить и воспринять позитивное значение преимущественных норм в части урегулирования профессионального обучения на производстве на уровне кодифицированного акта, а также регламентировать правовую форму отношений, складывающихся между работником и нанимателем в процессе обучения профессии на производстве для собственных нужд нанимателя. Это должен быть, по нашему мнению, ученический договор как самостоятельный источник их правового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2016 г., № 73 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Образование в Республике Беларусь : стат. сб. / ред. И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – 220 с.
3. Образование в Республике Беларусь : стат. сб. / ред. И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 226 с.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. Об отдельных вопросах дополнительного образования взрослых [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 июля 2011 г., № 954 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. Кодекс Законов о Труде БССР 1929 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/KZoT_BSSR_1929.pdf. – Дата доступа: 16.03.2017.
8. Кодекс законов о труде БССР 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1712331479454846.pdf. – Дата доступа: 16.03.2017.
9. Об утверждении типовых форм договоров в сфере образования [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 21 июля 2011 г., № 99 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
10. Березовская, Л. Г. Сравнительный анализ правового регулирования внутрифирменной подготовки персонала в Республике Беларусь и зарубежных странах / Л. Г. Березовская // Теоретические и практические проблемы соотношения междуна-

родного и национального права : тез. докл. Междунар. науч.-практич. конф., Гродно, 28–29 апр. 2000 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2000. – Ч. 1. – С. 181–183.

11. Кривой, В. И. Кодификация законодательства о труде Беларуси / В. И. Кривой. – Минск : Професионал, 1997. – С. 7–15.

12. Мотина, Е. В. Правовое регулирование ученического договора / Е. В. Мотина // Юрист. – 2006. – № 7. – С. 85–89.

13. Томашевский, К. Л. Концепция совершенствования законодательства в социально-трудовой сфере Беларуси в условиях евразийской интеграции / К. Л. Томашевский // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 46–48.

14. Волк, Е. А. Актуальные вопросы ученичества в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Е. А. Волк. – Режим доступа: <http://ndipzir.org.ua/wpcontent/uploads/2016/11/Volk.pdf>. – Дата доступа: 30.09.2017.

15. Занданов, И. В. Ученический договор как форма профессиональной подготовки и переподготовки работников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / И. В. Занданов ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2011. – С. 27.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 29.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

17. Андриановская, И. И. Ученический договор: преемственность и новизна [Электронный ресурс] / И. И. Андриановская. – Режим доступа: http://www.rusnauka.-com/14_NPRT_2010/Pravo/66627.doc.htm. – Дата доступа: 30.09.2017

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2017

Maslakova N.N. Some Issues of Legal Regulation of Professional Training for Production Workers in the Republic of Belarus

The questions of legal regulation of the relations connected with professional training of workers on production, including for own needs of the employer caused by influence of norms of different branch accessory are covered. The norms of codified act of labor legislation governing these relations are analyzed in retrospect. The absence in the current labor legislation of the Republic of Belarus of the legal form of mediation of the relations arising in connection with professional training directly at work is revealed. It is suggested that such legal form of their legal regulation can be historically tested and doctrinally recognized student agreement.

УДК 336.1/343.9

В.И. Резюк

ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by

ПРАВООТНОШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛНЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматривается специфика юридической оценки правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, при осуществлении криминологического анализа: частая недостаточность отраслевой (бюджетно-правовой и иной) оценки и вариации видов, структуры и содержание правоотношений. Выделены отдельные варианты реализации бюджетных обязательств, систематизированы виды правоотношений, связанные с их исполнением.

Введение

Для тех, кто исследует современную преступность, все меньше остается «вечных истин», простых, самоочевидных положений, которые могут быть приняты априори, а конечной целью криминологического анализа преступности является совершенствование борьбы с преступностью [1, с. 44–45]. Это касается и мнения о достаточности качественной отраслевой юридической характеристики правоотношений в ходе криминологического анализа исполнения бюджетных обязательств, а именно при оценке правомерности поведения субъектов при наличии признаков противоправных посягательств.

Особую актуальность приобретает поиск решений по противодействию преступным посягательствам на бюджетные средства. Бюджетные обязательства – это расходные обязательства, полученные и принятые получателем бюджетных средств и (или) подлежащие исполнению в соответствующем финансовом году за счет средств соответствующего бюджета [2]. Именно в рамках бюджетных обязательств происходит предоставление бюджетных средств достаточно широкому кругу получателей, что характеризуется повышенными криминогенными рисками.

Соглашаясь с мнением О.Г. Соловьева о том, что уголовно-правовая охрана бюджетных отношений, складывающихся помимо прочего при исполнении бюджетных обязательств, может рассматриваться как элемент экономической безопасности государства [3, с. 232], следует выделить и необходимость совершенствования соответствующего криминологического инструментария.

Целью юридической оценки при осуществлении криминологического анализа правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, является проверка правомерности действий и решений отдельных субъектов (распорядителей, получателей бюджетных средств и иных участников соответствующих отношений), а также выявление признаков правонарушений, прежде всего преступлений.

Исполнение бюджетных обязательств может предполагать правоотношения субъектов одного (например, взаимоотношения распорядителей местных бюджетов) и разных (взаимоотношения органов государственного казначейства и коммерческих организаций) уровней бюджетных правоотношений. Получателями бюджетных средств являются помимо прочих физические лица и организации; для получения бюджетных средств на них могут возлагаться определенные права и обязанности. Однако часто, являясь субъектами правоотношений по реализации бюджетных обязательств, субъектами бюджетного права и бюджетных правоотношений они не становятся. Это создает

сложности юридической оценки правомерности при исполнении бюджетных обязательств, так как институт бюджетных обязательств является структурной единицей бюджетного права, имеющего определенные рамки, и именно за их пределы могут выходить правоотношения, связанные с реализацией указанных обязательств. Такое положение соответствует «бюрократизации общественных отношений» как тенденции развития современной системы нормативно-правового регулирования, выделенной В.П. Шиенком, т.е. увеличению количества регулирующих отношения норм при одновременных пересечении и конкурировании отдельных положений и принципов [4, с. 197].

Природа бюджетных обязательств часто выходит за пределы бюджетных правоотношений, т.е. бюджетного и финансового права. Фактически круг субъектов правоотношений по бюджетным обязательствам становится аналогичным кругу субъектов гражданских правоотношений, являющегося самым широким из всех отраслей правового регулирования (неверным вместе с тем является подход к юридической оценке отношений только с позиции гражданско-правового регулирования).

Юридическая оценка как «особая мыслительная деятельность (логический процесс)» [5] предполагает соотнесение исследуемых бюджетных правоотношений с нормами права, которые с ними связаны и из них вытекают.

Так, деньги внебюджетного фонда социальной защиты населения, получающего средства из государственного бюджета в рамках межбюджетных трансфертов – субвенций, предназначенные для выплат пенсий и пособий, могут размещаться в банках, которые, в свою очередь, в установленном законом порядке могут обслуживать государственные программы. В рамках таких государственных программ осуществляется финансирование различных проектов, и средства предоставляются определенному кругу получателей – физическим и юридическим лицам. В пределах субвенций на финансирование расходов на государственные пособия возникают бюджетные правоотношения, при размещении денежных средств в банках – банковские отношения, при финансировании юридических лиц в рамках государственных программ – гражданско-правовые.

В отдельных случаях возможна и более «простая» форма исполнения бюджетных обязательств: так, из местного бюджета осуществляется финансирование средних образовательных школ, т.е. возникают только финансово-бюджетные отношения.

Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств, в зависимости от структуры, определяемой характером этих обязательств, можно классифицировать.

1. Правоотношения, имеющие одноступенчатую структуру.

В эту группу включаются правоотношения, возникающие между двумя субъектами как одного, так и разных бюджетных уровней (в т.ч. простые по распределению прав и обязанностей сторон: в отдельных случаях правоотношение может быть односторонним, т.е. возникновение обязательства у одной из сторон не предусматривает ответствующего у другого участника).

На основании сметы осуществляется финансирование государственных бюджетных учреждений образования, здравоохранения; из бюджета соответствующего уровня осуществляются социальные выплаты и др. В частности, юридическая оценка правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, возникающих между государственным органом, являющимся распорядителем бюджетных средств, и бюджетным учреждением, являющимся получателем бюджетных средств, по своим пределам совпадает с рассматриваемой в области бюджетного регулирования (рисунок 1).

Аналогичную простую одноступенчатую структуру могут иметь правоотношения между бюджетным учреждением, являющимся покупателем, и коммерческой организацией, являющейся поставщиком, однако характер указанных правоотношений может иметь гражданско-правовой характер (рисунок 2).

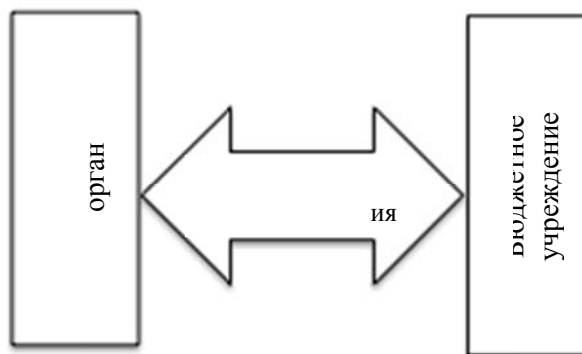

Рисунок 1. – Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств, между государственным органом и бюджетным учреждением

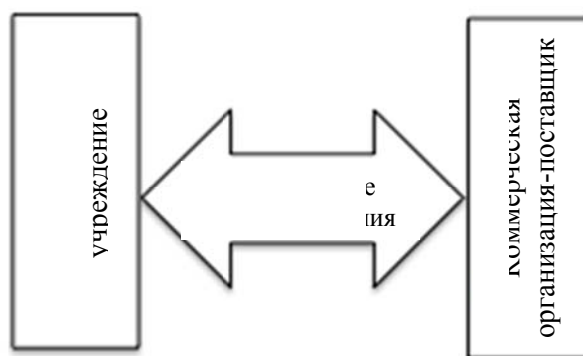

Рисунок 2. – Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств, между бюджетным учреждением и коммерческой организацией-поставщиком

Простую одноступенчатую структуру могут также иметь правоотношения между бюджетным учреждением, являющимся заказчиком, и коммерческой организацией, являющейся поставщиком. Однако в ряде случаев (например, при осуществлении государственных закупок) эти отношения, возникающие между их участниками, следует одновременно оценивать с позиций как бюджетного, так и иного отраслевого (в частности, гражданского права) законодательства (рисунок 3).

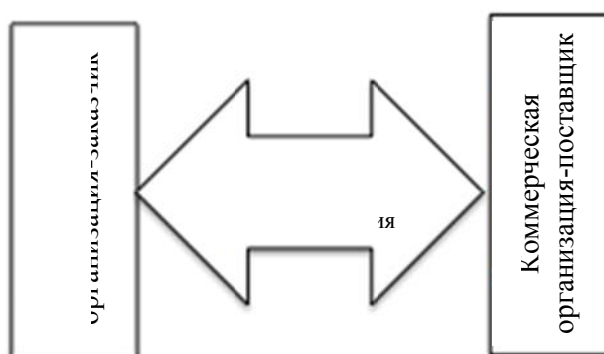

Рисунок 3. – Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств при осуществлении государственной закупки, между коммерческой организацией-заказчиком и коммерческой организацией-поставщиком

Несмотря на аналогичную (одноступенчатую) структуру выделенных правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, они имеют существенные отличия. Так, анализ первых находится в сфере бюджетного законодательства, рассмотрение вторых – в плоскости гражданско-правового регулирования, а третьих – имеет мультиотраслевую специфику (охватывает совокупность отраслевых норм и механизмов). Недооценка и недопонимание этого может привести не только к ошибкам в юридической оценке содержания, но и к исключению из группы используемого инструментария (гражданско-правового, банковского и др.), не укладывающегося в пределы, заранее определенные субъектом оценки правомерности.

2. Правоотношения, имеющие многоступенчатую структуру.

Эффективным в условиях современной экономики бизнес-инструментарием является лизинг. Вместе с тем для значительной части субъектов экономической деятельности он недоступен прежде всего по экономическим причинам (недостаточные доходы, прибыль и др.). В соответствии с государственной программой по поддержке малого предпринимательства из местных бюджетов предоставляются субсидии для возмещения части расходов на выплату лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга) в части оплаты суммы вознаграждения (дохода) лизингодателя.

В свою очередь, бюджетным законодательством может быть предусмотрено предоставление субвенций из республиканского бюджета в местные бюджеты, которые могут быть направлены на погашение задолженностей по лизинговым платежам [6]. Реализация подобного бюджетного обязательства сопряжена с рядом правоотношений: бюджетных (между бюджетами различных уровней – государственным и местным), банковских и гражданско-правовых (между лизингодателем и лизингополучателем – субъектом предпринимательской деятельности, а также между местным бюджетом и лизингополучателем) (рисунок 4).

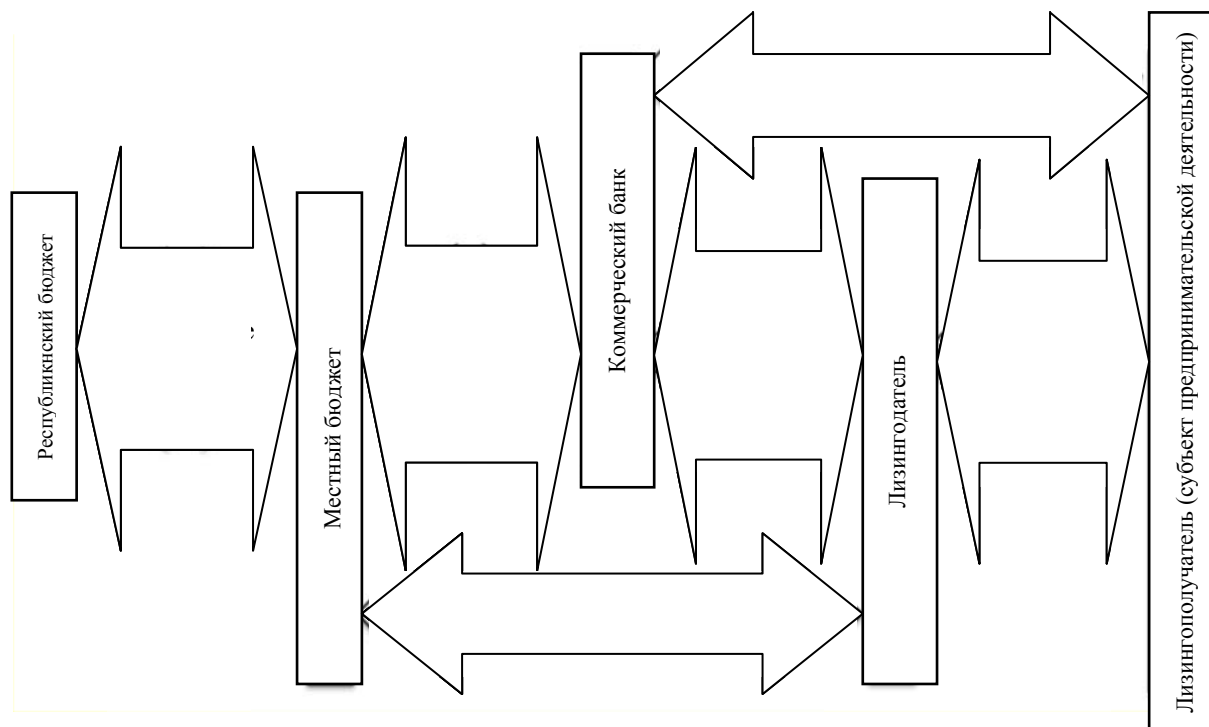

Рисунок 4. – Правоотношение, связанное с исполнением бюджетных обязательств в сфере лизинга

Сложная структура правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, может быть обусловлена, в частности, особыми условиями бюджетного финансирования. Например, в Республике Беларусь может быть предусмотрено предоставление бюджетных средств определенным субъектам предпринимательской деятельности, которые, в свою очередь, могут заключать договоры о выполнении работ, финансирование которых осуществляется из бюджета, с иными субъектами. В случае нарушения последними условий выполнения работ возможно беспорное списание денежных средств с их счета в бюджет [7]. Между распорядителем бюджетных средств и организацией-получателем складываются бюджетные отношения, между организацией-получателем и заказчиком и организацией-подрядчиком – гражданско-правовые отношения, а между организацией-подрядчиком и распорядителем бюджетных средств – финансовые отношения (рисунок 5).

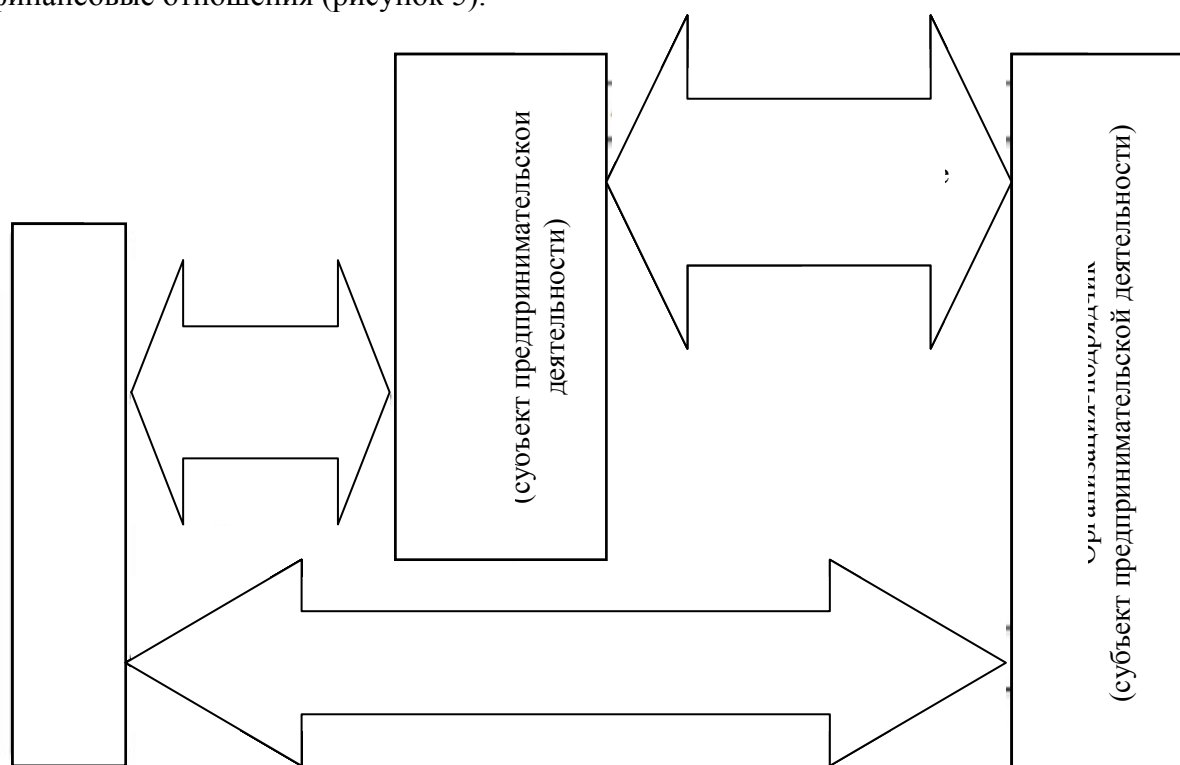

Рисунок 5. – Правоотношение по оплате работ за счет средств бюджета

Юридическая оценка правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, имеющих многоступенчатую структуру, по пределам оценки не совпадает с рассматриваемой в области бюджетного регулирования или иного отраслевого ввиду явной недостаточности оценки в рамках любой из них. Характеристика исключительно бюджетных правоотношений при юридической оценке бюджетных обязательств становится явно недостаточной: реализация бюджетных обязательств предполагает правоотношения как между субъектами, осуществляющими свои правомочия на соответствующих уровнях бюджетной системы, так и другими, не входящими в эту систему: юридическими лицами, организациями, не являющимися юридическими лицами, физическими лицами и др.

Выделенная типология правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, отражает специфику их юридической оценки при осуществлении криминологического анализа и позволяет преодолеть одну из системных проблем нормативно-правового регулирования, обозначенную В.П. Шиенком как «несоответствие уровня

индивидуального и общественного сознания и объективных потребностей практики» [4, с. 201], явно проявляющуюся при осуществлении криминологического анализа. Пути ее решения основаны на применении комплексного теоретико-криминологического, сравнительно-правового и нормативно-юридического методологического подходов в контексте криминологии как междисциплинарной социо-антропо-правовой науки о преступности [8].

Заключение

Юридическая оценка правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, в контексте криминологического анализа этих отношений позволяет выделить связи субъектов и увидеть правоотношение как целостное образование, не ограниченное отраслевыми нормами, пусть ими и определяемое.

Преступная схема может представлять собой совокупность правомерных, юридически значимых действий (гражданско-правовых сделок и др.), автономная оценка которых не позволит выявить противоправность и направленность умысла при посягательствах на бюджетные средства. Полноценная оценка правомерности и наличия рисков, в том числе виктимологических, возможна в условиях синтетического анализа бюджетных и других правоотношений, возникающих при исполнении бюджетных обязательств. Криминологический анализ обеспечивает единство праворегулирующей и правоохранительной деятельности.

Выделяются особенности юридической оценки правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, в контексте криминологического анализа:

- 1) юридическая оценка бюджетных правоотношений, как правило, не является достаточной при осуществлении криминологического анализа бюджетных обязательств;
- 2) вариации структуры и содержаний правоотношений при реализации бюджетных обязательств, часто включающих и иные, кроме бюджетных, правоотношения.

Подобное положение складывается в условиях существования института исполнения бюджетных обязательств как структурной единицы бюджетного права, но заведомо отраслевой акцент на юридической оценке правоотношений без учета особенностей, возникающих при исполнении бюджетных обязательств, в криминологии является недопустимым.

Для обеспечения качества и повышения эффективности криминологического анализа правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, представляется такое построение типологии исследуемых правоотношений:

- 1) простые правоотношения, имеющие одноступенчатую структуру:
 - а) бюджетные отношения;
 - б) иные отраслевые отношения;
 - в) совокупность бюджетных и иных отраслевых норм как части общего правоотношения;
- 2) сложные правоотношения, имеющие многоступенчатую структуру:
 - а) двухступенчатые;
 - б) трехступенчатые;
 - в) четырехступенчатые и др.

В рамках криминологического анализа правоотношений, связанных с исполнением бюджетных обязательств, необходим межотраслевой подход, заключающийся в выборе инструмента юридической оценки этих правоотношений – моноотраслевого или мультиотраслевого – в зависимости от вида, содержания и специфики этих правоотношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев. – М. : Щит-М, 1999. – 340 с.
2. Бюджетный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 2008 г., № 412-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Соловьев, О. Г. Уголовно-правовая охрана бюджетных отношений как элемент экономической безопасности государства / О. Г. Соловьев // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 232–234.
4. Шиенок, В. П. Проблемы реализации принципов гражданского права / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. – Минск : МИТСО, 2017. – С. 191–204.
5. Новиченко, А. А. Юридическая оценка и особенности ее проявления в различных сферах правовой деятельности : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 12.00.01 / А. А. Новиченко ; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2006. – С. 17.
6. О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 мая 2009 г., № 255 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 15.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. Шаринская, А. Н. Требование о возврате из бюджета денежных средств, списанных в бесспорном порядке / А. Н. Шаринская // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. Разработка теоретической концепции и научно-прикладной модели системы профилактики правонарушений и с учетом правоприменительной практики внесение изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [Электронный ресурс] / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://center.gov.by/reportBaranovskiy.html>. – Дата доступа: 14.10.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.11.2017

Rezyuk V.I. The Legal Relationship Connected with Execution of the Budgetary Obligations: Specifics of Legal Assessment in the Context of the Criminological Analysis

The article examines the legal relationship related to the implementation of budgetary obligations, and specifies the specificity of their legal assessment in the implementation of criminological analysis: diversity of types, structures and contents of legal relationships. The author of the article points out separate options of implementation of the budgetary obligations and systematizes types of legal relationships on the their execution.

УДК 343.97

Е.В. Романюк

*ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: lee_@mail.ru*

ПРОБЛЕМА СТИГМАТИЗАЦИИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

На основе теоретического анализа криминологической литературы и социологического исследования систематизируются основные положения теории стигматизации применительно к профилактике потребления наркотиков, а также социальной реабилитации лиц, страдающих наркоманией. Сделан вывод о существовании высокого уровня стигматизации лиц, употребляющих наркотики, что является обстоятельством, препятствующим профилактике наркомании. Высокий уровень стигматизации личности наркозависимого является одной из причин возвращения к употреблению наркотиков. Успешность ресоциализации зависимого напрямую зависит от восприятия его обществом.

Введение

В 1938 г. в криминологической науке появилась новая теория. Ее положения были основаны на тезисах труда «Преступность и общество» Френка Танненбаума из Колумбийского университета. Ученый попытался применить к решению криминологических проблем социологическую теорию интеракционизма чикагского социального психолога Джорджа Герберта Мида, который рассматривал общественную жизнь как серию социальных ситуаций и типичных реакций людей на поведение окружающих – интеракций. Мид выдвинул концепцию символического интеракционизма (взаимодействия) – способность людей «квалифицировать» («трактовать») действия, поступки, поведение других. Согласно теории Дж.Г. Мида каждому индивиду общество определяет какую-то роль, в которую тот «вкладывает себя, как актер», а его поведение определяется социальными ожиданиями и стереотипами. Вообще теория стигмы основывалась на многих философских и социальных течениях. Советский и российский ученый-криминолог А.И. Долгова отмечает, что основная мысль описанной выше теории была сформулирована столетием ранее, в 1838 г., М.Ю. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени»: «Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились». Применив рассматриваемые положения к проблемам объяснения девиантного поведения, Ф. Танненбаум доказал, что неправильное реагирование общества на отклоняющееся поведение является одним из наиболее значимых факторов продолжения и ухудшения девиации [1, с. 335].

Теория стигматизации (этикетирования, клеймения) пользуется популярностью среди зарубежных криминологов; ее влияние на практику существенно. Согласно данной теории отклоняющееся от нормы и необычное поведение в значительной мере объясняется тем, что общество снабжает индивида каким-нибудь ярлыком. Стигматизация приводит к тому, что отклонение закрепляется и даже что оно-то в основном и ответственно за девиантное поведение. В соответствии с идеями американского криминолога Говарда Беккера, девиант становится таковым лишь тогда, когда его таким признало общество. В книге Беккера «Аутсайдеры» (1963) есть ставшая знаменитой формула: «Девиант тот, кому был прикреплен соответствующий ярлык; девиантное поведение – это поведение, которое люди так обозначили». Еще один американский исследователь Эдвард Лемерт, развивая взгляды коллег по теории стигматизации, ввел понятие вторичной девиантности. Первичная девиантность – это то, из-за чего общество снабжает

индивида какой-нибудь стигмой: «душевнобольной», «криминальный тип», «наркоман». Вторичная девиантность вызывается девиантной ролью, которую, по мнению общества, должен играть индивид. С этой точки зрения девиантное поведение создается общественной реакцией на первичную девиантность и представляет собой средство защиты индивида от возникающих из-за этого проблем или приспособления к ним. Американский социолог Ирвинг Гоффман сформулировал следующее определение: стигматизация – это процесс выделения индивидов среди других на основании некоторых неприемлемых отклонений от нормы с целью применения общественных санкций. Стигматизировать кого-то – означает маркировать или клеймить человека определенной стигмой («преступник», «алкоголик», «наркоман» и др.). Каждый из терминов интенсивно эмоционально заражен и при употреблении показывает отношение субъекта к описываемому человеку. Например, подросток становится «трудным», потому что так его называют. Гоффман считал, что процесс криминализации взаимосвязан с процессом наклеивания ярлыков. Этот замкнутый круг есть «драматизация зла». Разорвать порочный круг можно, лишь минимизировав навешивание ярлыков. Проще говоря, это означает «не обзывать» [2, с. 85].

Ф. Танненбаум считал, что драматизация негативных черт личности превращает девиантное поведение в один из способов, помогающих привлечь внимание обществу, обратить на себя внимание и, следовательно, формирует репутацию, которая понуждает индивида придерживаться роли лица с отклоняющимся от нормы поведением. Тем, кто однажды был заклеен как преступник, наркоман, проститутка, трудно избавиться от этого образа и восстановить свое прежнее положение в обществе. Общество исходит из стереотипного представления о таком лице как о человеке низких моральных качеств, заслуживающем порицания [2, с. 161–162].

Теория стигматизации проявляется и в профилактике употребления наркотиков. Создателями стигматизации являются сами наркопотребители, их родственники, медики, сотрудники правоохранительных органов.

Кандидат медицинских наук А.А. Александров выделил характеристики стигматизируемых, которые усиливают предубежденность против них. Такими характеристики используют СМИ, описывая «типичных наркоманов»: молодые люди с «типичной внешностью», увлекающиеся альтернативной музыкой, безработные, неспособные отвечать за свои действия. Термин «наркоман» явно стигматизирующий; он подразумевает безнадежность, предполагает, что зависимость – это основная характеристика человека. Еще одной сигмой является тезис о том, что наркомания неизлечима. Поэтому якобы «бывших наркоманов не бывает» (хотя имеется много случаев успешной реабилитации наркозависимых). Большинство наркозависимых, наоборот, непотерянные личности, многие хотят вернуться к нормальной жизни, излечиться от наркомании. Стигма же обесценивает и дискредитирует людей, употребляющих наркотики и зависимых от них, культивируя чувство стыда, вины, незащищенности и изоляции. Ярлык не позволяет им воспользоваться услугами или своими правами, усиливает их маргинализацию [3].

Включаясь в сеть наркопотребителей, индивиды осуществляют переход из одной социальной группы в другую. Между потребителями наркотиков и индивидами из других социальных групп формируется дистанция. Общество относится к наркозависимым как к людям социально обреченным, лишенным возможности адаптации в социуме. Им закрыты пути в некоторые профессии. Следствием этого является бессмысленность получения образования. Все это затрудняет борьбу с наркоманией с помощью реабилитационных процедур, так как ведет к ослаблению мотивации пациента. В ходе такой дискриминации наркозависимые еще больше изолируются, что приводит к утере контроля над ними [5].

Таким образом, последствия стигмы, относящейся к наркомании, включают убеждения, дискредитацию, осуждение наркозависимых, а также их дискриминацию.

А.А. Александров выделяет явную и скрытую дискриминацию наркозависимых людей. Явная – это когда от больного все отворачиваются или когда наркозависимого лишают работы, основываясь на норме права, лишают возможности быть принятым на определенную работу, например, водить автомобиль и т.д. Скрытая дискриминация проявляется, например, тогда, когда человека, у которого в настоящем или в прошлом был диагноз наркомания, не берут на новую работу, объясняя это тем, что его квалификация недостаточна.

Стигма и дискриминация заводят в тупик усилия, направленные на контроль распространения потребления наркотиков. Кроме того, именно они являются одними из основных барьеров, препятствующих предупреждению наркомании. Обычно в общественном сознании употребление наркотиков ассоциируется с определенными социальными группами, которые воспринимаются как «аутсайдеры» (проститутки, преступники, бомжи). Люди питают иллюзию, что им самим (их семьям, детям) не грозит риск зависимости. Но это ложное чувство безопасности снижает результативность мер профилактики. В обывательской среде существует твердое убеждение: «Вместо наркотиков я лучше бы водки выпил». Боязнь дискриминации мешает людям обратиться в службы, предоставляющие программы профилактики наркозависимости и лечения наркомании. Т.е. стигма и дискриминация создают идеальный климат для дальнейшего роста потребления наркотиков и развития наркотической зависимости [3].

Наряду с негативным стигматизация имеет и положительное влияние. Стигматизация создает негативную социальную идентичность наркозависимых и ставит под угрозу их самооценку. Кроме того, это явление положительно влияет на предупреждение первичного употребления наркотиков среди подростков и молодежи.

Интересным представляется мнение советского и российского криминолога Я.И. Гилянского: «Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими – это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат» [4, с. 284]. Т.е. недостаток «позитивных санкций» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую привычно пытаются «исправить» негативными санкциями.

Специалисты, занимающиеся этой проблемой, видят следующие пути решения. Первое направление – это общественно-просветительская деятельность по формированию толерантности по отношению к индивидам в ремиссии. Уменьшение стигмы и дискриминации в связи с потреблением наркотиков возможно путем введения более жесткой цензуры для СМИ. Фактор Интернета и кино в создание терпимой позиции по отношению к потребителям наркотиков является очень существенным. Повышение общественной толерантности возможно при более активном взаимодействии СМИ с наркологическими учреждениями, учреждениями, оказывающими помощь наркопотребителям, создателями образовательных программ для наркозависимых.

Действенными видятся и еще некоторые направления, позволяющие снизить уровень стигматизации в отношении наркозависимых. Это, например, создание клубов поддержки и взаимопомощи для бывших наркозависимых; создание кризисной службы для индивидов, имеющих риск рецидива, а также для людей, вернувшихся к употреблению наркотиков после длительной ремиссии; психологическая работа с наркозависимыми и их родственниками; привлечение наркозависимых людей, прошедших реабилитацию, к общественнополезной деятельности и к труду [5].

В Концепции социальной реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, с обязательным привлечением их к труду, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 2015 г. № 803, используется следующий термин: «Лица, страдающие наркоманией и токсикоманией, – граждане, страдающие зависимостью от потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических либо иных одурманивающих веществ, употребления алкогольных напитков и других психоактивных веществ». Целью социальной реабилитации (адаптации) лиц, страдающих наркоманией и токсикоманией, согласно данной Концепции, является реинтеграция в общество (адаптация в обществе) этих лиц. Задачами социальной реабилитации являются: отказ от употребления психоактивных веществ (ПАВ); выработка установки на ведение трезвого, здорового образа жизни; восстановление (повышение) социального статуса, утраченного или сниженного по причине употребления ПАВ; достижение определенного уровня духовно-нравственной, социально-психологической и экономической (материальной) независимости; возможность активной жизнедеятельности, формирование чувства ответственности и активной жизненной позиции, повышение уровня социальной адаптации к новым условиям жизнедеятельности; обеспечение гарантий (стабильности) в трудовой и образовательной сфере, сфере социального обслуживания и в области здравоохранения [6, статьи 2, 18–19].

На наш взгляд, достижение указанных задач при существующем в обществе уровне стигматизации наркозависимых не представляется возможным.

Одним из мероприятий по реализации рассматриваемой Концепции, является проведение в средствах массовой информации постоянной агрессивной пропаганды с использованием современных технологий в целях выработки установки на ведение трезвого, здорового образа жизни, решительный отказ от потребления ПАВ [6, ст. 29]. Однако применительно к теории стигматизации реализация данного пункта несет и негативные последствия. Обычно у нас в стране материалы антинаркотической пропаганды нацелены на «устрашающий» эффект, основаны на демонстрации образа «грязного, опустившегося наркомана», показанного в момент нахождения под воздействием ПАВ или в период ломки. Это также влияет на выработку в обществе негативного отношения к лицам, зависимым от веществ.

Для подтверждения данных тезисов нами был проведен социологический опрос среди 100 граждан в возрасте от 18 до 58 лет.

На вопрос «Считаете ли вы, что термин “наркоман” несет негативную смысловую окраску?» опрошенные ответили следующим образом: «да» – 86; «нет» – 14.

Следующим был вопрос: «Какой термин вы считаете более корректным: “наркоман”, “наркозависимый”, – или они равнозначны»? Ответы распределились так: «наркоман» – 11; «наркозависимый» – 67; «они равнозначны» – 22.

Третий вопрос был сформулирован таким образом: «Если бы Вы рассказывали о человеке, зависимом от наркотиков, к которому Вы хорошо относитесь, то сказали бы: мой друг – а) наркоман; б) наркозависимый; в) другое (укажите)?». Ответы респондентов были такими: «наркоман» – 29; «наркозависимый» – 31; «другое» – 40. Среди вариантов «другое» были предложены: «употребляет наркотики», «болен», «болен наркозависимостью», «страдает наркоманией», «нарик», «у него проблемы с наркотиками». Последний вариант выбрали два респондента, год назад переехавшие в США. Это иллюстрирует тот факт, что в западных обществах не принято называть других людей «алкоголиками», «наркоманами», «бандитами», «хулиганами», «проститутками», «двоечниками». Там говорят: «У Ханны проблема с алкоголем», «У Дэвида проблема с наркотиками», «У Оливера проблема с законом», «У Эмили проблема с математикой».

12 опрошенных по собственной инициативе сделали пометку, смысл которой заключается в следующем: «как его ни называй, от этого меньше употреблять он не ста-

нет». Данное мнение показывает, что уровень недоверия общества к лицам, страдающим зависимостью от потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, довольно высок. Большинство людей скептически относятся к попыткам излечиться от зависимости.

На четвертый вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что “бывших наркоманов не бывает”?» опрошенные ответили следующим образом: «да» – 75; «нет» – 25. Т.е. три четверти опрошенных даже теоретически не дают наркозависимым второго шанса, т.к. считают их потерявшими для общества.

Проанализировав данные опроса, можно сделать вывод о том, что большинство опрошенных термин «наркоман» считают негативным, соответственно, стигматизирующим. Почти 70 % опрошенных считают термин «наркозависимый» более корректным. Однако, формулируя ответ на третий вопрос, 29 % респондентов отметили, что сказали бы «Мой друг – наркоман», хотя в первом вопросе большинство посчитало данный термин негативной характеристикой. И из ответов в целом следует, что общество настроено к наркозависимым негативно и скептически относится к возможности излечения от зависимости.

Заключение

Таким образом, влияние теории стигматизации на практику существенно. Эта теория поспособствовала тому, что на Западе стали лояльно относиться к сексуальным меньшинствам, наркоманам и т.д.

Существование стигматизации лиц, употребляющих наркотики, является проблемой, препятствующей профилактике наркомании. Высокий уровень стигматизации личности наркозависимого является одной из причин возвращения к употреблению наркотиков. Проблема требует решения, от результатов зависит доверие потребителей наркологической помощи к врачам и медицине в целом. Успешность ресоциализации наркозависимого непосредственно связана с восприятием его обществом. Изменить восприятие наркобольшого и отношение к нему со стороны общества может осознание обществом того факта, что основными причинами зависимости являются социальные и социально-психологические факторы.

Представляется целесообразным минимизировать навешивание ярлыков. Считается, что употребление политически корректного языка позволяет уменьшить дискриминацию людей со стигмой. На наш взгляд, правильнее вместо «наркоман» употреблять медицинский термин «зависимый от наркотиков» («наркозависимый»).

Также считаем необходимым обратить внимание на положения теории стигматизации при разработке мероприятий по профилактике потребления наркотиков, а также по социальной реабилитации лиц, страдающих наркоманией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2001. – 784 с.
2. Введение в криминологию : пер. с англ. / под ред. В. М. Когана, Б. С. Никифорова. – М. : Прогресс, 1980. – 312 с.
3. Александров, А. А. Стигматизация в наркологии [Электронный ресурс] / А. А. Александров // Белорус. мед. акад. последипломного образования. – Режим доступа: http://правовая-наркология.рф/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=6&id=193&Itemid=66. – Дата доступа: 15.11.2017.

4. Гишинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 520 с.

5. Кутянова, И. П. Ресоциализация наркозависимых: социально-психологические аспекты [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. психол. наук / И. П. Кутянова. – СПб., 2007. – Режим доступа: <http://psibook.com/scholarly/resotsializatsiya-narkoza-visimyh.html>. – Дата доступа: 15.11.2017.

6. Об утверждении Концепции социальной реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, с обязательным привлечением их к труду [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 сент. 2015 г., № 803 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.02.2018

Romanyuk E.V. The Problem of Social Stigma toward Persons with Drug and Psychotropic Substances Addiction and their Analogues

The article is devoted to the study of stigmatization of persons with drug and psychotropic substances addiction and their analogues. Based on the theoretical analysis of criminological literature and sociological research, the author systematizes the main provisions of the stigma theory with regard to the prevention of drug use, as well as the social rehabilitation of people who suffer from drug addiction. It was concluded that there is a high level of stigmatization of people who use drugs, which is an obstacle to the prevention of drug abuse. The high level of stigmatization of the drug addict's personality is one of the reasons for the return to drug use. The success of the re-socialization of the addicts directly depends on the perception of the society.

УДК: 349.2(476)

Т.И. Чугунова

*ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: tatsiana.ch@tut.by*

РАЗРЕШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рассматриваются правовые подходы белорусских ученых к определению индивидуального трудового спора. Анализируются отдельные положения Закона Республики Беларусь «О медиации» и Закона Республики Беларусь «О третейских судах» и их соотношение с Трудовым кодексом Республики Беларусь, регламентирующим рассмотрение индивидуальных трудовых споров комиссиями по трудовым спорам, судами общей юрисдикции и органами примирения, посредничества и арбитража. Делается вывод о необходимости разработки в Республике Беларусь единой концепции разрешения индивидуальных трудовых споров и приведении в соответствие с ней актов законодательства.

Введение

Ст. 41 Конституции Республики Беларусь гарантирует гражданам Республики Беларусь право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека [1]. Основной правовой формой его реализации является трудовой договор. В процессе трудовой деятельности между работником и нанимателем нередко возникают индивидуальные трудовые споры (далее – ИТС).

Гл. 17 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) относит разрешение ИТС к компетенции комиссий по трудовым спорам (далее – КТС) и судов. Кроме того, согласно ст. 251 ТК для рассмотрения споров наниматели по соглашению с профсоюзами могут создавать органы примирения, посредничества и арбитража [2].

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации) и Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах» (далее – Закон о третейских судах) предоставили сторонам трудового договора новые возможности по урегулированию ИТС.

Суды общей юрисдикции ежегодно рассматривают достаточно большое количество дел, вытекающих из трудовых и связанных с ними отношений. Например, в 2014 г. таких дел было рассмотрено 7 919 (удовлетворено 6 542 иска), в 2015 г. – 9 788 (удовлетворено 8 177 исков), в 2016 г. – 9 646 (удовлетворено 7 988 исков) [3]. Эти данные свидетельствуют о том, что в Республике Беларусь судебная форма защиты трудовых прав является основной. В связи с этим можно согласиться с В.С. Каменковым, что судебная практика, даже при высоком проценте удовлетворения исков по ИТС, не может предупредить их возникновения и снизить их количество [4]. К помощи иных органов (КТС, третейских судов, органов примирения) и лиц (медиаторов) стороны ИТС прибегают значительно реже.

Цель статьи – проанализировать отдельные проблемы правового регулирования разрешения ИТС, препятствующие более широкому использованию для их урегулирования форм альтернативных обращений в суды общей юрисдикции.

Трудовой кодекс Республики Беларусь не содержит дефиниции индивидуальных трудовых споров и их классификации по предмету спора. В юридической литературе неоднократно высказывались мнения о том, что отсутствие в законодательстве легального определения и классификации ИТС значительно снижает эффективность применения нормативных правовых актов. Ученые инициировали внесение дополнений в ТК с целью ликвидации этого пробела. Так, Н.С. Пилипенко полагает необходимым закрепить в ТК определение ИТС как «действия субъектов трудового права (нанимателя

и работника), направленные на урегулирование спорного трудового правоотношения (разногласия), складывающегося при возникновении правонарушений в процессе применения норм трудового законодательства или в связи с установлением новых и изменением существующих условий труда путем обращения в уполномоченный юрисдикционный орган» [5]. О.С. Курылева считает, что индивидуальный трудовой спор – это «разногласия сторон индивидуальных трудовых и тесно связанных с ними отношений (нанимателя и работника либо кандидата на рабочее место, либо лица, проходящего обучение) по поводу применения нормативных и индивидуальных источников регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений (спор о праве), а также по поводу установления условий труда в индивидуальном порядке (спор об интересах), которые разрешаются на основе принципов социального партнерства усилиями спорящих сторон, примирительно-посредническими, арбитражными, судебными и иными органами в соответствии с их компетенцией» [6, с. 257]. Как мы видим, автор не только дает определение ИТС, но и классифицирует их на «споры о праве» и «споры об интересе».

Другие белорусские ученые придерживаются традиции деления ИТС на неисковые (об интересе) и исковые (о праве). Так, Е.В. Мотина относит к исковым конфликты права, касающиеся «применения или толкования норм, установленных нормативными правовыми актами и коллективными договорами», а к неисковым – конфликты интересов, возникающие «в связи с требованиями установления новых или изменения существующих условий труда» [7, с. 143]. Таким образом, в юридической литературе не сформировалось единого мнения по вопросу определения индивидуального трудового спора, которое могло бы быть взято за основу при внесении дополнений в Трудовой кодекс. В связи с этим, по нашему мнению, научная дискуссия в этом направлении будет продолжаться и дальше ввиду ее актуальности.

Согласно ст. 11 ТК ИТС по вопросам применения законодательства о труде, коллективного договора, соглашения рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами [2]. Подведомственность трудовых споров судам общей юрисдикции определена в ст. 241 ТК. Для работников, не являющихся членами профсоюза, установлена альтернативная подведомственность, т.е. они по своему выбору могут обратиться в КТС или в суд. Для работников – членов профсоюза определена условная подведомственность, т.е. КТС для них – обязательный первичный орган по рассмотрению спора. При несогласии же с ее решением стороны вправе направить иск в суд. Работник, не являющийся членом профсоюза, по своему желанию определяет, обратиться ли ему в КТС или в суд. Исключение составляют трудовые споры, которые рассматриваются только судами (исключительная подведомственность) – ч. 2 ст. 241 ТК. Стоит, однако, обратить внимание на неравенство в рассмотрении ИТС в КТС работников – не членов профсоюза и работников – членов профсоюза: первые могут самостоятельно выбрать орган для обращения (КТС или суд), вторые же необоснованно лишены такой возможности.

В настоящее время наметилась очевидная тенденция: все меньше нанимателей создают у себя комиссии по трудовым спорам. Работники, в свою очередь, также имеют невысокую степень заинтересованности в наличии КТС и доверия к ней. Полагаем, что одна из причин этого – несовершенство правового регулирования создания и деятельности КТС и неполное его соответствие современным потребностям и ожиданиям участников трудовых правоотношений. Мы согласны, что у работников независимо от членства в профсоюзе должна быть свобода выбора. Единственное, что может и должно мотивировать их на обращение в КТС – это авторитет, приобретенный этим органом.

Таким образом, в КТС и судах могут разрешаться только споры о праве (исковые). Споры об интересе к их компетенции не относятся.

Вместе с тем в ТК закреплены способы защиты не только субъективных прав, но и законных интересов работников. Так, ст. 251 ТК предоставляет нанимателю право

по соглашению с профсоюзами создавать органы примирения, посредничества и арбитража для урегулирования ИТС. Порядок создания и работы этих органов названная норма не определяет, а относит к компетенции сторон. При этом не должно ограничиваться право работника на судебную защиту [2]. В связи с этим Е.В. Мотина считает, что «если спор определяется как конфликт интересов, то порядок его разрешения основывается на примирительных процедурах», а «если же предмет спора состоит из разногласий по поводу соблюдения законодательства, то порядок разрешения спора – судебный» [7, с. 143]. О.С. Курьлева к подведомственности названных в ст. 251 ТК органов в силу системного толкования статей 233, 236, 241 и 377 ТК относит споры между работником и нанимателем по вопросам индивидуально-договорного регулирования трудовых отношений, т.е. когда наниматель вправе, но не обязан предоставить, установить или изменить работнику условия труда [6, с. 258]. Однако ст. 251 ТК на практике не работает, и сторонами не используются закрепленные в ней возможности. Это обусловлено, по нашему мнению, несовершенством правового регулирования. На это также неоднократно обращали внимание ученые и вносили предложения по его устранению. Так, например, Т.Н. Важенкова предлагает ст. 233 ТК дополнить: «3) органы примирения, посредничества и арбитража». По ее мнению, «в статье необходимо установить порядок создания и функционирования органов примирения, посредничества и арбитража, а также определить перечень ИТС, которые могут быть разрешены в порядке примирительной процедуры» [8, с. 33].

Хотелось бы обратить внимание и на то, что Международная организация труда в Рекомендации № 92 «О добровольном примирении и арбитраже» ориентирует государства на создание органов по добровольному примирению с целью предупреждения и разрешения трудовых споров. При этом особо подчеркивается, что процедура должна быть оперативной, бесплатной и добровольной [9].

Закон о медиации впервые определил правовые основы для использования такого способа разрешения ИТС, как медиация. В ст. 2 названного Закона указано, что медиация применяется в целях урегулирования споров, которые возникают из гражданских, трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений [10]. Медиацию принято считать перспективным механизмом, который способен снизить нагрузку на суды и сделать процедуру урегулирования конфликта более комфортной для сторон. В Беларуси уже имеется практика ее применения: пилотные проекты в суде Минского района Минской области свидетельствуют о том, что трудовые споры имеют высокий уровень медиабельности (средний показатель ее успешности – 78 %) [11]. Медиация, безусловно, имеет преимущества перед судебным разбирательством. Она может помочь в решении не только споров о праве и споров об интересе, но и любого конфликта между нанимателем и работником. В процедуре медиации стороны не связаны, как в судопроизводстве, с предметом, содержанием и основанием иска. Они могут обсуждать, изменять условия будущего соглашения с учетом своих интересов и потребностей.

В компетенцию суда общей юрисдикции входит разрешение ИТС с правовой позиции. Очевидно, что судебное постановление по трудовому спору далеко не всегда разрешит сам конфликт. Ведь содержание конфликта зачастую составляют интересы сторон, не совпадающие с правовыми позициями. Следовательно, эффективность урегулирования спора будет зависеть от того, учтены ли интересы и потребности сторон, а не только от того, обоснована позиция нормами права или нет. Эта точка зрения находит отражение и в юридической литературе. Например, Л.В. Зайцева считает: «Мотивацией обращения к медиации по трудовому спору может стать, в числе прочего, небезупречность правовых позиций каждой стороны. А потому решение суда для сторон неочевидно, и возможные негативные последствия судебного решения делают переговоры

ный процесс актуальным и востребованным». Анализируя условия, при наличии которых у сторон возникает мотивация обратиться к медиации, Л.В. Зайцева утверждает: «Стороны должны находиться в состоянии существенной взаимозависимости. Но относительно индивидуальных трудовых споров здесь существует проблема. Медиация малоэффективна при сильном фактическом (материальном, организационном) неравенстве сторон. В ней может быть не заинтересован работник, который в своем конфликте с работодателем уже дошел до суда и на сохранение нормальных межличностных отношений уже не надеется. Кроме того, для работника судебное разбирательство бесплатно, и, если он не видит перспектив сохранения трудовых отношений, медиация может показаться способом затягивания разрешения проблемы» [13, с. 38].

Однако широкого распространения в Республике Беларусь медиация по ИТС пока не получила. Причины кроются, по нашему мнению, в несогласованности действующего трудового законодательства и законодательства о медиации. В частности, ст. 241 ТК освобождает работников при рассмотрении индивидуальных трудовых споров от уплаты судебных расходов. В то же время согласно ст. 17 Закона о медиации медиатор имеет право на получение вознаграждения, размер которого устанавливается по соглашению со сторонами. Расходы на выплату вознаграждения распределяются между сторонами в равном объеме, если их соглашением не определен иной порядок. Это означает, что работник, являясь более незащищенной стороной трудового правоотношения, должен будет заплатить столько же, сколько и наниматель. На наш взгляд, прежде всего поэтому судебная форма защиты для работника является более предпочтительной. Возложение же обязанности в полном размере выплачивать вознаграждение медиатору на нанимателя может сделать процедуру медиации неприемлемой для него. Без решения этой проблемы вряд ли стоит рассчитывать на значительный рост количества трудовых споров, урегулированных с участием медиатора.

Закон о третейских судах к компетенции третейских судов относит любые споры, возникающие между сторонами, заключившими третейское соглашение, за исключением споров, указанных в ст. 19 названного Закона. Таким образом, предметом третейского разбирательства могут быть и ИТС. Третейское разбирательство, безусловно, имеет свои преимущества. Так, согласно ст. 5 Закона о третейских судах, одним из его принципов является конфиденциальность, т.е. участники не вправе без согласия сторон разглашать ставшие им известными сведения [13]. В этом могут быть заинтересованы стороны ИТС, зачастую не желающие придавать огласке существующие между ними разногласия. По итогам разбирательства третейский суд выносит обязательное для сторон мотивированное решение, вступающее в силу в день его принятия [13, ст. 5, 36]. Решение, не исполненное добровольно в установленный срок, подлежит принудительному исполнению на основе выданного судом исполнительного документа [13, ст. 50]. Это дает работнику уверенность в том, что решение нанимателем будет исполнено. Вместе с тем в соответствии со ст. 5 Закона о третейских судах за свою деятельность по разрешению спора третейские судьи имеют право получить вознаграждение, т.е. деятельность третейских судей является возмездной [13]. Таким образом, как и в случае с медиацией, встает вопрос о том, на кого и в каком размере лягут расходы, связанные с обращением в третейский суд. Поэтому обращение в суд общей юрисдикции для работника более выгодно.

Заключение

Эффективное разрешение индивидуальных трудовых споров является важнейшей гарантией обеспечения стабильности трудовых отношений и соблюдения прав и интересов их участников.

Отсутствие закрепления в Трудовом кодексе Республики Беларусь легального определения индивидуального трудового спора является препятствием к созданию четкого правового механизма их рассмотрения.

Нормативные правовые акты в сфере разрешения индивидуальных трудовых споров разрабатывались и принимались в разное время, поэтому их отдельные нормы не в полной мере соответствуют требованиям сегодняшнего дня (например, о разрешении ИТС комиссиями по трудовым спорам) или же не учитывают особенностей этого вида правовых споров. В связи с этим формы урегулирования трудовых конфликтов, альтернативные судебной, не имеют широкого распространения в практике.

Таким образом, считаем необходимым внести в Трудовой кодекс Республики Беларусь нормы, регулирующие:

1) подведомственность, компетенцию и порядок деятельности органов примирения, посредничества и арбитража, создаваемых в соответствии со ст. 251 ТК;

2) особенности медиации и третейского разбирательства по индивидуальным трудовым спорам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/justice_RB/statistics/. – Дата доступа: 15.05.2017.

4. Каменков, В. С. Возможность медиации по индивидуальным трудовым спорам [Электронный ресурс] / В. С. Каменков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Пилипенко, Н. С. Теоретико-правовые подходы к исследованию понятия «индивидуальный трудовой спор» [Электронный ресурс] / Н. С. Пилипенко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Курылева, О. С. Применение примирительных процедур в процессе рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров в Республике Беларусь / О. С. Курылева // Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК Республики Беларусь) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 нояб. 2009 г. / редкол.: Т. А. Белова [и др.]. – Минск : Белпринт, 2009. – С. 257–268.

7. Мотина, Е. В. Применение примирительных процедур при разрешении трудовых споров за рубежом / Е. В. Мотина // Право.by. – 2010. – № 1. – С. 142–148.

8. Важенкова, Т. Н. Примирительные процедуры в индивидуальных трудовых спорах / Т. Н. Важенкова // Промышленно-торговое право. – 2001. – № 4 – С. 32–33.

9. Рекомендация МОТ от 29 июня 1951 года № 92 «О добровольном примирении и арбитраже» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/16658106/14111326/>. – Дата доступа: 10.05.2017.

10. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г., № 58-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Чем запомнился 2015 год для медиации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jurcatalog.by/news/47631/chem-zapomnilsya-2015-god-dlya-mediacii/>. – Дата доступа: 10.05.2017.

12. Зайцева, Л. В. Медиативные технологии в трудовых и непосредственно связанных с ними отношениях / Л. В. Зайцева // Трудовое право в России и за рубежом. – 2012. – № 1. – С. 36–39.

13. О третейских судах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г., № 301-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.05.2017

Chugunova T.I. Arrangement of Individual Labor Disputes in the Republic of Belarus: Problems of Legal Regulation

The article is devoted to the problem of legal regulation of the arrangement of individual labor disputes. Belarusian scientists' legal approaches to the definition of an individual labor dispute are considered. Some provisions of the law of the Republic of Belarus «About Mediation» and the law of the Republic of Belarus «About Arbitration Courts» and their relationship with the Labor Code of the Republic of Belarus regulating the consideration of individual labor disputes by labor commissions, courts of general jurisdiction and services of reconciliation, mediation and arbitration, are analyzed. It is concluded that it is necessary to develop a unified concept for the arrangement of individual labor disputes in the Republic of Belarus and to bring pieces of legislation in line with it.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *К.М. Мароз, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 07.05.2018. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 20,46. Ул.-выд. арк. 16,32.

Тыраж 100 экз. Заказ № 146.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.